

11-5p

143

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

143

АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

70

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

143

АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1975

Редакционная коллегия:

Н. Н. Воронин, О. С. Гадзюккая (ответственный секретарь),
 Н. Н. Гурина, И. Т. Круликова (ответственный редактор),
 К. Х. Кушнарёва, А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев,
 П. А. Раппопорт (зам. ответственного редактора),
 В. В. Седов (зам. ответственного редактора),
 Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон

А. Н. КАРАСЕВ

К ВОПРОСУ О ВОДОСНАБЖЕНИИ
ОЛЬВИЙСКОГО ГИМНАСИЯ

Исследования последних лет в южной части ольвийского гимнасия V—III вв. до н. э. привели к открытию целого комплекса подсобных помещений, связанных с системой водоснабжения здания. В эту систему входили глубокий колодец, резервуары для подогрева воды и водопровод из гончарных труб. Отдельные части системы дошли до нас в исключительной сохранности. Это редчайший в археологической практике случай для античных городов не только Северного Причерноморья, но и Средиземноморья; он поэтому требует особого внимания. Настоящая статья ставит своей задачей дать представление об открытых частях системы водоснабжения, исследование которой, однако, еще не завершено.

Колодец находился в центре небольшого подвального помещения XI (рис. 1). Особая тщательность кладки стен, сохранившихся на значительную высоту, указывает на важную роль помещения. О ней свидетельствует и то, что в нише его северной стены была установлена статуя в виде полуфигуры Аполлона, обнаруженная *in situ*. Статуя в человеческий рост, изваянная в начале V в. до н. э., позднее была разбита и при перестройке гимнасия в IV в. до н. э. использована вторично¹. Она являлась своего рода «оберегом» помещения с источником воды, в которой на территории Верхнего города Ольвии была особая нужда.

Колодец, сооруженный не позднее второй половины V в. до н. э., дошел до наших дней в полной сохранности (рис. 2, 1). Два верхних венца его принадлежали более поздней обкладке III в. до н. э.² Ранняя горловина сделана из монолита почти правильной округлой формы. На ее верхней поверхности имеется 15 пазов, предназначенных, судя по их характеру, для установки какой-то металлической конструкции, которая служила не только ограждением колодца³. Малая глубина пазов (от 2 до 3,5 см) говорит о том, что верхняя конструкция представляла собой единое целое, тяжелое по весу. На горловине отсутствуют какие-либо следы потертости от веревок, наблюдавшиеся на верхнем венце. Следовательно, емкости с водой поднимались при помощи какого-то механического приспособления.

Шахта колодца диаметром 1 м на всю открытую высоту (12,50 м) сложена из прекрасно отесанных и тщательно пригнанных одинаковых по высоте квадратов⁴. Судя по тому, что водоносный слой залегает довольно глубоко от поверхности, полная глубина колодца была, вероятно, не менее 30—35 м. Колодец был засыпан во II в. до н. э.

¹ А. Н. Карасев. Раскопки ольвийской агоры в 1967—1969 гг. — КСИИ, 130, 1972, стр. 40—44.

² В процессе исследования верхние венцы после соответствующей фиксации были удалены.

³ А. Н. Карасев. Раскопки..., стр. 42.

⁴ В 1971 г. колодец был расчищен до глубины 15 м, характер кладки шахты и ее диаметр в 1 м сохраняются на всю открытую глубину.

10602-236 100-75
 К 042 (02)75

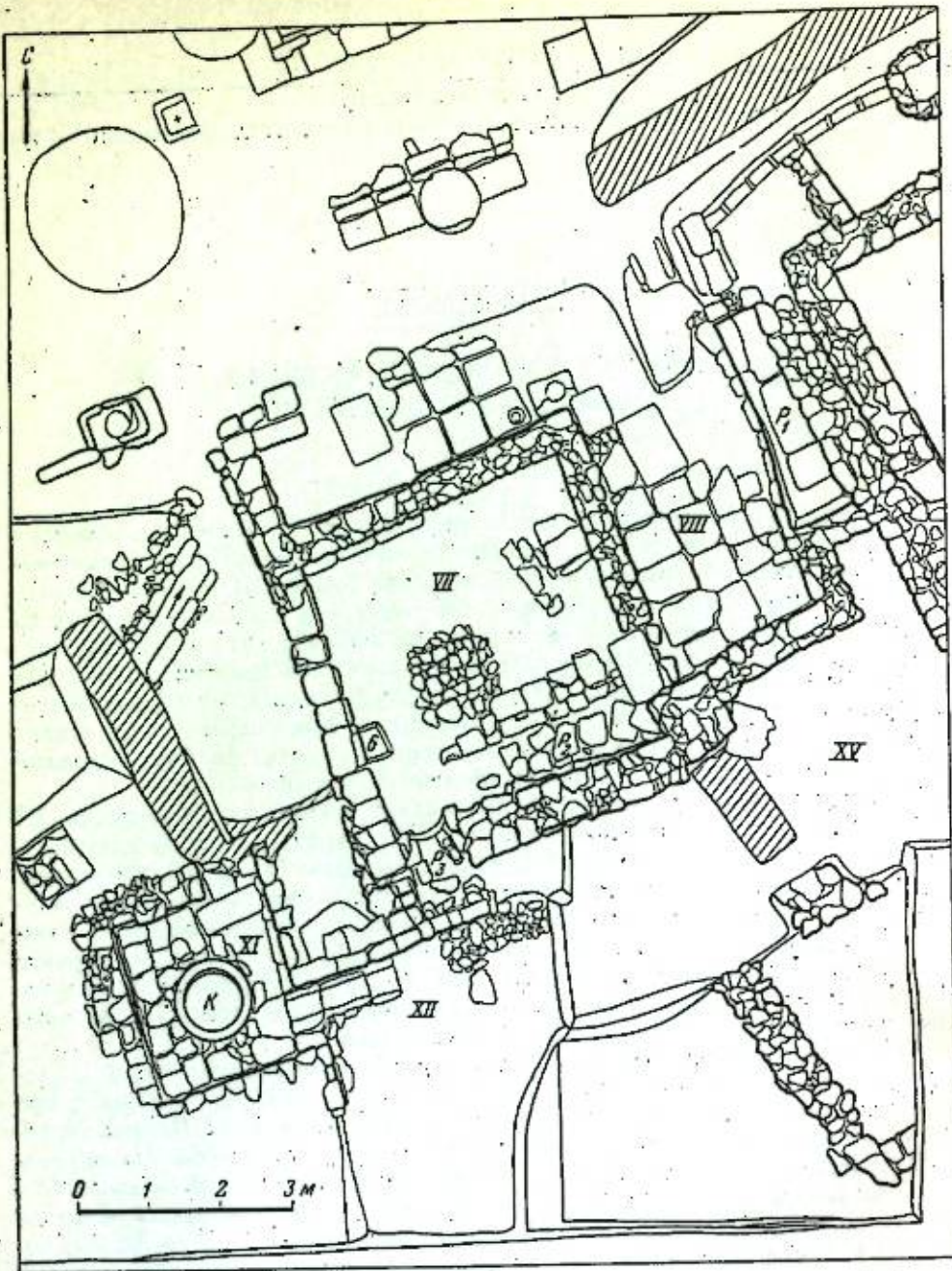

Рис. 1. План южной части раскопа E₂

С возведением колодца связано устройство глубокого котлована в материке, на засыпи которого стоят южные помещения гимназия. Первоначальное предположение, что раскрываемый котлован мог быть балкой или ранним рвом, основанное на его ориентировке (с юго-запада на северо-восток) и больших размерах (ширина 14 м)⁵, отпало в 1970 г., когда выявилась восточная граница, которая значительно отстоит от начала склона к нижележащей террасе⁶. Стало очевидным, что котлован имел специальное назначение и его, вне сомнения, следует связывать с возведе-

⁵ А. Н. Карасев. Раскопки..., стр. 44.

⁶ Западная граница котлована еще не установлена.

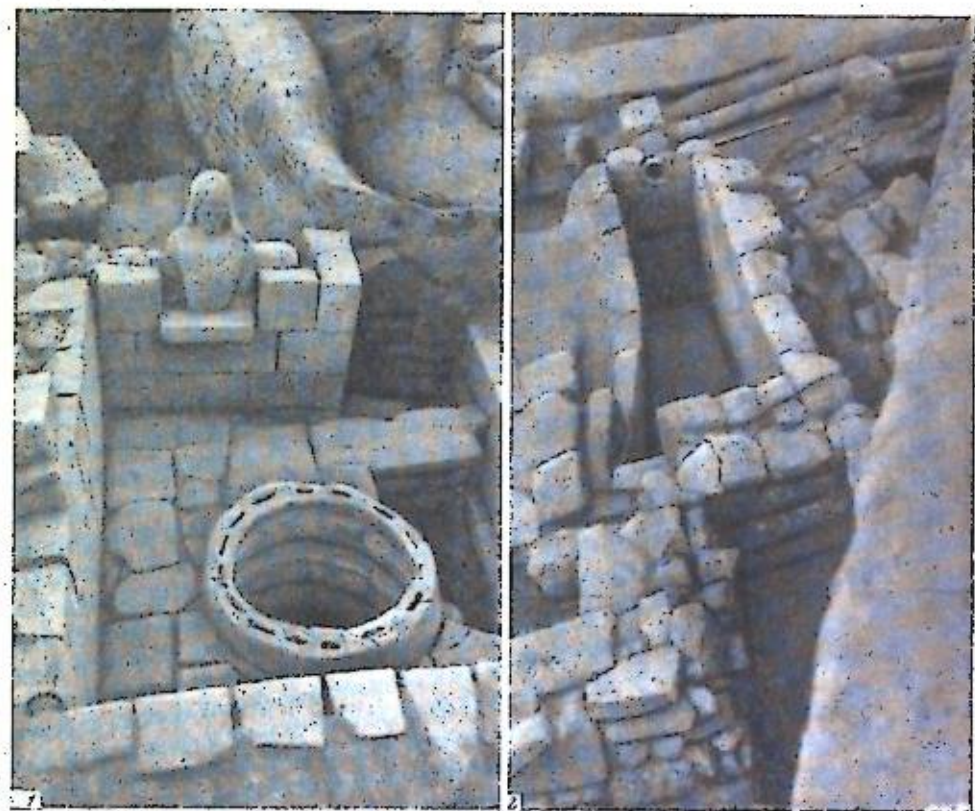

Рис. 2. Помещение XI с колодцем
1 — вид с южной стороны; 2 — резервуар 1

нием колодца. Эти работы огромного масштаба дают яркое представление о размахе строительства ольвиополитов в V в. до н. э.

Из трех резервуаров для подогрева воды наилучшей сохранностью отличается резервуар 1 (P₁) IV—III вв. до н. э., примыкавший с западной стороны к помещению VIII (рис. 1). Резервуар, вытянутый с юга на север, имеет в длину 2,90 м; ширина его на северном конце 0,60 м, на южном — 0,82 м; наибольшая сохранившаяся высота 1,95 м (рис. 2, 2). Все стены сложены из прямоугольных квадров высотой около 0,27 м, тщательно пригнанных друг к другу, со строгим соблюдением горизонтальности рядов; задняя, тыльная сторона грубо обработана. Почти все квадры по мере удаления от лицевой поверхности утончаются; швы заполнены жирным глиняным раствором. Западная стена пострадала при возведении восточной стены помещения VIII, когда минимум три верхних ряда квадров были разобраны; кроме того, она пострадала от неравномерной осадки и выпучивания, в результате чего в верхней части кладка приобрела плавную кривую линию. Верх северной стены также был частично разобран при сооружении помещения VIII. Дно P₁, сложенное из крупных прямоугольных плит, слегка покато в южном направлении; разница в глубине достигает 22 см. Дно было покрыто тонким слоем обмазки сероватого цвета; аналогичный слой сохранился и на северной стене.

От P₁ начиналась линия водопровода, снабжавшая горячей водой банные помещения гимназия, которые были раскрыты с восточной стороны главного зала здания⁷. В кладку северной стены резервуара на высоте

⁷ А. Н. Карасев. Раскопки..., стр. 40—42.

1,05 м от дна была впущена гончарная труба; свободное пространство между трубой и прямоугольной нишей было заполнено жирной глиной и тщательно замазано известковым раствором. Рядом с трубой найдена каменная пробка-затычка диаметром 0,158 м, толщиной 0,55 м, плотно входящая в отверстие трубы. По мере нагревания более теплая вода поднималась. Когда горячая вода доходила до верхней половины резервуара, пробку приоткрывали, и вода поступала в водопровод⁸.

Верх наилучше сохранившихся восточной и южной стен P_1 не являлся завершающим, но очень высоких стен резервуар не мог иметь: для открытия или закрытия водопровода пробкой уровень воды не должен был превышать трубу более чем на 0,75 м. Вероятно, имелись еще один ряд обычных квадратов и один завершающий, соответственно обработанный.

Форма резервуара в виде неравномерной трапеции необычна и встречается в Ольвии впервые. Малая ширина его, по-видимому, не случайна: узость P_1 объясняется стремлением возможно более быстро разогреть воду. Расширение резервуара на южном, несколько заглубленном конце облегчало освобождение от грязи, которая, оседая на дне, постепенно собиралась в его наиболее глубокой части.

Остатки резервуаров 2 и 3 (P_2 и P_3) были раскрыты в южной части помещения VII — одного из основных среди хозяйственного комплекса гимнасия (рис. 1). Помещение VII после перестройки в конце IV в. до н. э. приняло почти правильную квадратную форму — 4,20 × 4 м. В центре его находился очаг для отопления, сложенный из обломков плоских черепиц.

P_2 открыт в южной части помещения, P_3 — в западной; южная часть P_3 слегка выходит за пределы помещения. Резервуары были устроены таким образом, что вода в них подогревалась снизу.

От P_2 , вытянутого с востока на запад, дошел лишь жаропроводный канал, образованный кладками 7 и 8 (рис. 3, 1); сам резервуар при последующих перестройках был разобран. Кладки 7 и 8 носят следы длительного воздействия высокой температуры, в результате чего известняк порозовел и сильно крошится. Канал имел каменное дно, плохо сохранившееся. Судя по кладкам 7 и 8, высота жаропровода под P_2 была 0,60 м, так как на верхних, выступающих вперед плоскостях лежали плиты дна резервуара. Форма P_2 определяется суживающимся к западной стороне расстоянием между кладками 7 и 8. С этой стороны расстояние равно 0,60 м, что полностью соответствует ширине P_1 с северной стороны; в восточной части ширина P_2 — 0,82 м, что также полностью совпадает с расширением южной части P_1 . Окончание P_2 с западной стороны определяется довольно точно окончанием кладок 7 и 8. Кроме того, почти сразу за западным торцом P_2 были обнаружены *in situ* два впущенных в кладку крупных блока известняка, которые имели на сторонах, обращенных к жаропроводу, округлые вырубку, расположенные друг против друга (рис. 1). Создается впечатление, что это остатки вертикальной части жаропровода или узкий вертикальный колодез для очистки канала, дно которого было перекрыто толстым слоем сажи и золы. Таким образом, устанавливаемая длина P_2 была, вероятно, равной длине P_1 , т. е. около 3 м.

Значительно лучше представлены остатки P_3 (рис. 3, 2). Юго-западный угол его сохранился на высоту пяти рядов кладки; юго-восточный — двух рядов; частично уцелел и жаропроводный канал. На квадратах трех верхних рядов стены имеются следы светлого раствора. По выступающему вперед первому ряду кладки хорошо устанавливается местоположение плит дна резервуара, а по зарубкам на лицевой стороне квадратов второго ряда — толщина этих плит (около 0,18 м). На западной стороне третьего

Рис. 3. Резервуары 2 и 3

1 — жаропроводный канал резервуара 2 (вид с западной стороны); 2 — резервуар 3 с жаропроводным каналом (вид с северо-восточной стороны)

ряда кладки имеется вырубка удлиненной формы, сделанная позднее сооружения резервуара. Возможно, что вырубка предназначалась для укладки гончарной трубы, очень небольшой в поперечном сечении.

Сохранившаяся высота юго-западного угла P_3 достигает 1,27 м. Однако несомненно, что глубина резервуара была несколько большей. Судя по обработке верхней поверхности квадратов пятого ряда, над ним был по крайней мере еще один ряд квадратов.

В отличие от резервуаров 1 и 2 P_3 имел, вероятно, несколько меньшую длину. Если южная часть его сохранилась сравнительно хорошо, то северная полностью разрушена. Пределом длины P_3 с северной стороны являются остатки стены 6 (рис. 1). Исходя из этого, длина P_3 была около 2,30 м. Особенностью P_3 было то, что в плане он имел форму правильного прямоугольника шириной 0,70 м.

Жаропроводный канал под P_3 сохранился только в южной части. Дно канала состоит из обожженной глины, сильно насыщенной обломками керамики; оно лежит на 0,60 м выше дна жаропровода под P_2 . По кладке южной стены резервуара, устанавливающей местоположение его дна, может быть определена и высота жаропровода, которая совпадает с высотой канала под P_2 .

От стенок жаропровода сохранилось пять плит, поставленных на ребро. Все плиты сильно обожжены, имеют розовую окраску и легко рассыпаются, особенно в верхней части. Две плиты (а, б) поставлены вплотную к западной стенке, одна (в) примыкает к восточной и одна (г) почти под прямым углом приставлена к перечисленным. Жаропровод, не доходя 0,45 м до южной стены резервуара, поворачивал под прямым углом на

⁸ Не исключено, что по середине резервуара, во всю длину его, проходила система труб, расположенных в виде змеевика, по которым поступал жар из печи соседнего с юга помещения XV, где наблюдалось большое скопление сажи и золы.

восток. Выход жаропровода за пределы P_3 находился в его восточной стене⁹.

На основании имеющихся материалов довольно четко восстанавливается общая схема отопления P_2 и P_3 . Жаропроводный канал подходил к ранней восточной стене помещения VII, пройдя которую, продолжался в западном направлении под P_2 (рис. 1). Дойдя до камней с дугообразными вырезками, канал, поднимаясь на 0,60 м, входил в северную половину жаропровода под P_3 . Затем делал поворот на юг, проходя почти всю длину под южной частью P_3 , после чего снова поворачивал к востоку и через восточную стену P_3 выходил в пределы удлиненного помещения XV, которое на большую глубину было заполнено жирной сажой и золой. Здесь, по всей вероятности, находились довольно мощные топки, от которых отходили жаропроводы; по мере нагревания до необходимой температуры горячий воздух попадал в каналы под P_2 и P_3 .

Третьим элементом системы водоснабжения являлся водопровод из гончарных труб, притом исключительной сохранности, который начинался от P_1 (рис. 2, 2). Труба, впущенная в северную стену P_1 , имеет сильный уклон книзу: разница в уровне водопровода и выходного отверстия резервуара достигает 0,35 м. Первоначально вода шла в северном направлении по каменному каналу, который состоял из плиты основания и двух плит перекрытия. На нижней плите длиной 1 м, шириной 0,51—0,54 м имелся довольно тщательно сделанный желоб, образующий почти правильный полукруг шириной 0,24 м, глубиной 0,145 м¹⁰. Желоб, как и все гончарные трубы, был заполнен жирной глиной темного цвета. В северной части плиты на расстоянии 0,07 м от края он поворачивал под прямым углом к востоку и в него была впущена первая труба последующей линии водопровода из гончарных труб (рис. 4, 1). На нижней плоскости верхней южной плиты перекрытия также имелся желоб, но сделанный небрежно; в поперечном разрезе он приближается к прямоугольной форме. Вторая плита имела в поперечном сечении прямоугольную выемку, приходящуюся над поворотом желоба в восточном направлении. Свободное пространство в месте ввода трубы было заполнено известковым раствором. Размеры выемки, несколько больше, чем это требовалось для плотной установки конца трубы, облегчали замену испорченных труб новыми: не надо было поднимать плиту перекрытия.

Изучение остатков каменной части водопровода позволило установить, что вода бежала только по округлому желобу нижней части, не доходя до уровня верхних плит. Следовательно, выпуск воды из P_1 регулировался путем небольшого отвода или поворота пробки в трубе. Таким образом, в самотечном водопроводе для горячей воды она также бежала только по нижней половине гончарных труб.

Для какой цели или по каким соображениям часть водопровода была сделана в камне¹¹? Наиболее вероятно, что для водопроводов из гончарных труб с таким большим внутренним диаметром (0,16 м) было трудно по техническим особенностям изготавливать гончарные колена. Вследствие этого в тех местах, где линия изменяла свое направление под прямым углом, гончарные трубы иногда заменялись каменными желобами.

⁹ Камень нижнего ряда стены, обращенный в сторону канала около его выхода, носит следы разрушения, так как длительное время находился под действием высокой температуры; он окалился и легко рассыпается от прикосновения, тогда как южная сторона этого же камня полностью сохранилась.

¹⁰ В процессе изучения водопровода после соответствующей фиксации плиты перекрытия были приподняты и затем вновь установлены на место.

¹¹ Поскольку ни в Ольвии, ни в других городах Северного Причерноморья до сих пор не встречались водопроводы подобной сохранности, мы не имеем возможности ссылаться на аналогичные случаи. Использовать аналогию из материалов античных городов Средиземноморья не приходится, поскольку там подобные сооружения делались на твердом основании, на скале: в нашем случае водопровод сооружен частично в рыхлом грунте, частично в материке, которым являлся лёсс.

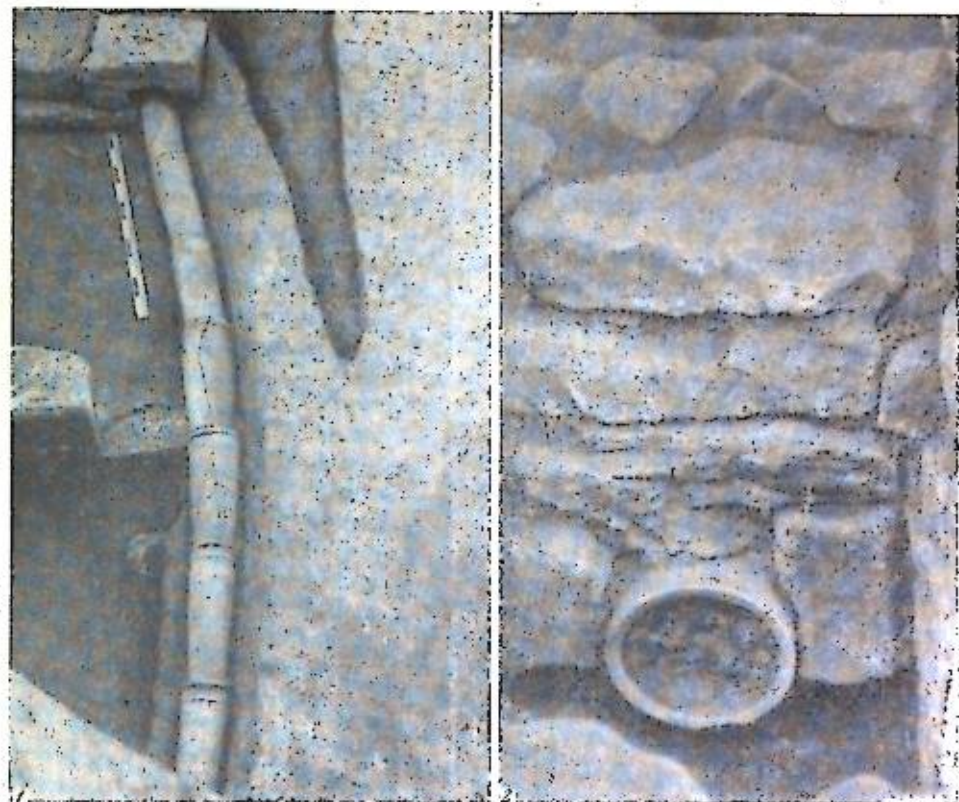

Рис. 4. Водопровод из гончарных труб

1 — вид с восточной стороны; 2 — выход трубы водопровода в смотровом колодезе (вид с запада)

Рис. 5. Общий вид траншеи для укладки труб водопровода с юго-западной стороны

А. Н. КАРАСЕВ, Е. И. ЛЕВИ

РАСКОПКИ ОЛЬВИЙСКОЙ АГОРЫ В 1970 Г.

Ольвийская экспедиция ЛОИА АН СССР в 1970 г. совместно с Николаевским областным краеведческим музеем продолжала исследование агоры¹. Основные работы были сосредоточены в юго-восточной части, где в течение ряда лет раскрывается гимнасий V—III вв. до н. э. (раскоп Е₂). Небольшие раскопки велись также в ближайшем окружении дикастерия, изучение которого было в основном завершено в 1969 г. (раскоп Е₃)². Здесь, на площади, свободной от более поздних сооружений, в 1968 г. был обнаружен архаический слой с довольно хорошо сохранившимися строительными остатками, что для ольвийского городища является редким исключением³. Это послужило основанием начать наряду с раскопками памятников агоры эпохи эллинизма изучение Ольвии раннего периода.

Раскоп Е₃. В 1968—1969 гг. к северо-западу от дикастерия были раскрыты полуземлянка, помещение с очагом, остатки каменных подвалов, ряд ям и углублений VI и V вв. до н. э. со значительным количеством находок того времени (рис. 1)⁴. В 1970 г. началось изучение здания начала V в. до н. э. Сохранился фундамент, частично выявленный в южной части полуквадрата 36а. Фундамент шириной 0,55 м сложен из небольших плоских камней, на которых были установлены плиты цоколя высотой 0,40 м, поставленные на ребро. Одна из плит со срезанными под углом верхними плоскостями сходна по обработке с ранними кладками Ольвии⁵. Местами цокольный ряд шириной 0,45 м сохранился с обеих сторон; пространство между плитами облицовки заполнено мелким камнем на глине. Над цокольным рядом в древности высилась стена из сырцовых кирпичей.

Кладка фундамента лежит не на материке, а на культурном слое; аналогичный слой толщиной 0,55 м с материалом VI—V вв. до н. э. перекрывает полевку в непосредственном соседстве с кладкой. Несомненно, что это не результат постепенного нарастания слоя в городе, а какая-то специальная подсыпка, произведенная в конце VI—начале V в. до н. э. для выравнивания уровня дневной поверхности, повышенного по сравнению с естественным рельефом местности.

¹ В работах экспедиции участвовали: Е. И. Леви (нач. экспедиции), А. Н. Карасев (нач. отряда), К. К. Марченко, Н. С. Белова, В. Ф. Кантонистова, Г. М. Левковская, Н. С. Маланова, Н. В. Головачева, Г. А. Усова, сотрудницы ГЭ Я. В. Доманский, А. В. Копейкина, Д. С. Герцигер, Н. Н. Соснина, аспиранты Института всеобщей истории АН СССР Ю. Г. Виноградов и В. В. Любин, Ю. И. Тильман, студенты Ленинградского, Московского, Ростовского государственных университетов и технических вузов Ленинграда, группа инженеров Ленинграда.

² А. Н. Карасев. Раскопки ольвийской агоры в 1967—1969 гг. — КСИА, 130, 1972, стр. 35—40.

³ Там же, стр. 40.

⁴ Е. И. Леви. Архаическая керамика из раскопок ольвийской агоры 1968—1969 гг. — КСИА, 130, 1972, стр. 45—52.

⁵ Б. В. Фармаковский. Розкопування Ольвії р. 1926. Одеса, 1929, стр. 45, рис. 26.

Водопровод из керамических труб шел в восточном направлении от каменной части не строго по прямой линии, а с легкой кривизной в плане (рис. 4, 1). На линии водопровода открыт каменный резервуар размерами 0,92×1,35 м, высотой 0,75 м, являвшийся смотровым колодцем¹². Дно его было сделано из одной плиты. В западной и восточной стенах выявлены выходы труб водопровода (рис. 4, 2). Обе трубы находятся на глубине 0,30 м от дна и лежат на одной оси; стенки колодца тщательно выложены только до уровня труб.

За пределами смотрового колодца линия водопровода постепенно меняет направление на северо-восточное, а затем довольно круто поворачивает на север. Понижение водопровода на этом участке равно 0,10 м.

Траншея для водопровода глубиной около 1 м, шириной 0,70 м в западной части проложена в культурном слое, а за пределами гимнасия и прилегающих к нему зданий — в материке, где она прорезает вымостку улицы V в. до н. э. В этой части дно траншеи имеет форму желоба (рис. 5). После укладки труб траншея была засыпана чистым лёссом; верхняя плоскость засыпи не выравнивалась по горизонтали, а делалась посередине слегка выпуклой. По мере продвижения в северном направлении засыпь траншеи постепенно сокращается от 1 до 0,79 м.

Все трубы сделаны в одной мастерской из довольно хорошо отмученной глины, получившей после обжига ровную красноватую окраску; поверхность их покрыта светлым ангобом. При изготовлении особое внимание обращалось на соблюдение точных размеров соединяющих частей.

Трубы постепенно расширяются в сторону неширокого, четко выраженного ободка муфты, в которую входил узкий конец соседней плиты. На узком конце имеется упор, вплотную примыкавший к муфте. В месте соединения узкий шов замазывался жирной глиной. Трубы, слегка варьирующие в размерах, имеют в среднем в длину 0,45 м, диаметр муфты 0,18 м, внутренней части — 0,16 м, узкой части — 0,145 м.

Линия водопровода в настоящее время прослежена на протяжении 20 м и состоит из 37 труб. Выход водопровода за пределы гимнасия и прилегающих к нему зданий указывает на то, что водопровод предназначался не только для подачи горячей воды в банные помещения гимнасия. Открытие водопровода еще не закончено, и выяснить вопрос о назначении водопроводной сети в целом можно только после дальнейших раскопок данного участка.

Нет надобности говорить о том исключительном значении, которое имеют новые материалы для изучения коммунального хозяйства Ольвии V—III вв. до н. э.

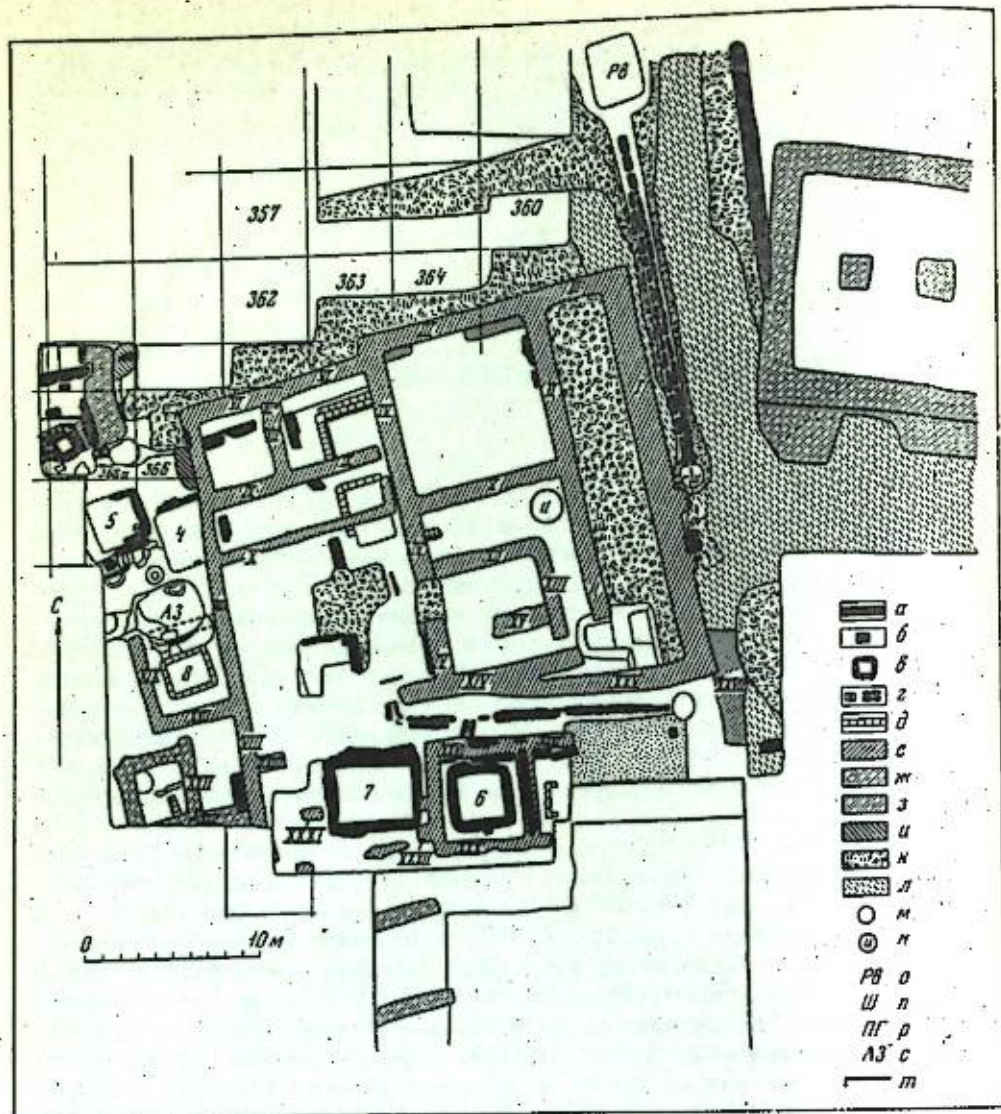

Рис. 1. План раскопа E_2 .

а — каменные кладки стен; б — каменные плиты; в — подвальные помещения; г — каменные подстоки; д — кладки из сырцовых кирпичей; е — слоистые фундаменты дикастерии; ж — прочие слоистые фундаменты; з — слоистые фундаменты большого стока; и — виадукта III в. до н. э.; к — виадукта V и IV вв. до н. э.; л — виадукта III в. до н. э.; м — ямы; н — цистерна; о — резервуар; п — шахта; р — подземная галерея; с — архаическая землянка; т — граница раскопов E_2 и E_3 .

Исследуемая территория интенсивно застраивалась и в более позднее время. В юго-западной части квадрата 366а в 1970 г. была раскрыта каменная цистерна IV в. до н. э., квадратная в плане, сложенная из тщательно отесанных плит известняка; дно — материковое (рис. 2). На уровне сохранившегося верха облицовки шахта имеет размеры $0,85 \times 0,85$ м; книзу она слегка расширяется.

Все пространство между стенками квадратного котлована для шахты ($2,50 \times 2,50$ м) и облицовкой ее стен было заполнено крупными валунами и плитами привозного камня, уложенными на глинце, создававшими большой запас прочности. Глубина шахты от сохранившегося верха облицовки 3,17 м, от верха забутовки — 4,17 м. Учитывая, однако, что забутовка также уцелела не на всю высоту и что существовала каменная горловина, следует полагать, что глубина шахты была около 5 м.

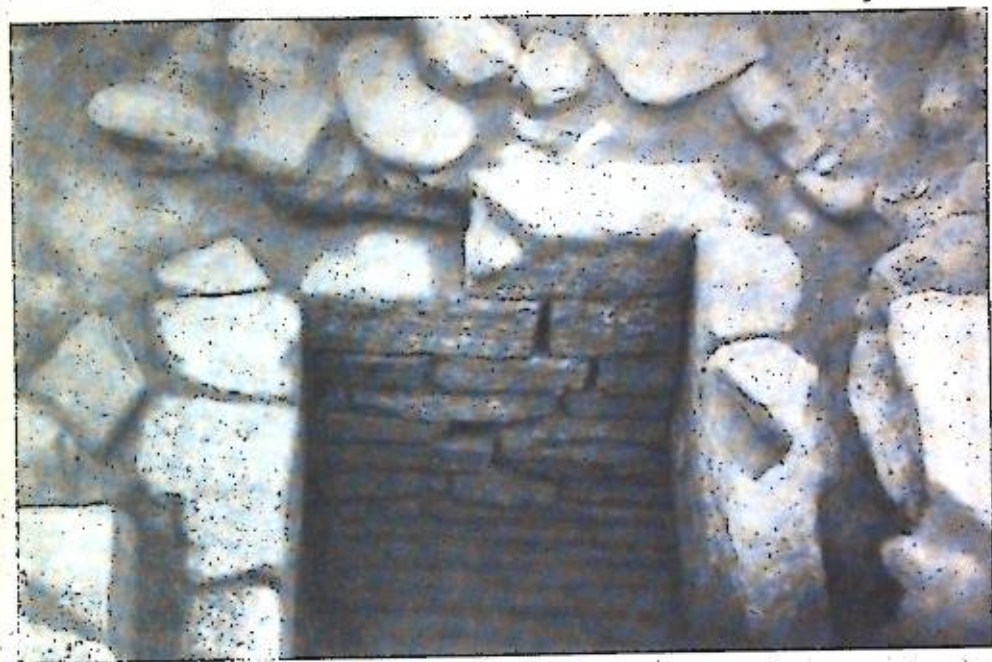

Рис. 2. Каменная цистерна (вид с западной стороны)

На трех плитах облицовки верхнего ряда сохранилось по три паза — гнезда для деревянных перекладин, сделанных под углом 45° к стенкам. На глубине 1,10 м от верха облицовки было обнаружено еще четыре гнезда, расположенных аналогично вышележащим. Во всех пазах сохранились остатки древесины от круглых перекладин. Любопытно расположение перекладин в нижнем ряду. В каждом пазу находилось по два конца перекладин диаметром 7—8 см, лежащих в разных углах гнезда на разной высоте. Для удержания конца вышележащей перекладки под нее были положены мелкие камни. Концы каждой перекладки направлены в разные стороны: например, в западной стене один из них направлен в сторону гнезда северной стороны, другой — в сторону южной. Таким образом, на уровне нижних назов деревянная конструкция имела форму вписанного квадрата, расположенного под углом 45° (рис. 3).

Цистерна с материковым дном не могла быть гидротехническим сооружением (колодезь) или служить для хранения жидкости. Она являлась, вероятно, хранилищем особого назначения, которым пользовались длительное время.

Среди вещественных находок из засыпи цистерны, датируемых в пределах IV—III вв. до н. э., выделяются сосуды местного производства. Три красноглиняных и два сероглиняных кувшина сохранились полностью;

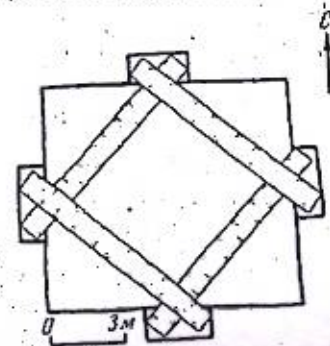

Рис. 3. Схема расположения деревянных перекладин второго ряда

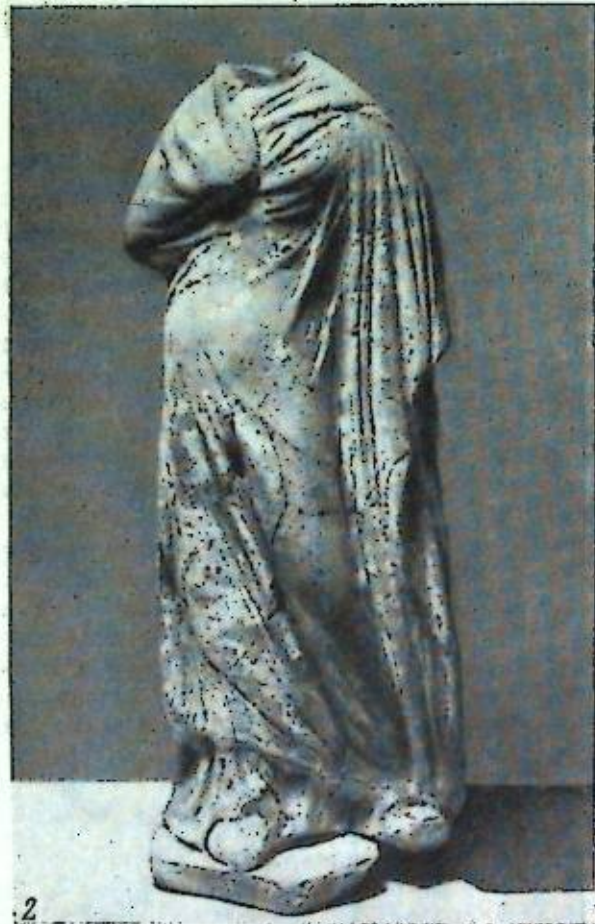
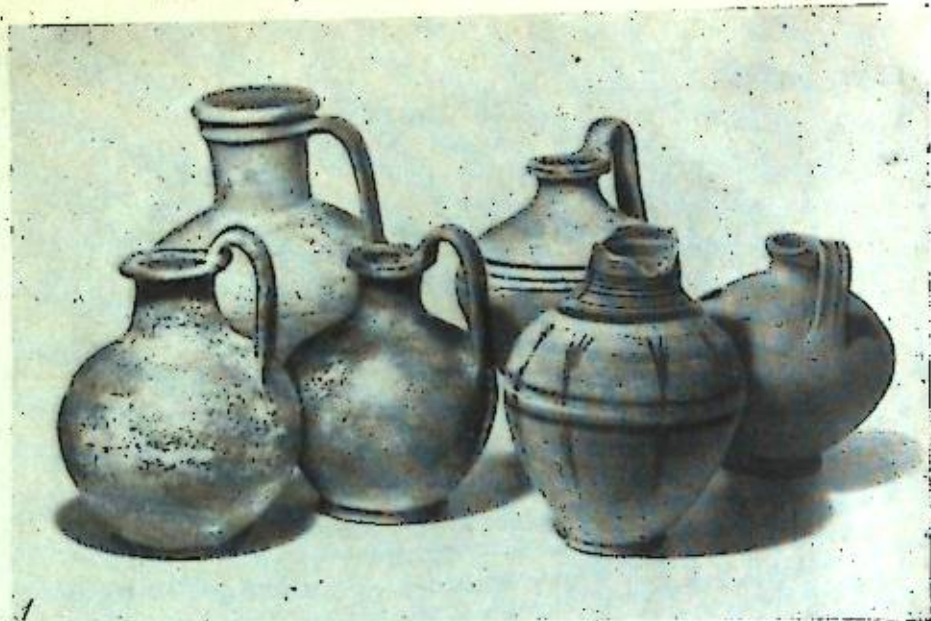

Рис. 4. Сосуды местного производства из засыпи цистерны (1); фрагментированная терракотовая статуэтка (2)

один красноглиняный сосуд лишь слегка фрагментирован (рис. 4, 1). Несколько аналогичных кувшинов было найдено в обломках. Особого внимания заслуживает сосуд с росписью: горло его было расписано концентрическими кругами, по тулову протянуты три горизонтальных пояса. От горла ко дну спускался орнамент (своеобразно трактованный мотив лотоса), напоминающий росписи эллинистических сосудов из Александрии. Вместе с кувшином были найдены четыре фрагментированные амфоры, среди которых выделяется синопская амфора необычно малых размеров, с незначительно сохранившейся клеймой ручки⁶. Из засыпи шахты происходит и фрагментированная терракотовая статуэтка стоящей женской фигуры в плаще типа статуэток Танагры (рис. 4, 2).

В III в. до н. э. на месте разрушенных к тому времени сооружений VI—V вв. до н. э. возводится новое здание на мощных слоевых фундаментах. На площади квадратов 366а и 361а раскрыт юго-восточный угол этого здания, к которому от главной городской магистрали вела мощеная дорога. Слоевой фундамент XXXIII сохранился на высоту шести рядов; ширина его в верхней части 1,70 м; книзу он заметно суживается. На южном конце с западной стороны к нему примыкает слой фундамент XXXIV, раскрытый пока в незначительной степени. Здание, которому принадлежали эти фундаменты, имело, несомненно, общественное значение и функционировало одновременно с дикастерием. Тот факт, что фундамент XXXIV подходит вплотную к внешней стороне забутовки восточной стены каменной цистерны, указывает, что ранее построенная цистерна была затем включена в здание III в. до н. э.

Небольшие по объему работы в северо-западной части раскопа убедили в большой перспективности изучения данного района.

Кроме работ в северо-западной части раскопа Ез, были проведены небольшие исследования в южной его части — на месте дикастерия. Полностью расчищен подвал VII, в котором в 1969 г. были обнаружены две бронзовые псефы⁷. На протяжении 11 м в восточном направлении раскрыта гидросистема, начинавшаяся у западного торца слоевого фундамента XIV и затем под прямым углом поворачивавшая на восток. Сравнительно небрежный характер кладки сохранившейся части каменного канала и относительно малые его размеры указывают на то, что вода шла, вероятнее всего, по разобранным позднее гончарным трубам. Однако при общей кажущейся небрежности кладки и лежа основное условие — постепенное падение к востоку, равное 0,25 м, — вполне соблюдено.

Восточная половина канала залегала глубже нормальной глубины сливных гидросистем III в. до н. э.; отсюда следует, что данная система была сооружена ранее дикастерия III в. до н. э. Возможно, что изменение в планировке южной части здания суда III в. до н. э. произошло после решения о сохранении ранее построенного канала с целью его использования для вывода вод с большого двора, ибо глубина залегания канала в северо-западной части соответствует времени сооружения дикастерия III в. до н. э.

Раскоп Ез. Работы велись в трех направлениях: продолжалось раскрытие здания, примыкавшего к гимнасию с юго-восточной стороны и функционально с ним связанного; раскрывались подсобные помещения гимнасия в его юго-западной части и продолжалось исследование водопроводной системы.

В 1969 г. в юго-восточной части раскопа был раскрыт каменный подвал IX, принадлежавший указанному зданию, и начато раскрытие подвала X. В 1970 г. полностью исследованы помещения X и северная часть следующего за ним подвала XIV (рис. 5). Таким образом, выясни-

⁶ От надписи дошло лишь окончание имени астинома ---ΝΟΣ. Эмблема — амфора и гроздь винограда.

⁷ А. Н. Карасев. Раскопки..., стр. 38—39, рис. 9, 2, 3.

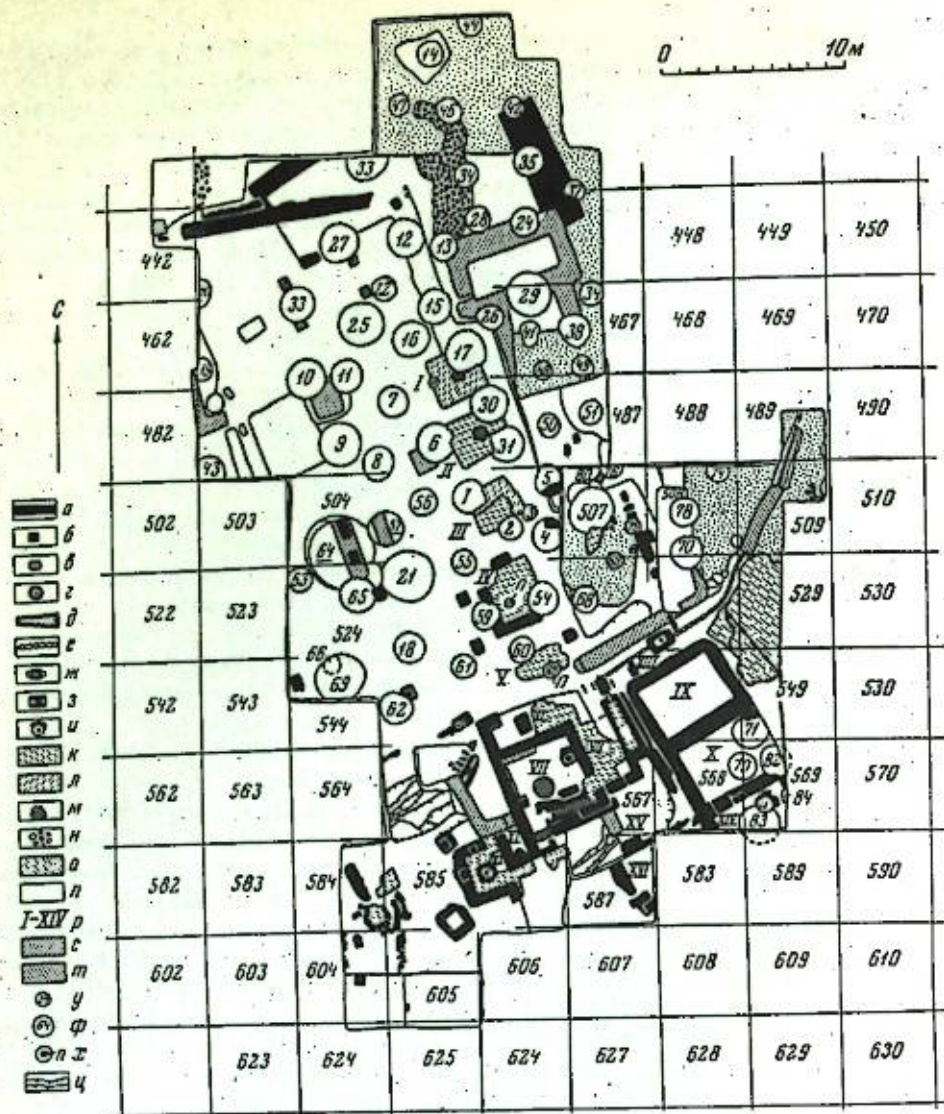

Рис. 5. План раскопа E₈

а — каменные кладки стен; б — каменные плиты; в — колонны; г — колодец; д — каменный резервуар; е — керамические трубы; ж — смотровой колодец; з — каменный подосток; и — цистерна; к — вымостки из каменных плит; л — полы из черепиц; м — очаги; н — камни; о — вымостки банных помещений; п — углубления в материке; р — номера помещений; с — слоистые фундаменты; т — засыпь траншей подпровода; у, ф — ямы; х — пифос; д — склоны котлована и материке

лось, что здание состояло из ряда помещений, вытянутых в один ряд вдоль восточной улицы агоры; наземная часть совершенно разрушена.

В юго-западном углу помещения X открыт дверной проем, соединявший его с помещением XIV. Кладка северной стены последнего, сохранившаяся на высоту четырех рядов, сложена особенно тщательно из хорошо отесанных квадров известняка удлиненной формы (рис. 6, 1). В северо-восточном углу находилась цистерна, сооруженная в материке. От каменной горловины сохранились две плиты, возвышавшиеся над уровнем пола на 0,40 м. Цистерна была оштукатурена светлым известняковым раствором⁸. Найденный в засыпке цистерны керамический материал датируется в основном III в. до н. э.

⁸ Расчетка цистерны ввиду окончания работ экспедиции была доведена до глубины 1,65 м.

Рис. 6. Помещение XIV

1 — общий вид открытой части помещения (вид с южной стороны); 2 — красноглиняные флакончики

Интересные результаты дало раскрытие помещения XIV до уровня пола. Обращает внимание обилие монет: на уровне пола найдены 43 монеты, а вместе с монетами из вышележащей засыпки в исследованной северной части помещения обнаружено 50 монет. Среди них борисфены III в. до н. э., гемидрахмы IV в. до н. э. и один асс с изображением головы горгоны IV в. до н. э.

Среди вещественных находок особо отметим 15 небольших красноглиняных флакончиков, очень толстостенных, с необычайно малым вместительностью, сходных по характеру с флакончиками для хранения лекарств (рис. 6, 2). Не исключено, что подвальное помещение XIV являлось складом, где хранились медикаменты «аптеки», размещавшейся в наземной

части здания. Соседство его с гимнасием делает это предположение весьма вероятным.

Восточной стороной здание примыкало к улице. Работы 1970 г. подтвердили прежние наблюдения, что в догетский период, начиная с V в. до н. э., в восточной части агору пересекала улица, шедшая вдоль склона ниже лежащей террасы от района северных жилых кварталов в южном направлении. После удаления мощения площади I в. н. э. раскрыты последовательные напластования черепяных вымосток, датируемые временем от V до II в. до н. э. Обращает на себя внимание мощный слой керамической тротуарной плитки толщиной 0,15—0,25 м, выявленный на площади квадратов 529 и 509. Очень плотный слой керамики состоит из обломков ножек и стенок амфор V—IV вв. до н. э., уложенных почти без земляных линз. Создается впечатление, что в IV в. до н. э. улица была утрамбована обломками амфор, взятыми из более ранней городской свалки. Необходимость столь мощной тротуарной плитки могла быть вызвана опасением размыва улицы, проходившей на данном отрезке слишком близко от начала склона.

Работы в юго-западной части раскопа, в непосредственном окружении помещения с колодезем (рис. 5), привели к открытию в квадрате 585 остатков каменного водостока, устроенного в виде лотка с наклонными к центру плитами. Сохранилось лишь шесть плит, довольно тщательно уложенных под углом около 45°; ложе имеет слабый уклон к югу (2 см на 1,5 м длины). Все плиты водостока вторично использованы. Торцы каждой плиты имеют характерную, абсолютно идентичную обработку — прямоугольную вырубку во всю ширину плиты. Подобные плиты были обнаружены в предыдущие годы в квадратах 504 и 524. Средние размеры плит: длина около 1 м, ширина около 0,50 м, толщина 0,15 м. Несомненно, что все они связаны с сооружением гимнасия и служили перекрытиями водопроводов или каналов отопительной системы здания. Отсюда следует, что водосток был устроен не ранее конца III в. до н. э., т. е. в последний период существования колодезя, перед тем, как он был окончательно заброшен, и действовал в течение II в. до н. э.

К западу от водостока открыто своеобразное пятиугольное каменное сооружение с каменным полом (рис. 7). Сравнительно хорошо сохранились четыре стенки, сложенные в один ряд квадратов, поставленных на ребро. Наибольшая высота сооружения 0,62 м, средняя длина стен 0,80 м. Оно, вне сомнения, было впущено в землю. Назначение сооружения пока неясно, для этого требуется более полное изучение его окружения.

Дальнейшая расчистка колодезя была доведена с глубины 6 м до глубины 12,50 м⁹. Характер кладки шахты, как и ее диаметр — 1 м, не изменяются. Засыпь по-прежнему изобилует вещественными находками III—начала II в. до н. э.; найдено много обломков клейменных амфорных ручек, среди которых преобладают родосские времена пергамского комплекса.

Особого упоминания заслуживает фрагментированная глиняная скульптура с изображением отдыхающего Геракла (рис. 8)¹⁰. Этот сюжет, хорошо известный по памятникам Северо-Западного Крыма, в Ольвии встречается впервые; кроме того, глиняная статуя выделяется большими размерами. Значение вновь найденного памятника определяется также тем, что статуя является произведением местного мастера, исполненным по греческому образцу. Изображение Геракла близко по стилю кругу Лисиппа и должно быть датировано III в. до н. э.

⁹ В краткой информации А. Н. Карасева и Е. И. Леви о работах Ольвийской экспедиции (АО 1970 г. М., 1971, стр. 255—256) при редактировании были опущены данные 1970 г., указанная глубина очистки колодезя — 6 м, так же как и длина водопровода — 10,5 м — были выяснены раскопками 1969 г.

¹⁰ Реставрирована сотрудницей ГЭ М. М. Лебель.

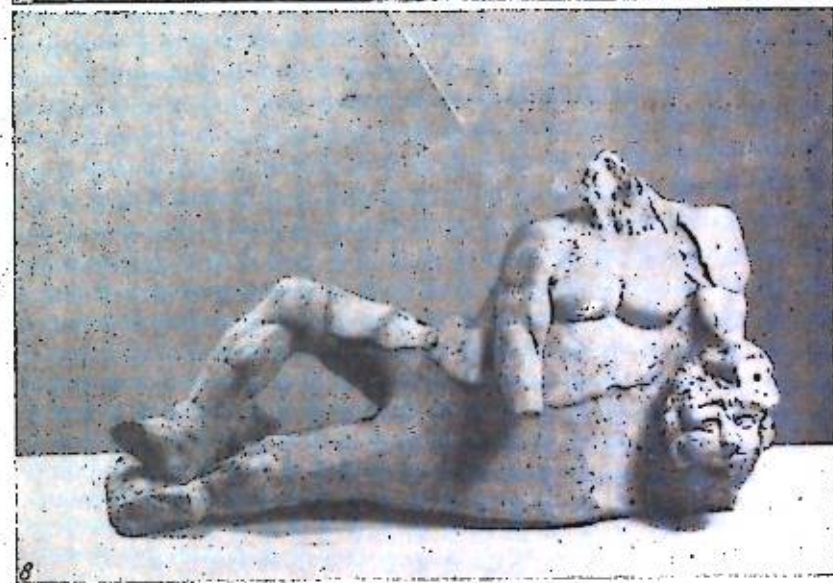
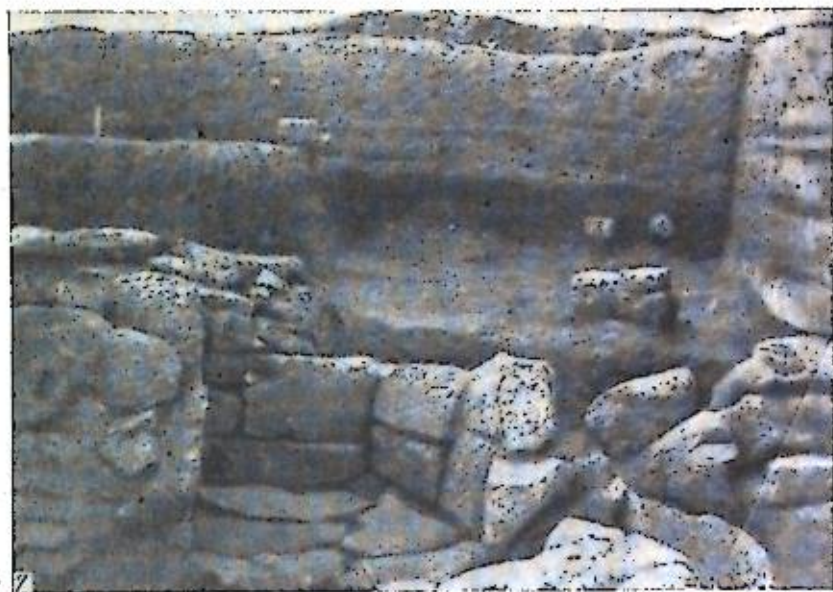

Рис. 7. Остатки каменного сооружения к западу от помещения с колодезем (вид с северо-северо-востока)

Рис. 8. Глиняная скульптура с изображением Геракла

Дальнейшее изучение линии водопровода, сложенного из гончарных труб, в северо-восточной части раскопа показало, что начиная с площади квадрата 528в водопровод довольно круто поворачивал на север — северо-восток. При прохождении его на участке «восточной» улицы траншея для прокладки труб прорезала вымостку V в. до н. э.¹¹ Однако работы на небольшой прирезке в пределах квадрата 489, предпринятые в конце экспедиции, показали, что на расстоянии 1 м от северного борта прирезки траншея уходит под вымостку V в. до н. э., не прорезая ее. Этот пока неясный факт может получить объяснение только после дальнейшего рас-

¹¹ Подробнее о системе водопровода см. выше: А. Н. Карасев. К вопросу о водоснабжении ольвийского гимнасия.

крытия данного участка в северном направлении¹². В настоящее время линия водопровода прослежена на протяжении 20 м¹³.

Вновь открытые остатки сооружений агоры, как и в предыдущие годы, были перекрыты черепиной вымосткой площади I в. н. э., на месте которой позднее было устроено зернохранилище; выявлено девять новых зерновых ям. Исследования 1970 г. внесли некоторые коррективы в вопрос о южной границе зернохранилища. Если ранее четко определилась его граница около южного конца зала гимнасия с колоннами, то работы этого года показали, что ямы зернохранилища II—III вв. н. э. продолжают в южном направлении узкой полосой вдоль начала склона.

Не менее важны результаты работ 1970 г. относительно назначения глубокого котлована в материке, на засыпи которого основаны южные помещения гимнасия, вследствие чего стены их местами значительно просели. Раскрытие котлована началось еще в 1968 г.¹⁴ К 1970 г. были определены его ориентировка с юго-запада на северо-восток и ширина, равная 14 м.

В 1970 г. выяснилась его восточная граница; в квадрате 568з, к западу от помещения X, котлован повернул на север и шел на значительном расстоянии от склона. Стало очевидным, что он не мог являться естественной бадкой или ранним рвом, как это можно было первоначально предполагать. Его, несомненно, следует связывать с теми большими работами, которые были проведены в V в. до н. э. при возведении колодца¹⁵.

Засыпь котлована в нижней части изобилвала вещественными находками конца VI—первой половины V в. до н. э.¹⁶ После просадки грунта в IV в. до н. э. котлован был засыпан вторично. Раскрытие верхней засыпи котлована в западной части раскопа в 1970 г. дало огромное количество аттической чернолаковой керамики со штампованным орнаментом, а также обломков амфор, среди которых преобладали гераклейские. При выявлении восточной границы в 1970 г. в ранней засыпи найдены фрагменты ионийских сосудов, датируемых в пределах VI—начала V в. до н. э. Среди них — обломок амфоры с изображением козла и лишь слегка фрагментированный расписной лядос.

Весьма любопытно, что северная граница котлована, проходящая к югу от зала гимнасия, совпадает с южной границей ям зернохранилища II—III вв. н. э. в этой части раскопа. Вероятно, рыхлая засыпь котлована приостановила дальнейшее устройство ям зернохранилища в южном направлении; за пределами же котлована, где материковый грунт не был нарушен, зернохранилище, как уже упоминалось, продолжалось далее, вдоль склона нижележащей террасы.

¹² Работы 1971 г. показали, что с этого места водопровод спускается в штрек шахты, проходящей ниже уровня вымостки V в. до н. э.

¹³ Водопроводные трубы были раскрыты в 1970 г. не по всей линии их прохождения: участок длиной 4 м на квадрате 509з был оставлен нераскрытым ввиду сокращения объема работ в конце экспедиции. Исходя из известных размеров труб, можно заключить, что на протяжении 20 м было уложено 37 труб водопровода.

¹⁴ А. Н. Карасев. Раскопки... стр. 44.

¹⁵ Предположение о том, что котлован мог быть связан с устройством колодца, было высказано А. Н. Карасевым еще в 1969 г. (Отчет о работе Ольвийской экспедиции в 1969 г. Архив ИА АН СССР и ИА АН УССР).

¹⁶ Е. И. Леви. Арханчская керамика... стр. 45—52.

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ

КРЕПОСТЬ АСПУРГИАН НА БОСПОРЕ

Среди исследуемых Таманской экспедицией объектов в азиатской части Боспора особый интерес вызывает небольшое городище, расположенное в северной части современного Таманского полуострова.

В предыдущее десятилетие нам удалось шаг за шагом выявить оборонительную систему, состоявшую из 11—12 крепостей и нескольких земляных валов, охватывавших северо-западную часть Таманского полуострова, которая в древности была островом¹. Этот остров в силу своего центрального положения между двумя частями (европейской и азиатской) Боспорского царства и экономического значения на грани I в. до н. э. и I в. н. э. был превращен в укрепленный административный район, возглавлявшийся начальником острова (*ο ἐπί τῆς νῆσου*)². В систему этих крепостей и валов вписывается и городище, о котором пойдет речь. Поэтому, когда мы приступили в 1970 г. к исследованию, то были уверены, что обнаружим памятник, по характеру и времени аналогичный уже известным крепостям. Однако в действительности картина здесь оказалась иной, более сложной и исторически не менее значимой.

Городище расположено на низком пологом естественном склоне рядом с древней, теперь пересохшей протокой, соединявшей Ахтанизовский лиман с Таманским заливом. В плане оно трапециевидно; со всех сторон было окружено валом и рвом, которые, однако, почти уничтожены при долголетних сельскохозяйственных работах. Только северный вал и ров сохранились хорошо. Размеры городища по вершине вала 120×100 м, ширина рва около 15 м; ширина вала 15 м. Вал сильно сглажен. Разрез вала обнаружил внизу нетронутую внешнюю его грань, поднимающуюся от дна рва вверх под углом 70°. Расчет показывает, что верхняя площадка вала лежала на 8 м выше дна рва. По углам городища имеются бугрообразные расширения, бывшие основаниями башен.

Исследования выявили несколько культурных слоев. Верхний из них относится к I—II вв. н. э., т. е. ко времени функционирования оборонительной системы этого района. Два нижних слоя (III—II вв. до н. э. и II—I вв. до н. э.) отражают не менее важные периоды в истории древнего поселения. Каждый из этих слоев содержал своеобразные и значительные памятники. Остановимся на слое II—I вв. до н. э., лучше всего сохранившемся в северо-западной части городища.

Здесь раскопано большое здание (рис. 1). Расположенный в наиболее высокой части городища, дом имел не менее двух этажей и стены типа крепостных (толщина 1,65 м). Дом господствовал над внутренней терри-

¹ Н. И. Сокольский. К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху. — *Acta antiqua Philippopolitana. Studia archaeologica*. София, 1963, стр. 11 сл.; Он же. Крепость на поселении Батарейка II. — *КСИА*, 109, 1967, стр. 108—115; Он же. Далекое прошлое Тамани. — *Наука и жизнь*, 1966, № 1, стр. 27—28.

² *IOSPE*, II, № 36, 254, 359 (КБН, № 40, 697, 982).

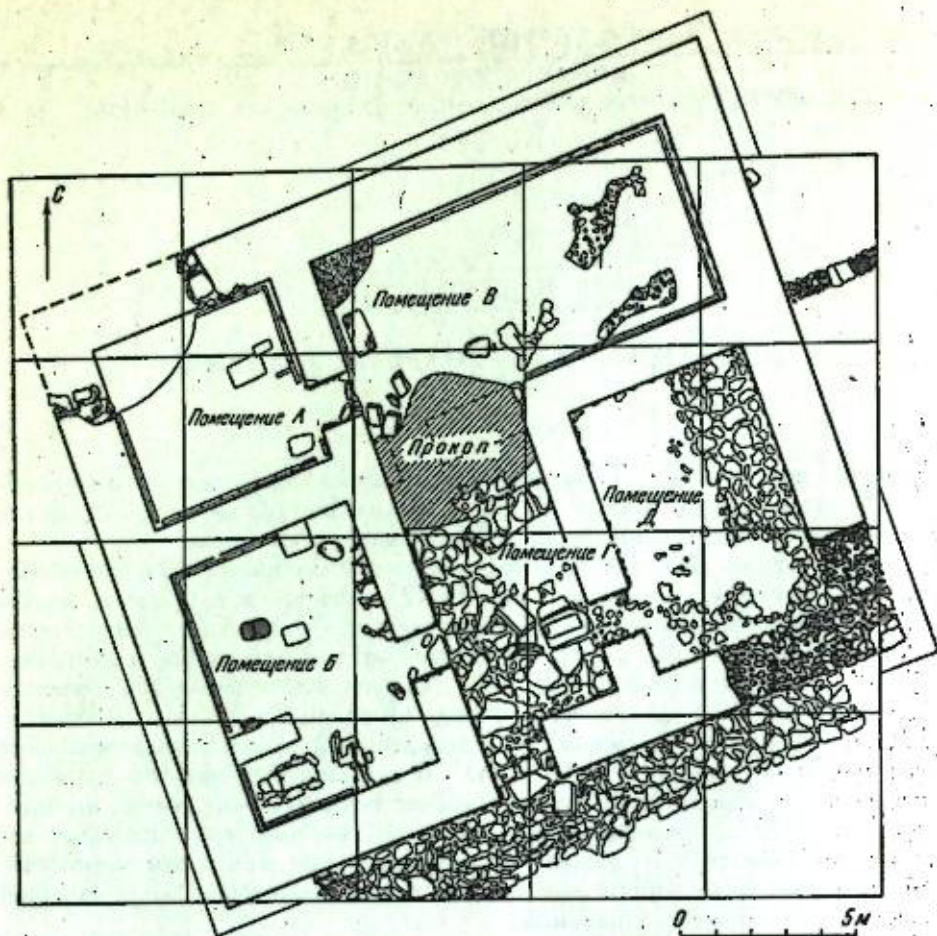

Рис. 1. План дома Хрисалиска.

торией укрепления. Сырцовокирпичные стены покоились на мощных каменных стенах; они сохранились до высоты 2 м. О существовании второго этажа свидетельствуют обрушившиеся части деревянных перекрытий и расположение находок в заполнении помещений нижнего этажа, а также монументальное каменное основание сгоревшей деревянной лестницы. Прямоугольник нижнего этажа дома размерами 21×18 м внутренними стенами (толщина 1,30 м) разделен на пять помещений. Вход в дом — с южной стороны, вдоль которой обнаружено каменное замощение, возможно, от деревянного портика.

Первое от входа помещение (Г), хорошо вымощенное песчаниковыми плитами, играло роль вестибюля или центрального дворика, из которого дверные проемы вели в остальные помещения, а лестница — на второй этаж. Дом погиб одновременно в сильнейшем пожаре. Внутри помещений все стены обгорели, частью прокалились, приняв красноватый цвет. Сгоревшие балки и доски перекрытия второго этажа оказались на полу нижнего этажа, а балки и другие деревянные части кровли, скреплявшиеся железными гвоздями, в хаотическом состоянии залегали выше пола, в толще пожарища и поверх его. Возможно, что существовал и третий этаж. Огонь был очень большой силы: от жара лопались даже камни. Пожар не был случайным, он связан с военным разгромом, следы которого видны во всех частях укрепления. Может быть, защитникам дома принадлежали железные наконечники копий, найденные в доме, и резное костяное навершие (рис. 2, 1), характерное для длинных сарматских мечей.

Рис. 2. Терракоты и утварь из дома Хрисалиска

1 — костяное навершие, помещение Г; 2, 3, 5, 6, 8 — терракоты, помещение Д; 4, 9 — курильницы, помещение Д; 7 — рельефная голова Силена, помещение Б; 10 — флакон, помещение Б; 11, 15 — флакон, сосудик, помещение Д; 12, 14 — кувшинчики, помещение А; 13 — светильник, помещение А; 16 — амфора, помещение Б; 17, 18 — амфора, кувшин, помещение А

Внутри дома обнаружено много различного рода предметов, особенно в хозяйственных помещениях А и Б, которые при пожаре были завалены обрушившимися верхними частями стен. В других помещениях до и после пожара побывали люди и взяли все, что нашли полезным.

Помещение Б имело два хозяйственных отделения, две печи, каменную рабочую площадку, несколько земляных рабочих столиков для ручных мельниц. В помещениях А и Б найдено несколько небольших пифосов, около двух десятков амфор I в. до н. э. (рис. 2, 16), несколько десятков кувшинов, амфор и горшков хорошей гончарной выделки (рис. 2, 17, 18), а также тонкие лепные горшки. Интересны кувшинчики (рис. 2, 12, 14) и горшки с черным покрытием, подобным биссего пего, флаконы (рис. 2, 10), расписные сосуды. Много найдено краснолаковой посуды, в основном упавшей со второго этажа, служившего, видимо, для жилья. Обращают на себя внимание блюда разных размеров, кувшинчик с рельефной головой силена (рис. 2, 7), двуручный пергамский кубок с рельефными эротическими сценами. Здесь же обнаружены части сгоревшей мебели с точеными деталями. В трех помещениях найдены статуэтки Кибелы, свидетельствующие о большом почитании здесь малоазийской Великой матери богов.

К предметам хозяйственной деятельности и домашнего быта относятся веревки, солома, точильные бруски, пряслица и подвески ткацкого станка, глиняные светильники (рис. 2, 13), большой рыболовный бронзовый крючок, пробковые поплавки для сетей, обломки пилы, каменный пест, камень-терочник, обручи от деревянной бочки, бронзовые гвозди, фрагменты кожаных поделок.

Эти помещения, как и обширное помещение В, имели утрамбованные золисто-глиняные полы, не раз подновлявшиеся и окаймленные вдоль стен плантусами — бордюрами из поставленных на ребро в одну линию сырцовых кирпичей. Эта деталь неизвестна до сего времени в античных городах Северного Причерноморья.

Юго-восточное помещение Д имело хорошее каменное замощение. Проход в помещение был снабжен прочной дверью, как можно заключить по находке двух выпуклых бронзовых шайб от ее украшения. Характер находок показывает, что в этом помещении было домашнее святилище. Здесь, вдоль западной стены и в северо-западном углу, найдено более двух десятков высокохудожественных терракотовых статуэток (рис. 2, 2, 3, 5, 6, 8), четыре курильницы (рис. 2, 9), из которых одна — в виде головы приготовленного к жертвоприношению быка с солярными знаками над головой (рис. 2, 4), характерными для малоазийского лунарного бога Мена³. Здесь же обнаружены целые сосуды и части разбитых сосудов votивного или ритуального назначения, два оригинальных железных ножа сарматского типа и т. д. В этом помещении находились и два алтаря, позднее выволаченные в вестибюль при поисках сокровищ. Факт поиска сокровищ легко распознается: в западной половине помещения Д грабители снимали сплошное замощение пола и при этом камни не увозили, а отбрасывали в стороны, до тех пор пока не было найдено углубление под полом, где что-то было спрятано. Возможно, это был сундук, от которого здесь найдены остатки бронзовой обивки и замковая накладка. Восточная часть пола осталась не вскрытой.

Более яркий свет на историю событий позволяют пролить два памятника. Они представляют собой две идентичные известняковые плиты размером 1,09×0,58×0,21 м. Их широкие плоскости были использованы для начертания рисунка и надписи.

Одна плита обнаружена в вестибюле дома у лестницы, другая, расколотая, была откинута несколько далее в глубь дома. Сходство плит, техники

Рис. 3. Плита с надписью из дома Хрисалиска

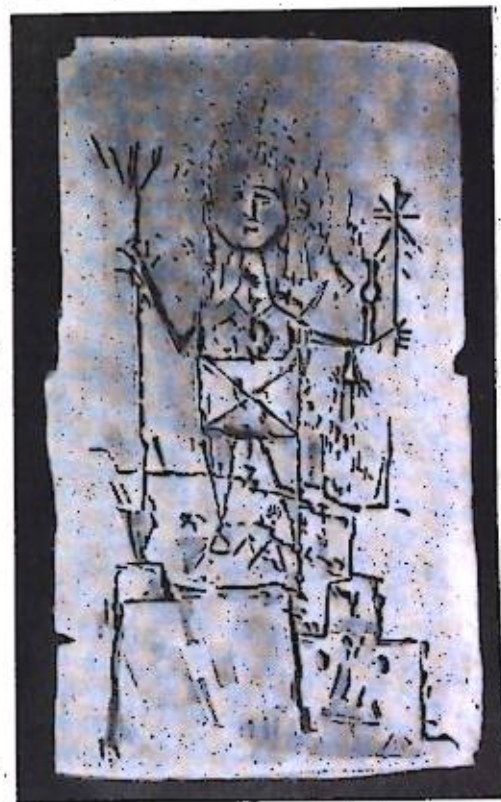

Рис. 4. Плита с изображением богини Тихи из дома Хрисалиска

³ F. Cumont, Recherches sur le symbolisme funéraire des romaines. Paris, 1942, стр. 181 сл.

изображений и надписи и смыслового их содержания указывает на то, что обе плиты составляли единое взаимопоясняющее целое.

На первой плите (рис. 3) некалфицировано, без точного расчета, свойственного грекам, высечена надпись в пять строк:

Χρυσάλισκου
Τύχη
βασιλέως
Ἀσάνδρου
φίλοφρατος,

т. е.: Тиха Хрисалиска. Царь Асандр — друг римлян. В надписи имеется грубая ошибка в слове βασιλέως — пропуск целого слога α. А последнее слово φίλοφρατος не окончено. Буквы надписи разной величины. Неполное написание слова φίλοφρατος свидетельствует о частном характере надписи.

На другой плите (рис. 4) острейм типа долота грубо, линиями различной толщины схематично изображена фигура богини в муральной короне. В левой руке богиня держит жезл в виде копья, снабженный сверху цветком, в правой — скипетр, навершие которого представляет собой восьми-лучевой солярный символ (солнце); рядом со скипетром — сарматская тамга. Укороченные пропорции фигуры и перекрещенные линии в области таза и живота схематично показывают, что богиня сидит. Мелкими и редкими штрихами намечено испадающее покрывало; на шее — гривна или ожерелье. У богини относительно выразительное лицо и беспомощно изображенные конечности и торс — черта, свойственная варварскому искусству Северного Причерноморья. Ногами и жезлом-копьем богиня опирается на башню крепости. Рядом, вероятно, другая часть укрепления; вверху она переходит в тамгообразный знак. Некоторые детали понять трудно. Но в своих основных компонентах образ хорошо различим. Это Тиха — богиня судьбы и счастья, названная в надписи Тихой Хрисалиска.

Изображение, несмотря на его варваризм или скорее именно благодаря этому варваризму, вместе с надписью дает основание для значительных исторических выводов. Эти памятники не только позволяют понять историю укрепления, но содержат важные материалы для этнической, политической и культурной истории как Боспора, так и соседних с ним племен. Остановимся кратко на этих вопросах.

Из общефилософских понятий судьбы и колеблющегося счастья родился образ богини Тихи, одного из самых молодых древнегреческих божеств. В эллинистическую эпоху, полную военно-политических конфликтов, круто изменявших судьбы людей, значение Тихи — богини судьбы резко усиливается, особенно в восточногреческом мире⁴. В этот период развивается почитание Тихи с особыми специализированными функциями — как покровительницы частных лиц, царей (Τύχη βασιλέως) и отдельных мест и городов (Τύχη πόλεως)⁵.

Развитие культа персональной Тихи особенно заметно в восточногреческом мире; в значительной степени он был обусловлен восточными влияниями. Он является частью более широкого исторического процесса — быстрого развития идеологического и религиозного синкретизма, сначала в большей мере охватившего восточный мир, а затем и западноевропейские страны. Именно эта форма почитания Тихи, богини персональной судьбы, нашла отражение в открытом нами памятнике.

Интересно отметить, что понтийская династия Ахеменидов, в лице Митридата Евпатора ставшая во главе Боспора, способствовала почитанию

⁴ L. Ruhl, Tyche. — В кн.: W. H. Roscher, Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie, t. V. Leipzig, 1916—1924, стр. 1309 сл.

⁵ Там же, стр. 1332—1334, 1380.

такой ипостаси Тихи; в Понтийском царстве была даже распространена клятва Τύχη βασιλέως⁶.

Богиня судьбы была покровительницей Хрисалиска и принадлежавших ему владений; поэтому башня или укрепление под ногами богини, несомненно, есть образ исследуемой крепости, являвшейся резиденцией Хрисалиска. Отсюда следует вывод о том, что Хрисалиск был важной фигурой на Боспоре. Это же подтверждается и употреблением его имени без отчества, подобно тому как часто именовали эллинистические монархии, в том числе и на Боспоре, всем известных своих помощников⁷. Установка изображения и надписи с именем царя Асандра уже прямо свидетельствует о том, что Хрисалиск был близок царю. Однако этого мало. Наши памятники могут сказать большее о Хрисалиске, его происхождении и современных ему событиях.

Если по содержанию надписи богиня отвечает греческому пониманию Тихи как покровительницы отдельных лиц и городов, то иконография изображения показывает, что это иная, варварская богиня. Ее образ в целом и все ее атрибуты могут быть поняты только с позиций восточной, ирано-малоазийской религиозной идеологии; божество это своими корнями связано с ассиро-вавилонскими религиозными представлениями. Эта богиня более властная, более сильная, чем Тиха греков. Ее атрибуты восточного типа подчеркивают суровую карающую власть типа власти иранских и ассиро-вавилонских монархов, имевших подобные жезлы и короны, а скипетр с символом солнца указывает на зависимость от астрального ирано-малоазийского и более раннего ассиро-вавилонского культов.

Вновь открытое изображение является ярким образцом религиозного синкретизма, с небывалой силой проявившегося в эпоху эллинизма, когда происходят сближение и смешение греков с народами Востока, столкновение различных идеологий⁸.

В Северном Причерноморье греко-иранский религиозный синкретизм проявился достаточно рано, что нашло отражение и в рассказе Геродота о скифах, и в памятниках скифского искусства⁹. Что касается богини Тихи, то она (в иранском понимании) изображена на золотой пластине IV в. до н. э. из кургана Карагодеуашх¹⁰. Однако иконографически Тиха из Карагодеуашха не оторвана еще от греческих традиций и изображена с рогом изобилия. По мнению М. И. Ростовцева и в соответствии с выводами Ф. Кюмона¹¹, Тиха из Карагодеуашха слилась с иранским Нугапо. Нам неизвестно имя нашей богини, но судя по тому, что Нугапо символизирует милость божию, покоящуюся на царях, под покровительством солнца, слившегося с понятием судьбы и счастья¹², эта богиня есть великое иранское божество, объединившее функции и атрибуты Нугапо и Тихи.

Следует отметить, что символ солнца в виде восьмилучевой звезды на скипетре нашей богини является доминирующим среди ее атрибутов. Этот символ был распространен во всем иранском мире. На Боспор он мог попасть двумя путями: 1) из Малой Азии через понтийско-ахеменидскую династию (монеты Митридата Евпатора, золотой статер Динамии, монеты Полемона¹³, головной убор бюста Динамии¹⁴), для которой месяц и

⁶ Strab., XII, 3, 31.

⁷ Т. В. Блаватская, Рескрипты царя Аспурга. — СА, 1965, № 2, стр. 198.

⁸ F. Cumont, Die Mysterien des Mithra. Leipzig—Berlin, 1923, стр. 15—16.

⁹ Б. Н. Граков, Скифы. М., 1971, стр. 80—87.

¹⁰ М. И. Ростовцев, Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре. — ИАК, 49, 1913, стр. 14—15.

¹¹ Там же, стр. 15.

¹² Там же.

¹³ А. Н. Зограф, Античные монеты. — МИА, № 16, 1951, табл. XLIII, 18; XLIV, 14, 20.

¹⁴ М. И. Ростовцев, Бронзовый бюст царицы Динамии и история Боспора в эпоху Августа. — Древности. Труды Московского археологического общества, т. 25, 1916, стр. 3 сл.

солнце играли роль династического герба; 2) вместе с ираноязычными племенами, двинувшимися в эллинистическую эпоху с востока в причерноморские степи, в Прикубанье. Эти символы мы встречаем на вещах из аристократических сарматских погребений, например Янчокракского¹⁵, Сеперского¹⁶, Курчанского¹⁷, Ахтанизовского¹⁸. Два последних погребения располагались в том же районе, что и исследуемая крепость.

Своими корнями этот солярный знак уходит в ассиро-вавилонскую астрально-солнечную символику¹⁹. Например, точно такой же скипетр, как у нашей богини, мы находим на вавилонском цилиндре перед богом Шамашем²⁰. В целом богиня с городища Таманского полуострова — это не варваризованная Тиха греков, а иранское божество, названное Тихой по сходству некоторых функций. Эта Великая богиня судьбы, повелительница и вонительница, своими почитателями эллинизации. Таков был и Хрисалиск — варвар с греческим именем, как и его ирано-варварская богиня-покровительница.

Эти выводы ярко подтверждаются тамгообразными знаками, свойственными сарматским²¹ и некоторым среднеазиатским племенам²². Они занимают важное место среди атрибутов богини.

Кто же эти варвары?

В конкретных исторических условиях Боспора I в. до н. э. ими могли быть только ираноязычные аспургиане, занимавшие, согласно Страбону, большую часть Таманского полуострова²³ и, по расчетам исследователей, появившиеся здесь на грани II и I вв. до н. э. Тамги говорят в пользу того, что аспургиане были одним из сарматских племен или частью сарматского племени. Отсюда следует вывод о том, что Хрисалиск и его близкие были аспургианами, этнарх²⁴ которых Асандр в 47 г. до н. э. стал боспорским царем²⁵.

Этническое происхождение и политическое лицо Хрисалиска позволяют понять появление в I в. до н. э. в центральной части Боспорского государства укрепления со рвами и валами, характерного для более восточных областей Приазовья и Прикубанья с их сарматским населением. Становятся понятными отмечавшиеся особенности в строительстве, материальной и духовной культуре обитателей укрепления. Это укрепление, несомненно, служило одной из опорных баз при захвате власти Асандром, который, согласно Аппиану²⁶, в 48—47 гг. до н. э. захватил азиатский Боспор и, действуя отсюда, нанес затем поражение Фарнаку.

Но когда же и при каких обстоятельствах разразилась катастрофа в резиденции Хрисалиска?

Суммируя все материалы, можно утверждать, что разгром укрепления имел место между 17 и 8 гг. до н. э., т. е. в период от смерти Асандра до смерти Полемона. Нижняя граница хорошо обозначается надписью и монетами Асандра, найденными в пожарище. Более поздних монет нет. Верх-

няя граница обозначается всей совокупностью находок, не выходящих за пределы I в. до н. э.

Археологические материалы удивительно соответствуют известиям письменных источников, прежде всего Диона Кассия, о военно-политических событиях на Боспоре²⁷. По смерти Асандра, передавшего власть своей супруге Динамии, она выходит замуж за самозванца Скрибония. Недовольные этим боспорцы убивают Скрибония. Тогда в боспорские дела грубо вмешивается Рим. Агриппа назначает царем Боспора правителя Понта Полемона, заставив Динамию вступить с ним в брак. Полемон, навязанный Боспору силой, как известно, не встретил здесь симпатий. Как сообщает Страбон, он хотел напасть на аспургиан «под прикрытием дружбы, но его намерение не укрылось, он был встречен войском аспургиан, попал живым в плен и был убит»²⁸.

Можно было бы думать, что именно с событиями 9—8 гг. до н. э. связана гибель резиденции Хрисалиска, тем более что карательные меры, проведенные Полемоном, в частности разрушение Танаиса²⁹, некоторые исследователи связывают с последним годом его жизни. Нам эти события рисуются в ином порядке, поскольку раскопки выявили тот факт, что после разгрома укрепление ряд лет лежало в руинах и не было восстановлено непосредственно после пожара. Видимо, было на этот счет запрещение, отпавшее после гибели Полемона. Здесь нет монет периода правления Полемона. Отсюда следует, что изучаемое укрепление разрушено несколько ранее 8 г. до н. э., именно тогда, когда Полемон овладел Боспором, а овладевал им он огнем и мечом в буквальном смысле. По этому поводу Дион Кассий сообщает, что боспорцы оказали Полемону сопротивление: «Полемон вступил с ними в битву и одержал победу, но не успел подчинить себе, пока Агриппа не прибыл в Синопу с намерением идти на них походом. Тогда они сложили оружие и сдались Полемону»³⁰.

По расчету эти события относятся к 14—13 гг. до н. э. На укрепленную резиденцию Хрисалиска пал, вероятно, один из первых карательных ударов Полемона. Вряд ли можно сомневаться в том, что Хрисалиск — человек, близкий Асандру, — остался верным его жене — царице Динамии. По-видимому, он был одним из руководителей тех боспорцев, которые препятствовали Полемону занять престол. Воцарение Полемона лишило бы малолетнего сына Асандра и Динамии, будущего царя Аспурга, права на престол. Не случайно, что через несколько лет именно аспургиане сломали власть Полемона³¹.

Нужно думать, что не только исследуемую крепость постигла такая печальная судьба. К тому же времени относится и разгром другого укрепления, располагавшегося в 15 км к юго-востоку, остатки которого были раскопаны нами в 1963 г. Мы видим как бы единый почерк — почерк Полемона: карательные действия с разрушением укреплений неподчинившихся.

Вероятно, и Танаис был разрушен не перед смертью Полемона³², а тогда же, в начале его правления³³. Согласно терминологии Страбона, он разрушен как неповиновавшийся или неподчинившийся — ἐξεπάρθηεν αὐτῷ Πολέμων ὁ βασιλεὺς ἀπειθοῦσαν³⁴ (от ἀπειθεῖν — не повиноваться, не выполнять указаний), но не как восставший.

²⁷ Dio Cass., XLIV, 24.

²⁸ Strab., XI, 2, 11; XII, 3, 29.

²⁹ Strab., XI, 2, 3.

³⁰ Dio Cass., XLIV, 24.

³¹ Strab., XI, 2, 11.

³² А. Б. Шелоа, Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970, стр. 234.

³³ Е. С. Голубцова, Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951; Stein, Dynamis. — RE, V, 1905, столб. 1879.

³⁴ Strab., XI, 2, 3.

¹⁵ А. Спицын, Фалары Южной России. — ИАК, 29, 1909, стр. 190—191, рис. 21—22; И. И. Гущина, Янчокракский клад. — Сб. Древности Восточной Европы. М., 1969; стр. 43—51.

¹⁶ К. Ф. Смирнов, Северский курган. М., 1953, стр. 22—37.

¹⁷ Музей г. Темрюк (фалар не опубликован).

¹⁸ А. Спицын, Фалары Южной России, стр. 22, рис. 17.

¹⁹ Н. Prinz, Altorientalische Symbolik. Berlin, 1915, стр. 73 сл., табл. X, 1—3; XIII; XV.

²⁰ Н. Prinz, Altorientalische Symbolik, стр. 77, табл. X, 9.

²¹ Э. И. Соломонович, Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, стр. 16—19.

²² С. П. Толстов, Древний Хорезм. М., 1948, стр. 184 сл.

²³ Strab., XI, 2, 11.

²⁴ Lukian, Macroh., 17.

²⁵ Strab., XIII, 4, 3; Dio Cass., XLII, 46—48; App. Mithr., 120.

²⁶ App. Mythr., 120.

Материалы, полученные при раскопках Таманской экспедиции 1970—1971 гг., познакомили нас с конкретными военно-политическими событиями. Они подчеркивают сложность социально-политических и этнических отношений на Боспоре I в. до н. э. Выявляется важная роль аспургиан в истории Боспора и уточняется их этническая принадлежность. Этот материал иллюстрирует процесс варваризации античных городов, захвативший и Боспор, причем ранее, чем запад античного мира. С другой стороны, мы наблюдаем активное воздействие греко-античной культуры на вливавшихся в государство варваров.

На Боспоре этого периода (I в. до н. э.) скрещивались различные политические, этнические и культурные влияния, происходило прямое взаимодействие государств и племен. В его истории отражалась значительная часть событий общемировой истории. Мы надеемся, что дальнейшее археологическое исследование территории Боспора даст новые, не менее важные исторические источники не только для истории самих античных государств, но и для характеристики племенного мира на широких пространствах Евразии.

Е. М. АЛЕКСЕЕВА

РАСКОПКИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ДОМА
В ГОРГИППИИ

В 1970 г. на месте строительства морского вокзала Анапы был разбит раскоп «Береговой II». Он примыкал к юго-западному углу котлована, вырытого под фундамент вокзала. Здесь обнаружены остатки здания, существовавшего со второй четверти IV по вторую четверть III в. до н. э. От дома сохранилось два сообщающихся подвальных помещения (рис. 1). Они вырублены в скале; подтесанная скала обложена камнями, образующими стены подвалов. Стены сложены насухо из необработанных или слегка подтесанных камней известняка и мергеля. Крупные камни лежат в один ряд, мелкие положены в два ряда, причем в некоторых местах второй ряд камней, примыкавший к скале, носит характер каменной забутовки. Ширина стен обоих помещений колеблется от 0,30 до 0,50 м. На всю сохранившуюся высоту стены примыкают к скале. Максимальная сохранившаяся высота стен 1, 2 и 3 составляет 1,40 м от уровня пола, что, возможно, соответствует глубине подвала.

Помещения разделялись стеной 3, построенной впереплет со стеной 2, и соединялись друг с другом проходом шириной 1,10 м. Площадь вытянутого прямоугольного помещения 1 была не менее 14 кв. м; более точные размеры указать нельзя, так как северо-западный край помещения оказался уничтоженным строительством до начала археологических работ. Помещение 2 имело почти квадратные очертания и занимало площадь 9 кв. м¹.

С наземной частью здания подвалы соединялись каменной лестницей, расположенной в юго-восточном углу помещения 2. Лестница сохранилась на высоту пяти ступеней. Две нижние ступени находились внутри помещения и поддерживались пилоном 6, сложенным впереплет со стенами 1 и 5. Стена 4 продолжалась вдоль лестницы, стена 1 поворачивала к ней под прямым углом, образуя стену 5, также пристроенную к подтесанной скале. Высота сохранившегося отрезка лестницы равна 1,15 м, ширина достигает 1,05 м. Ступени составлены из больших плоских плит, к каждой из которых добавлены мелкие камни; высота ступеней колеблется от 0,22 до 0,30 м.

Полем в обоих помещениях являлся слой (толщина 0,03—0,05 м) плотной желтовато-зеленой глины с включением мергеля, а также битых и целых раковин мидий. Этот слой лежит на скале, поверхность которой была гребенчатой, так как слои скалы были расположены наклонно по отношению к поверхности земли. Перед обмазыванием глиной глубокие выбоины в скале были заложены обломками амфорных стенок.

Здание погибло в пожаре. На полу помещений лежал мощный завал из обломков сырцовых кирпичей, черепиц и мелких камней. Сырцы, очевидно, принадлежали наземным стенам здания. В завале большинство

¹ Помещение 2 раскопано В. И. Цехмистренко.

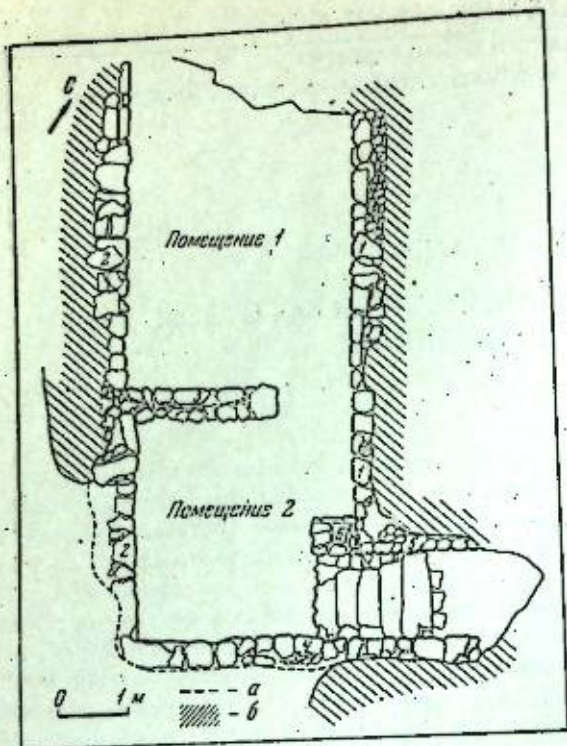

Рис. 1. Раскоп «Береговой II», план помещений 1 и 2
а — границы раскопа; б — скала

кирпичей расплылось, превратившись в слой темно-коричневой и ярко-желтой глины. Лишь некоторые обломки, закалившиеся в огне пожара, позволяют судить о размерах кирпичей. Толщина их была 7 см, ширина 30 см. Они найдены в центре помещения 1. Среди завала сырцов найдены угли и куски обгоревших бревен от рухнувших перекрытий и массивные железные гвозди.

Крыша дома была черепичной. От нее сохранились обломки синопских и боспорских соленов, полукруглых синопских калиптеров, двускатных граненых боспорских калиптеров из красной, а также из желтовато-сиреневатой с железистыми включениями глины, возможно горгиппийской. Граненые калиптеры имеют слегка вогнутую двускатную поверхность и вертикальные боковые стороны, снаружи они покрыты темно-красной лакообразной краской. На некоторых обломках сохранился валик, служивший для упора положенного сверху калиптера. Высота граненых калиптеров колеблется от 0,060 до 0,075 м, ширина их равна 0,13 м. Наибольший обломок сохранился в длину на 0,51 м. Такой тип черепиц характерен для IV—I вв. до н. э.²

Здание было сооружено в конце второй четверти—середине IV в. до н. э. Об этом свидетельствует найденное у пола в проходе между помещениями синопское черепичное клеймо с именем астинома Гистиея и эмблемой орла на дельфине (рис. 2, 3). Оно относится к первой хронологической группе синопских клейм. В. И. Цехмистренко датировал подобные клейма 370—360 гг. до н. э.³

Время гибели здания должно быть отнесено ко второй четверти III в. до н. э. согласно клейму с именем астинома Мальтиада, оттиснутому на ручке синопской амфоры (рис. 2, 4), которое было найдено на уровне скалы за пределами дома, но в непосредственной близости к нему.

² Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. — САИ, вып. Г1-20, 1966, стр. 51—59.

³ В. И. Цехмистренко. Синопские керамические клейма. — СА, 1960, № 3, стр. 60—68.

Рис. 2. Находки из дома IV—III вв. до н. э.

1 — мраморная нога всадника от конной статуи; 2 — клеймо на амфорной ручке; 3 — астиновое клеймо на солене из синопской глины; 4 — астиновое клеймо на ручке синопской амфоры

В. И. Цехмистренко датировал это клеймо второй четвертью III в. до н. э. Оно является наиболее поздней находкой в комплексе и определяет верхний рубеж существования дома.

Все находки происходят только из сырцовых завалов, непосредственно на полу ничего не найдено.

Обломки амфор немногочисленны. Здесь найдены фрагментированная родоская амфора, мелкие обломки синопских амфор и амфор типа Солоха I, биконические ножки фасосских амфор, массивные стаканообразные ножки из красной боспорской глины, фрагменты амфорных горл с плоско срезанными венцами и следами красной краски под ними. Все эти обломки принадлежат амфорам характерных для IV—III вв. до н. э. типов. Среди амфорных обломков примечательно горло с красной полосой под венчиком и клеймом в виде монограммы, читающейся как АПО, на одной из ручек (рис. 2, 2). Д. Б. Шелов ссылается более чем на три десятка подобных клейм из Северного Причерноморья и предположительно относит их к группе местных, боспорских⁴. Амфора из горгиппийского дома сделана из светлой бежевато-желтой мелкозернистой глины со множеством мелких темных и красновато-терракотовых включений.

При расчистке сырцовых завалов на полу подвала обнаружено много различных предметов, попавших туда, может быть, из наземной части здания. В помещении 1 найдена бронзовая пантикапейская монета 330—315 гг. до н. э. с головой бородатого Сатира вправо на аверсе и протомой

⁴ Д. Б. Шелов. Клейма на амфорах и черепицах из Пантикапея. — МИА, № 56, 1957, стр. 217, табл. V, 3.

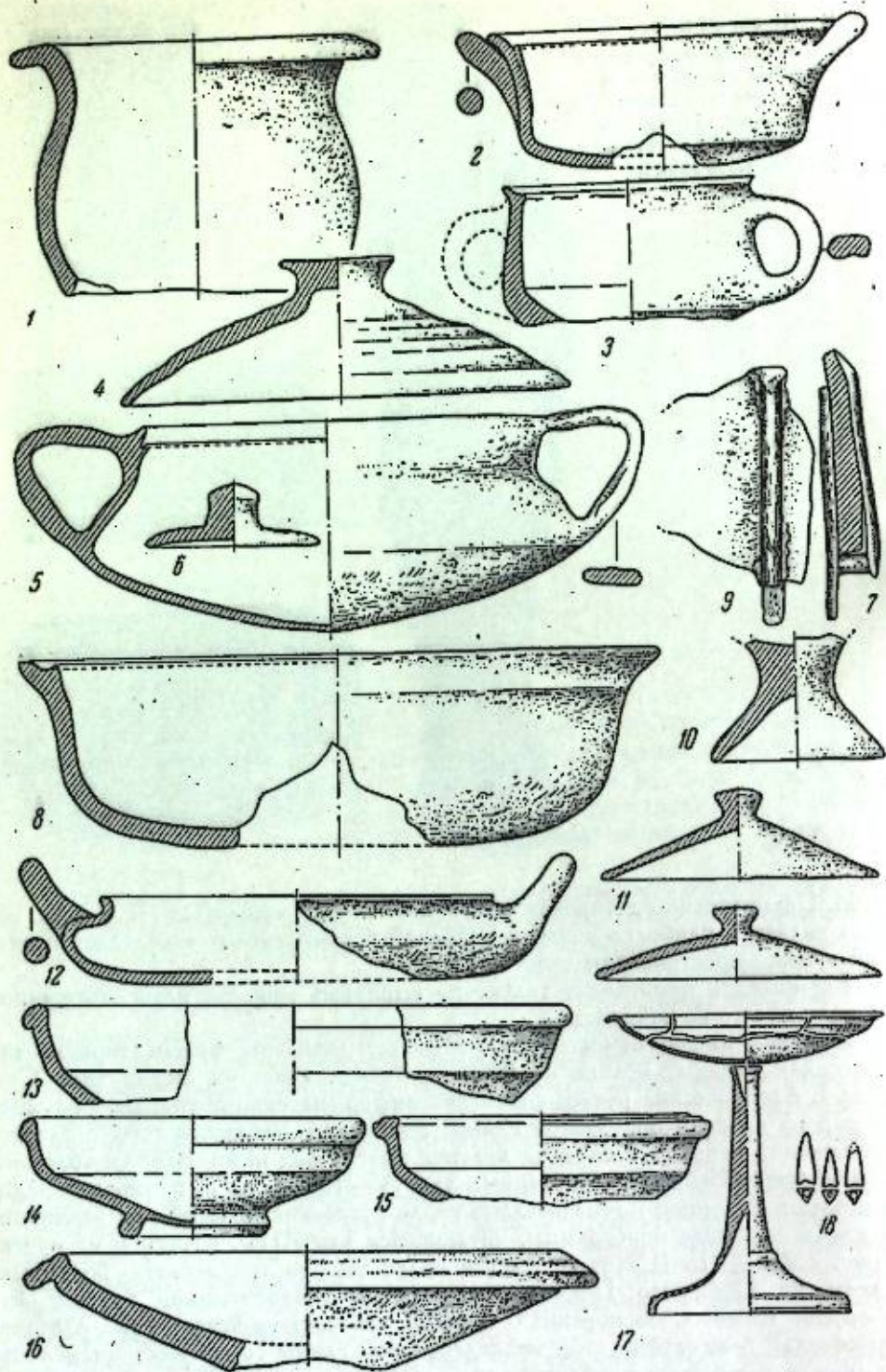

Рис. 3. Находки из дома IV—III вв. до н. в.

1 — деревянный горшок; 2—6, 9, 11—16 — керамика, сделанная на гончарном круге; 7 — фрагмент стенки пифоса со свинцовой скрепой; 8 — гончарная кастрюля; 10 — ножки деревянной темлоощенной курialницы; 17 — бронзовый спетальник; 18 — бронзовые стрелы

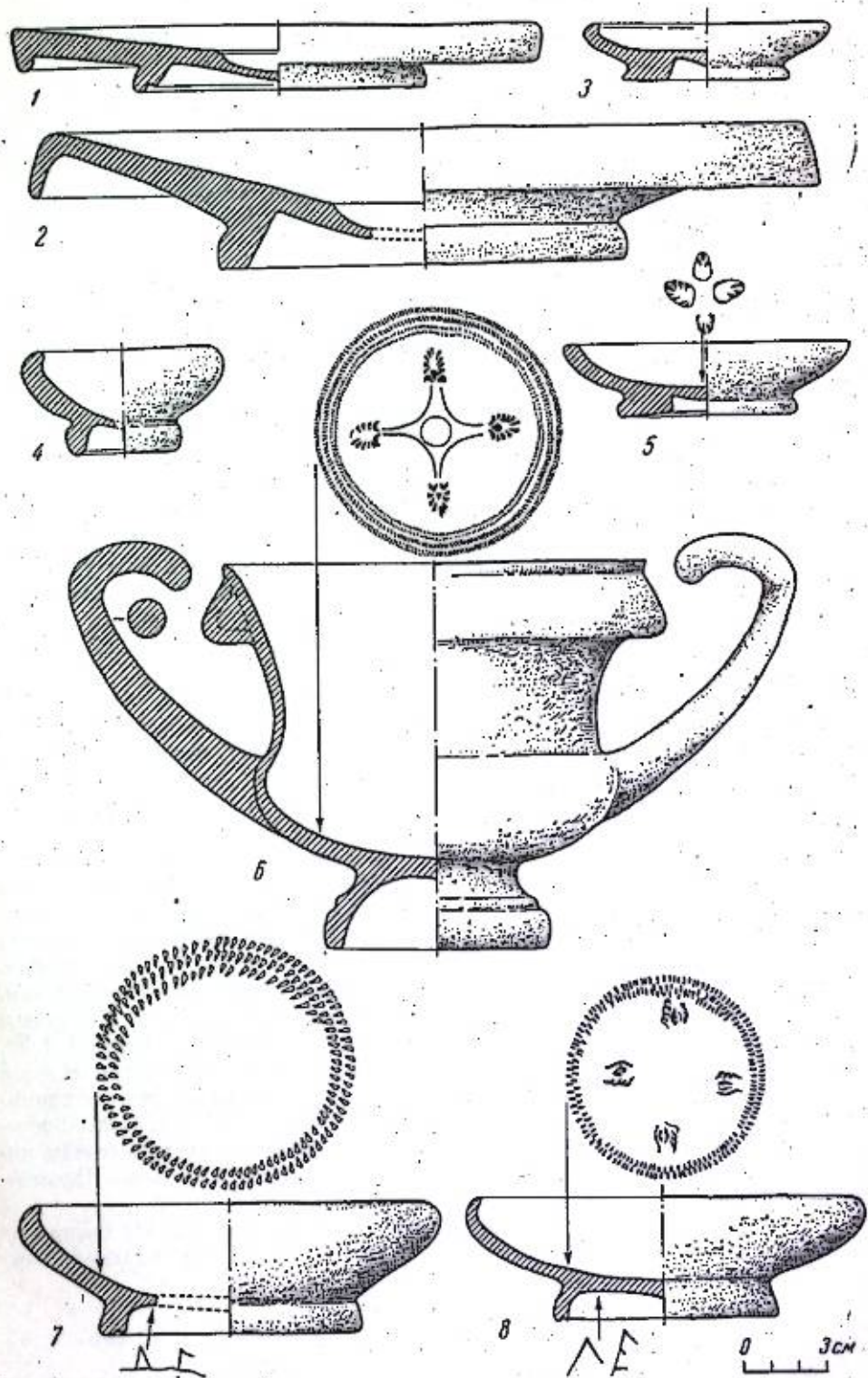

Рис. 4. Черноразовая посуда из дома IV—III вв. до н. в. (1—8)

орлиноголового грифона влево и осетром под ним — на реверсе⁵. В помещении 2 найдены три наконечника бронзовых трехлопастных стрел IV—III вв. до н. э. (рис. 3, 18). Здесь же обнаружен бронзовый кубок на тонкой и высокой конусообразной ножке (рис. 3, 17). Подобный кубок из Олинфа датируется первой половиной IV в. до н. э.⁶ Широкая чаша кубка из Горгиппии сохранилась очень плохо и едва восстанавливается по обломкам на основании указанной аналогии. Высокая подставка его, напротив, дошла до нас в хорошем состоянии, она декорирована тонкими бороздками и мягкими валиками. Горгиппийский кубок несколько крупнее олинфского и отличается от него мелкими деталями. Возможно, что он использовался в качестве светильника, так как внутри его чаши сохранился толстый слой нагара.

В помещении 2 найден набор из 80 астрагалов различной величины, среди них один просверлен, другой — подтесан. Подобные наборы игральных костей неоднократно встречались в Северном Причерноморье⁷. Из находок в помещении 2 следует особо отметить фрагменты мраморной конной статуи со следами красной краски. Эта находка требует самостоятельного исследования и реконструкции. Здесь отметим только, что от статуи сохранились куски пьедестала со следами ног коня, а также обломки ног всадника, прижатые к крупу лошади (рис. 2, 1). Из сырцовых завалов извлечены два пирамидальных грузила, обломки трех светильников эллинистического времени, голова терракотовой фигурки голубя, фрагмент стенки пифоса с массивной свинцовой скрепой (рис. 3, 7).

Кроме отмеченных индивидуальных находок, в сырцовых завалах обнаружено большое количество различной посуды хозяйственного назначения. Лепной керамики мало: обломки принадлежат только горшку с сильно отогнутым наружу венчиком (рис. 3, 1) и курильнице на ножке, поверхность которой примитивно залощена (рис. 3, 9). Круговая же керамика разнообразна. Найден кусок небольшого лутерия. Он был сделан из мелкозернистой розовой глины и покрыт светло-желтой обмазкой. Лутерий имел сильно отогнутый наружу венчик и, по-видимому, кольцевой поддон (рис. 3, 16). Из сырцовых завалов извлечены три миски в обломках (рис. 3, 13—15), четыре крышки (рис. 3, 4, 6, 10, 11) и пять кастрюль (рис. 3, 2, 3, 5, 8, 12). Миски сделаны из тонкой, хорошо отмученной глины с примесью мельчайших блесток и редких белых включений. Миски имели кольцевые поддоны, четко выраженные венчики и ребра в средней части. Поверхность одной из них покрыта светло-желтой обмазкой, а венчик украшен двумя бороздками (рис. 3, 15). Крышки значительно грубее, но также сделаны из мелкозернистой глины с блестками. Наибольшей грубостью теста отличается маленькая крышка с массивной шишечкой, глина ее содержит множество темных включений (рис. 3, 6). Кастрюли сделаны как из тонкой мелкозернистой глины с блестками (рис. 3, 2, 5), так и из очень грубой. Рыхлое тесто одних окрашено в светло-желтый цвет и наполнено песком (рис. 3, 3, 8), у других оно имеет густой коричневый оттенок и насыщено белыми включениями (рис. 3, 12). Большинство публикуемых типов круговой керамики находит параллели среди подобной посуды IV—III вв. до н. э. в других городах Северного Причерноморья⁸.

В обоих помещениях преобладает чернолаковая керамика. Из сырцовых завалов извлечены два рыбных блюда (рис. 4, 1, 2), три маленькие ча-

шечки-солонки на кольцевых поддонах (рис. 4, 3—5), две чашки с загнутыми внутрь краями на кольцевых поддонах с одинаковым граффити ЛЕ внутри поддонов (рис. 4, 7, 8), канфарообразный килек на ножке с полым валиком по краю (рис. 4, 6), ножки канфаров и прочие мелкие обломки сосудов, подобных описанным. Донья чашек, солонки и килика украшены небрежным штампованным орнаментом в виде пальметт и кругов из насечек. Килек и оба рыбных блюда покрыты густым лаком с ровным умеренным блеском. Поверхность солонки и чашек слегка отливают металлическим блеском. Формы сосудов и характер лака позволяют отнести весь набор чернолаковой посуды ко второй половине IV—первой половине III в. до н. э.

⁵ Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, табл. V, 57.

⁶ Монета очень плохой сохранности, определена Н. А. Фроловой.

⁷ D. M. Robinson. Excavations at Olynthus. P. X. Metal and Minor Miscellaneous Finds London, 1941, стр. 184, табл. XLIV, 574.

⁸ См., например: М. М. Кобылина. Фанагория. — МИА, № 57, 1956, стр. 43.

⁹ См., например: И. Т. Круликова. Ремесленное производство простой керамики Пантикапея. — МИА, № 56, 1957, стр. 107 и сл.

Т. М. АРСЕНЬЕВА, Д. Б. ШЕЛОВ

РАБОТА НИЖНЕ-ДОНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
В 1970—1972 ГГ.

Нижне-Донская экспедиция Института археологии АН СССР и Ростовского областного музея краеведения продолжала в 1970—1972 гг. исследования Недвиговского городища — древнего Танаиса¹. Работы велись на раскопах IV и VI, расположенных в западной части основного четырехугольника, и на вновь заложенном раскопе XIV в центре городища².

На раскопе IV доследовались ранее не расчищенные сооружения, пристроенные к внутреннему фасу оборонительной стены 5³. Ниже уровня дворика помещения Л открыты остатки ранней оборонительной стены 103, разрушенной и разобранной еще в древности. Стена 103 тянулась с запада на восток и достигала в ширину 2,20 м. Западный конец стены 103 пристроен с востока к рустованной кладке южного конца оборонительной стены 5, восточный конец стены уходит под борт раскопа. Подошва стены 103 находится почти на одном уровне с подошвой фундамента стены 5. Соотношение вновь открытой стены с другими фортификационными сооружениями раннего Танаиса пока не совсем ясно. На открытом участке во II в. н. э. стену 103 частично разрушила врезавшаяся в нее хозяйственная яма 91. Устье ямы перекрывал каменный заклад, стенки ямы были выложены необработанным камнем и расширялись ко дну. Среди находок из ямы нужно отметить целую светлоглиняную узкогорлую амфору II в. н. э. с буквами на горле, нанесенными красной краской.

После разборки стен IV—V вв. н. э., открытых еще в 1956—1957 гг., севернее помещения Л теперь было расчищено помещение З, непосредственно пристроенное к оборонительной стене 5. Наземная часть помещения была в значительной степени разрушена поздними постройками, хорошо сохранился только подвал. Стены подвала сложены из необработанного камня на глиняном растворе, пол образован выровненной поверхностью материковой скалы. Подтесанные выходы скалы включены и в стены подвала. В юго-западном углу сохранилась каменная лестница из семи ступеней, ведущая в подвал. Подвал и помещение погибли во время разгрома города в 40-х годах III в. н. э. При расчистке подвала открыто более 50 целых и раздавленных светлоглиняных амфор первой половины III в. н. э., на горлах и плечиках которых имелись надписи, нанесенные красной краской. Найдены две амфоры из розовато-желтой глины с плоским дном и небольшими ручками у плечиков, одна из амфор подобрана целиком (рис. 1, 3). Лепная керамика, открытая в подвале, представлена горшками разнообразной формы (рис. 2, 1—3, 8, 9). Найдены серолоще-

¹ В работах экспедиции принимали участие Д. Б. Шелов, Т. М. Арсеньева, И. С. Камешевский, Д. В. Деоник, Ф. М. Штительман, А. М. Казакова, С. М. Коляков, Я. Б. Гейшерик и др.

² См.: Т. М. Арсеньева, Д. Б. Шелов. Исследования Танаиса в 1966—1969 гг. — КСИА, 130, 1972, стр. 81—95.

³ См. план раскопа IV: Т. М. Арсеньева, Д. Б. Шелов. Исследования Танаиса в 1966—1969 гг., стр. 90, рис. 36.

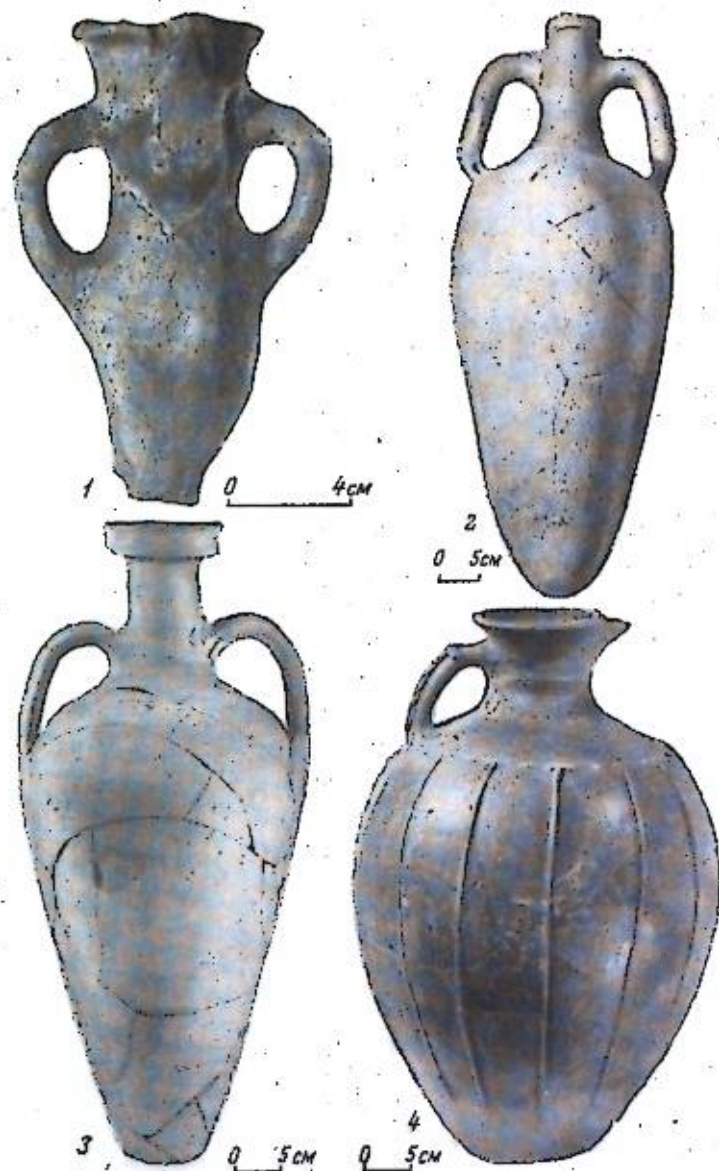

Рис. 1. Керамика III—IV вв. н. э.

1 — левый сосуд конца IV — начала V в. н. э.; 2 — амфора конца IV — начала V в. н. э.; 3 — амфора из подвала З III в. н. э.; 4 — дощечный кулешник конца IV — начала V в. н. э.

ные круговые и краснолаковые сосуды, а также простая круговая керамика (рис. 2, 4). Особо следует упомянуть о находках железного умбона и нескольких глиняных изделий с вмазанными стеклами, назначение которых неясно (рис. 2, 6, 7, 10).

Восточнее подвала З, на расстоянии около 2,50 м от него, открыт второй подвал Ф. Этот подвал, существовавший во II—III вв. н. э., был прорезан и разрушен подвалом, относящимся к последнему периоду жизни города, — к концу IV — началу V в. н. э. В заполнении подвала найдены обломок большой известняковой плиты с рельефным знаком боспорского царя, многочисленные обломки амфор, лепной керамики IV—V вв. н. э. и разнообразные поделки из кости⁴.

⁴ Т. М. Арсеньева. Работы в Танаисе. — АО 1972 г. М., 1973, стр. 110—112, рис. 1 и 2 на стр. 111.

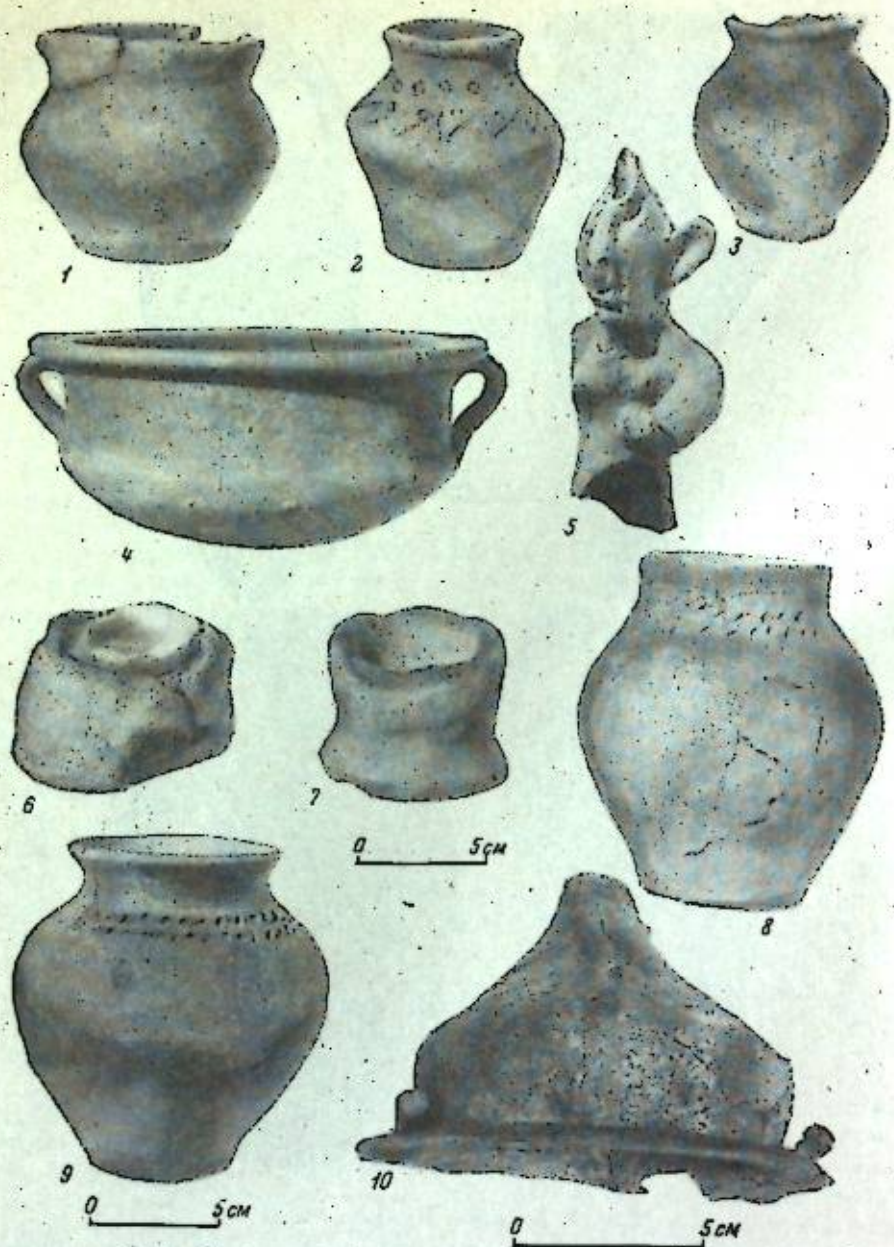

Рис. 2. Находки III в. н. э.

1-3, 8, 9 — глиняные горшки из подвала З; 4 — кастрюля из подвала З; 5 — терракотовая статуетка из подвала АФ; 6, 7 — глиняные изделия с выжатыми стенками из подвала З; 10 — железный умбон из подвала З.

Самые значительные работы проводились на участке VI. Доследование западной оборонительной стены города показало, что фортификационные сооружения на этом участке претерпели такие же изменения, какие ранее были прослежены на раскопе IV: крепостная стена и прилегающая к ней башня эллинистического времени были наполовину разрушены в конце I в. до н. э., перестали выполнять свои функции и были приспособлены под какие-то хозяйственные нужды. Во II в. н. э. оборонительная стена была надстроена и одновременно укреплена дополнительным наружным панцирем, доведшим толщину стены до 5 м. В то же время на развалинах более ранней башни была возведена новая башня (III). Она была

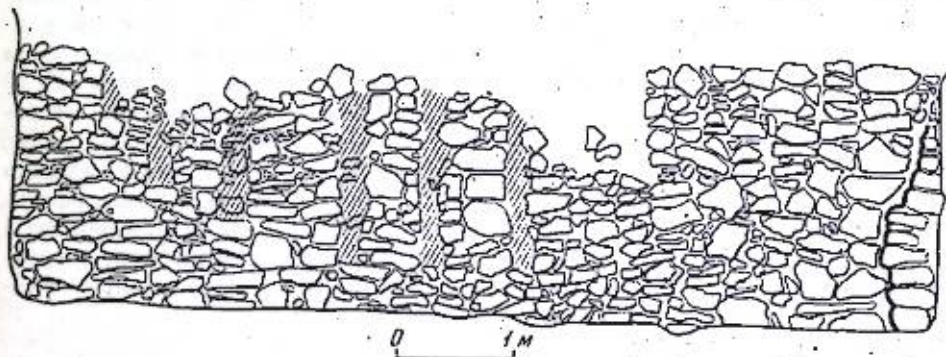
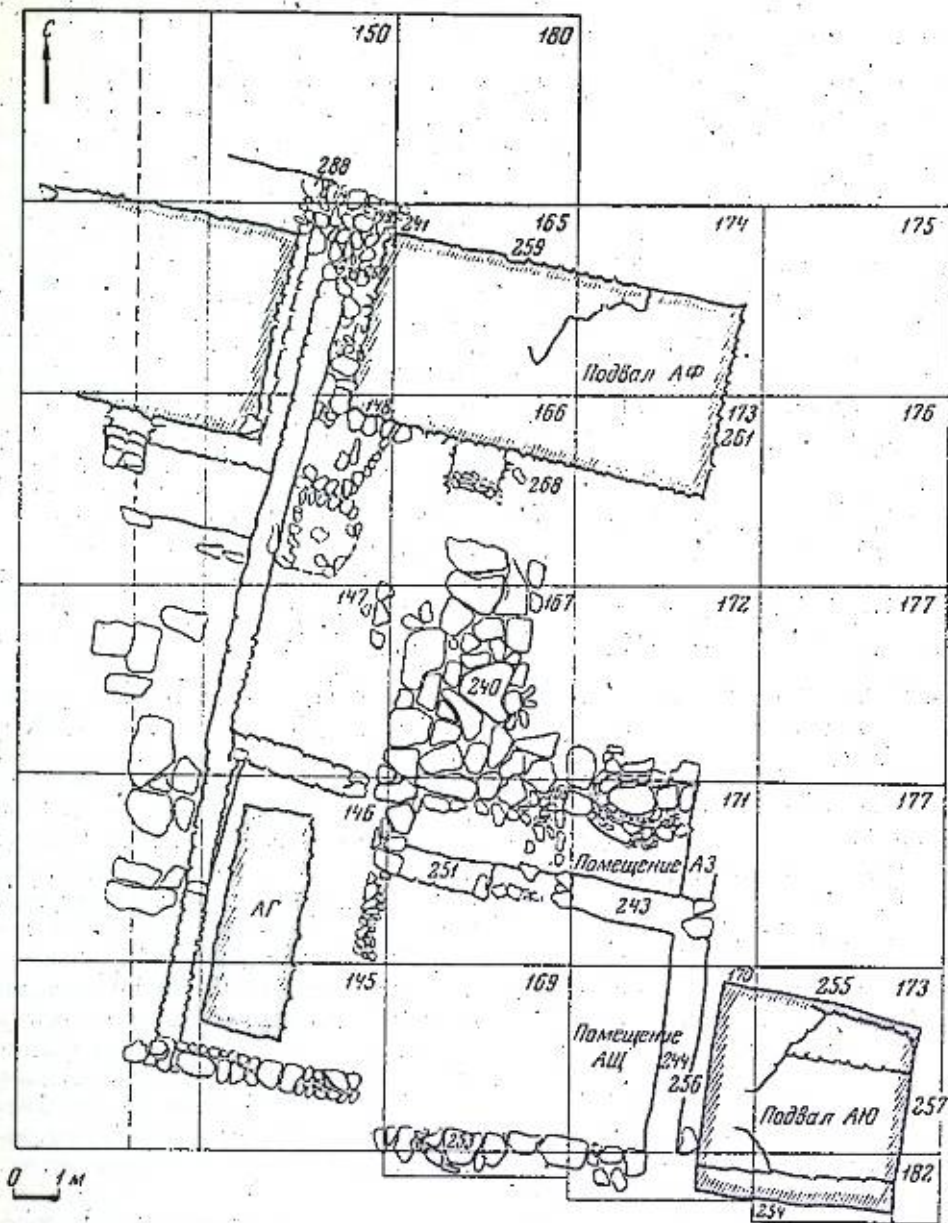

Рис. 3. Раскоп VI

1 — план усадьбы III в. н. э.; 2 — фриз северной стены подвала АФ

перестроена еще раз на рубеже II и III вв. н. э. В мусорных слоях III в. н. э. около развалин башни найден известняковый скульптурный бюст со следами раскраски⁵.

В восточной части раскопа продолжалось исследование городских кварталов. Полностью раскопана усадьба 3 II—III вв. н. э. (рис. 3, 1). Она стояла, как и ранее открытая усадьба 2, из мощеного дворика с цистерной и располагавшихся вокруг дворика помещений. По трем сторонам двора шла крытая галерея или навес. В юго-восточном углу двора находился каша-кой-то производственный комплекс. Здесь открыто овальное углубление, дно и наклонные стенки которого выложены большими плоскими каменными плитами. К этому сооружению принадлежал и большой деревянный брус, лежавший поперек углубления. Назначение этого сооружения пока определено быть не может. Во двор вел небольшой коридор, расположенный между двумя южными помещениями усадьбы. Одно из этих помещений с подвалом АГ под ним было исследовано ранее и дало очень интересные материалы⁶. Второе помещение подвала не имело, это была комната площадью около 25 кв. м с глинобитным полом, имевшая вход с севера, с дворика. Еще одно большое помещение АФ располагалось в северной части усадьбы, под ним был очень большой (8×4 м) подвал, оказавшийся к моменту гибели усадьбы пустым. В северной стене подвала прослежены пазы для вертикальных брусьев, может быть крепивших лестницу (рис. 3, 2). В каменном полу подвала обнаружены углубления с ритуальными захоронениями баранов, видимо, подобными тем, которые ранее были открыты в помещении Т на раскопе IV⁷.

Выше остатков усадьбы III в. лежали многочисленные остатки хозяйственных и жилых построек последнего периода жизни города — конца IV—начала V в. н. э. Раскопки показали, что весь исследованный участок был застроен в это время достаточно плотно. Кладки, хотя и более небрежные, чем кладки II—III вв. н. э., однако не столь плохи, как это представлялось раньше. Стены сложены в основном из камня средних размеров, а иногда и из крупных камней на глине. Вымостки мощные, выложенные из больших каменных плит неправильной формы. Помещения имеют глинобитные полы, очаги, хозяйственные ямы. Большая часть помещений прямоугольная, но имеются и постройки, округлые в плане, не встречавшиеся в Танаисе предшествующего периода. Стратиграфические наблюдения позволяют выделить не менее трех строительных периодов в пределах последней четверти IV и первых десятилетий V в. н. э. Среди находок этого времени преобладают лепная керамика, лощеные сосуды, светлоглиняные амфоры поздних типов (рис. 1, 2). Особо может быть отмечен великолепный большой лепной кувшин со стилизованной зооморфной ручкой и рельефными вертикальными валиками на тулове; высота его 0,55 м (рис. 1, 4).

В 1971 г. приблизительно в центре основного четырехугольника городища был заложен новый раскоп XIV. За два года здесь вскрыта площадь около 175 кв. м. На этой площади открыты главным образом слои и постройки последнего периода существования Танаиса — конца IV—начала V в. н. э. Наиболее интересно большое жилое помещение А, раскопанное в южной части исследуемого участка. Оно раскрыто не полностью, южная часть его осталась за пределами раскопа, но и вскрытая площадь помещения составляет не менее 30 кв. м. Помещение А, как и большинство построек этого времени, было немного заглублено в землю, глинобитный пол его находился на 0,4—0,5 м ниже уровня окружающей дневной поверхности. В помещении открыты два выложенных камнем и обмазанных гли-

ной очага. В северной стене помещения имелся дверной проем шириной 0,8 м. Он вел в располагавшееся севернее другое помещение, вымощенное плоским камнем средних размеров. Это небольшое помещение, может быть, служило передней или сенями по отношению к помещению А. Еще севернее прослежены остатки мощеного хозяйственного дворика, принадлежавшего тому же комплексу. В вымостке двора открыты горловины двух выложенных камнем хозяйственных ям, примерно полутораметровой глубины. Здесь же найдены два круглых жернова.

Из других сооружений IV в. н. э. следует упомянуть остатки помещения В, открытого ниже описанного комплекса и принадлежавшего, видимо, первому строительному периоду последнего этапа жизни Танаиса. Частично раскопана стена В, которая, округло изгибаясь, ограничивала с юга помещение В. Это помещение также было заглублено в землю и подобно некоторым постройкам того же времени на других раскопах имело округлую форму.

Ниже строительных остатков конца IV—начала V в. н. э. на исследуемом участке лежат слои и постройки II—первой половины III в. н. э., разрушенные во время разгрома города неприятелем в 40-х годах III в. н. э. Исследование этих слоев только начато. Открыты остатки какого-то значительного комплекса, состоявшего из нескольких помещений. Часть одного из них — помещения Б — раскопана. В нем обнаружены шесть вкопанных в пол вплотную друг к другу двумя рядами больших красноглиняных амфор. Верхние части амфор были отбиты, нижние — раздавлены. В одной из амфор находились остатки рыбы (кости и чешуя), в двух других — обгорелое зерно. Анализ зерна показал, что амфоры были заполнены мягкой пшеницей. В качестве примесей обнаружены зерна ячменя и семена сорных растений семейств крестоцветных и гречишных⁸.

Обращает на себя внимание большое количество обломков черепицы, встреченных при раскопках помещения Б. Найденные фрагменты позволяют восстановить целые плоские керамиды и полуцилиндрические калитеры. До сих пор обломки черепиц при раскопках Танаиса встречались довольно редко⁹, что объясняется использованием в городе в качестве кровельного материала главным образом камыша и соломы. На раскопе XIV впервые обнаружены остатки здания, которое было покрыто черепицей. Это соответствует значению центрального района города и позволяет надеяться на открытие здесь в дальнейшем богатых частных домов и общественных сооружений.

Раскопки танаисского некрополя проводились в очень ограниченных масштабах, главным образом на участке «Западном», затронутым строительством дороги к заповеднику «Танаис»¹⁰. Могильные пятна были обнаружены еще в 1968—1969 гг., а сами погребения исследованы в 1970—1971 гг. В грунтовом некрополе открыто семь могил (265—271). Две из них (270 и 271), разрушенные и разграбленные, датируются, по-видимому, I в. до н. э. и I в. н. э. Погребение 270 было совершено в подбойной могиле, погребение 271 — в яме с заплечиками. Остальные могилы датируются II—III вв. н. э. Прослеживаемые могильные сооружения представляются собой также либо ямы с заплечиками (266, 267, 268), либо подбойные могилы (265). Сохранившийся инвентарь могил очень небогат: лепные сосуды, бусы, бронзовые пряжки, краснолаковая чашечка, обломки стеклянных бальзамариев.

В 1971 г. на территории танаисского грунтового некрополя к северу от городища были проведены разведочные работы с целью проверить воз-

⁵ Т. М. Арсеньева, Д. Б. Шелов. Работы в Танаисе. — АО 1970 г. М., 1971, рис. на стр. 118.

⁶ Т. М. Арсеньева, Д. Б. Шелов. Исследования Танаиса в 1966—1969 гг., стр. 94.

⁷ Там же, стр. 91.

⁸ Анализ выполнен на кафедре почвоведения и агрохимии Ростовского университета И. Полтавской и В. Сергеевым.

⁹ Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М., 1972, стр. 128.

¹⁰ См.: А. М. Казакова, И. С. Каменицкий. Охранные раскопки некрополя Танаиса в 1968 г. — Сб. Археологические памятники Нижнего Подонья, вып. 2. М., 1973.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

О СКИФСКОЙ И САРМАТСКОЙ ЭТНОНИМИКЕ

возможность обнаружения могил при помощи электронизмерителя МФ-08¹¹. Способом симметричного электропрофилеирования производились замеры сопротивления на глубину 1,20—1,50 м. Участки перекопанного грунта сопротивлялись понижением сопротивления, камни в грунте давали резкий подъем сопротивления, что отражалось в соответствующих графиках. Для проверки результатов измерений был заложен раскоп XV площадью около 55 кв. м. Раскопки обнаружили в местах, указанных электронизмерителем, скопления камней или каменные оградки, характерные для некоторых могил тананского некрополя¹², а также два полностью разграбленных погребения (272 и 273), совершенных в могильных ямах с заплечиками.

В 1972 г. на территории курганного некрополя Тананса к северу от городища раскопана одна могила, насыпь над которой была уничтожена при строительстве дороги. Двойное погребение — мужчины и женщины — было совершено в глубокой катакомбе в деревянных гробах. Могила содержала множество вещей, в том числе хорошо сохранившиеся остатки кожаных и деревянных предметов — седел, уздечек, деревянных шкатулок, ножен и пр. Могила датируется первой половиной III в. н. э.¹³

Задача, которую ставит наша заметка, очень скромная — установить действительное значение терминов βασιλήϊοι Σαΐται у Геродота¹ и Σαυροδάται οἱ βασιλεῖοι у Аппиана². Ключом для раскрытия значения слов βασιλήϊοι — βασιλεῖοι является знаменитый ольвийский декрет в честь Протогена, точнее упоминания в нем о саях³ и, видимо, об их царе — Саитафарне⁴.

Уже давно высказывалось мнение, что саяев следует отнести к скифам⁵. В дальнейшем их стали считать сарматами⁶. Видели в них и скифо-сарматов⁷. Наконец, известно и более осторожное суждение⁸, согласно которому в саях нужно видеть либо скифов, либо сарматов, но не фракийцев⁹. Последнее предположение исключается типично иранским именем царя саяев.

Имя Σαϊταφάρνης вызвало различные толкования ученых¹⁰. Наименование Σαῖοι было убедительно объяснено путем сопоставления Σαῖοι — Σαῖοι с зенд. Xšaуа — властитель, герой¹¹ или др. перс. xšāu — блистать¹².

Значительная близость смысла терминов βασιλήϊοι и βασιλεῖοι, с одной стороны, и Σαῖοι — с другой, вряд ли может вызвать сомнения. Между тем эти термины отнюдь не идентичны. Дело в том, что неизбежные трудности при переводе того или иного понятия, чуждого иноплеменному переводчику, нередко приводили к различным неточностям, а иной раз и к искажениям. Как уже было отмечено¹⁴, Геродот¹⁵ не избежал погрешностей при описании скифского пантеона. Конечно, эти погрешности

¹ Herod., IV 20.² Appian. Mithr., 69.³ IOSPE, I², № 32, A34.⁴ IOSPE, I², № 32, A10 и 83.⁵ Zeuss. Die Deutschen und die Nachbarstämme. München, 1837, стр. 281 (по Ф. Брауну).⁶ Aug. Boeckh. Inscriptions Sarmatiae cum Chersoneso Taurica et Bosporo Cimmerio. Introductio. — SIG, II, p. XI; Ф. Браун. Разыскания в области гото-славянских отношений, I. СПб., 1899, стр. 92—93; E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 119; M. Vasmer. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranen in Südrussland. Leipzig, 1923, стр. 50.⁷ Д. Иловайский. Очерки и рассказы из Всеобщей истории. I. Древний мир. М., 1883, стр. 353.⁸ C. Dittenberger. Sylloge³, I, № 459, примеч. 5, 12.⁹ Такая оговорка вызвана упоминанием Архиолоха о саях (фракийцах) во фрагменте элегии о потрянном щите (Archil. Eleg. 6).¹⁰ L. Zgusta. Die Personennamen griechischer Städte der Nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, стр. 140, § 197.¹¹ Ф. Браун. Указ. соч., стр. 92—93.¹² В. И. Абасов. Скифский язык — Сб. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, стр. 188—189.¹³ Приведенные сопоставления способствовали успешному истолкованию имени Саитафарна: Saita-farna, т. е. «носитель фарна саяев» или «благоденствие блистательных (властительных)» (см.: Ф. Браун. Указ. соч., стр. 93; В. И. Абасов. Указ. соч., стр. 163—164).¹⁴ В. Д. Блаватский. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (в VII—V вв. до н. э.). — СА, 1964, № 2, стр. 16—17, примеч. 17—18.¹⁵ Herod., IV, 59.¹¹ Замеры и обработку результатов их производил сотрудник Северо-Кавказского научного центра В. И. Логинов.¹² Д. Б. Шелов. Некрополь Тананса (МИА, № 98). М., 1961, стр. 86—87.¹³ И. С. Каменицкий. Катакомбное погребение в некрополе Тананса. — АО 1972 г. М., 1973, стр. 128—129.

А. И. БОЛТУНОВА

ФРАГМЕНТЫ НАДПИСИ
О СТРОИТЕЛЬСТВЕ БАШНИ В ТАНАИСЕ

В 1968 г. при раскопках жилых кварталов Танаиса, примыкавших с востока к центральной части западной оборонительной линии города, был исследован большой подвал Z, находившийся под помещением АВ, почти полностью разрушенным¹. Подвал был заполнен камнями от развалившихся стен наземной постройки. При выборке камней, смешанных с обломками разнообразных сосудов, попавших в подвал из помещения АВ, были найдены два несходящихся краями обломка плиты из белого мрамора с греческой надписью (фрагменты А и Б)².

Плита толщиной 3,5 см была тщательно обработана с обеих сторон.

Фрагмент А: наибольшая высота 7,8 см; ширина 19 см; буквы вырезаны четко и аккуратно, рукой опытного резчика, врез глубокий; высота букв 2,5 см. На камне читается (рис.):

[-----'Ρησκ]ουπ[οριδ-----]
-----υ βασιλέω[ς-----]
-----ζόν πέρη[σιν-----]

В начале строки 2 на краю излома камня отчетливо видна правая наклонная гаста от υ, неразличимая на фото. Этим обусловлено прочтение ω в конце той же строки. В начале строки 3 виден кончик горизонтальной гасты от τ, а в конце той же строки — такой же гасты от γ.

Судя по упоминанию царского имени, фрагмент А принадлежал верхней части плиты и сохранил среднюю часть первых трех строк надписи.

Фрагмент Б: высота 7,3 см; ширина 9 см; высота букв 2,2 см. Сохранились остатки трех строк:

-----ου, βα-----
-----Φαλδ[α]ρανον-----]
-----στ[ε]ρ-----

Сохранившиеся на фрагменте А обрывки текста позволяют установить содержание надписи: она сообщала о постройке или ремонте башни, и работы эти производились в правление царя Рескупорида. Вопрос о том, отнести ли надпись к сыну Савромата II Рескупориду III (210/11—226/27) или к Рескупориду IV (233/34), следует решать скорее в пользу Рескупорида III. Среди граждан Танаиса нам до настоящего времени

прежде всего были вызваны теми сведениями, которые древний историк получил от своих собеседников — вероятно, греческих купцов, торговавших со скифами. Сказанное побуждает нас подойти с некоторой осторожностью к пониманию смысла слов βασιλήϊοι Σκῆθαι у Геродота.

Среди иранских этнонимов встречаются наименования, которые подчеркивают особое значение и социальное превосходство отдельных племенных групп или народов. Таково общеиранское самоназвание 'Αριοι = Агii — др. перс. агiуа = благородные¹⁶, которое особо носило одно из сарматских племен или вернее племенных союзов. Другим вариантом этого имени является 'Αλαῖοι = Alani и 'Ρωξολάνοι = Rhoxolani = светлые аланы¹⁷ или блестящие — от иран. гаōхспа¹⁸. Близки по смыслу этнонимы Πάλοι = др. инд. bala = военная сила, дружина¹⁹ и, вероятно, 'Αορσοί — авест. aurša = белые²⁰. Одна из возможных этимологий наименования Σαυρομάται — Σαρμάται = иран. сабōмант = имеющие клинки (меченосцы)²¹, однако существуют и другие мнения²².

К тому же разделу иранских этнонимов относится и 'Ασπυργιάνοι²³, тесно связанное с именем 'Ασπυργος, которое отвечает др. иран. аспурган = имеющий мощных коней²⁴. Конечно, наименование аспурган скорее относится к дружине, а не к этнической группе. Однако в любом случае это название подчеркивает социальное значение аспурган. К числу этих горделивых наименований относится и этноним Σάιοι.

Подведем итоги сказанному. Конечно, дословный перевод слов βασιλήϊοι Σκῆθαι остается по-прежнему «Царские скифы», а Σαυρομάται οἱ βασιλῆιοι = Царские савроматы. Однако эти названия не заключали того оттенка связи с царем и даже зависимости от царя, которое содержится в слове «царский». Напротив, термин Σάιοι звучал весьма гордо и заносчиво. Носившие его скифы и сарматы были полны собственного достоинства и подчеркивали свое исключительное положение, утверждая, что они обладают властью, доблестью, царственностью.

Сказанное побуждает прийти к выводу, что все попытки делать как-либо исторические заключения о политическом устройстве или социальном строе, исходя из терминов «Царские скифы» или «Царские сарматы», можно лишь с очень большой осторожностью.

Во избежание ненужных недоразумений в исследованиях лучше избегать неточного греческого термина «царские скифы», заменяя его иранским самоназванием сани (кшани).

¹⁶ В. И. Абасов. Указ. соч., стр. 156.

¹⁷ M. Vasmer. Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung. Berlin, 1941, стр. 13; В. И. Абасов. Указ. соч., стр. 156.

¹⁸ M. Vasmer. Untersuchungen. . . , стр. 25.

¹⁹ В. И. Абасов. Указ. соч., стр. 160.

²⁰ M. Vasmer. Die alten Bevölkerungsverhältnisse. . . , стр. 13; В. И. Абасов. Указ. соч., стр. 158.

²¹ M. Vasmer. Untersuchungen. . . , стр. 25.

²² L. Zgusta. Указ. соч., стр. 264—265, § 533; В. И. Абасов. Указ. соч., стр. 184.

²³ Strab., XI, 2, 11 и XII, 3, 29.

²⁴ L. Zgusta. Указ. соч., стр. 75, § 66; В. И. Абасов. Указ. соч., стр. 157.

¹ Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, стр. 37.

² Т. М. Арсеньева. Отчет о работах Нижне-Донской экспедиции за 1968 г. Архив ИА АН СССР.

Рис. Фрагмент надписей на свинце (А, Б)

известно лишь одно лицо, носившее имя Фалдаран, которое мы читаем на фрагменте Б. Это Фалдаран, сын Аполлония. Он упоминается в надписях КБН, № 1277¹⁷ — времени Савромата II и 1278¹⁷⁻¹⁸ — 220 г. н. э. как член фиаса. В том же 220 г. н. э. он — один из трех эпимелетов, наблюдавших за работами по устройству агоры (КБН, № 1245), а в 229 г. н. э. в надписи о ремонте западных ворот Фалдаран, сын Аполлония, упомянут как член коллегии простатов и один из «эпимелетов стены»⁸. Выступления его на арене общественной жизни Танаиса, отраженные в дошедших до нас надписях, охватывают период не менее двадцати лет, и позже 229 г. н. э. имя Фалдарана нигде не встречается.

Если обратиться к особенностям письма, то следует не только принять во внимание его общий характер, сближающий данные фрагменты с другими надписями Танаиса первой половины III в. н. э., но и сопоставить письмо наших фрагментов специально с письмом трех танаисских надписей — КБН, № 1245, 1280 и 1281. Сходство особенностей их начертания, их эпиграфический «почерк» позволяет предполагать здесь руку одного и того же резчика. Все эти надписи относятся ко времени Рескупорида III. Правление же Рескупорида IV было слишком кратким, и нам не известна ни одна надпись из Танаиса, которую можно было бы уверенно отнести к его времени. По указанным соображениям наиболее вероятной датировкой надписи, которой принадлежат публикуемые фрагменты, следует считать время Рескупорида III (210/11—226/27).

Работами Нижне-Донской экспедиции, систематически ведущимися с 1955 г., установлено, что система оборонительных сооружений эллинистического Танаиса, разрушенных солдатами Птолемея, была восстановлена в начале II в. н. э.⁴ Это подтверждается надписью, поставленной от имени Савромата I⁵. О больших работах по ремонту и реконструкции стен и башен Танаиса с конца II в. н. э. и до середины или до конца 30-х годов

³ А. И. Болтунова. Новая строительная надпись из Танаиса. — Сб. Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, стр. 47.

⁴ Д. Б. Шелов. Указ. соч., стр. 15, 26, 44.

⁵ А. И. Болтунова. Греческие надписи в донских музеях. — НЭ, V, 1965, стр. 75—77; Она же. К истории Танаиса по данным эпиграфики. — Кlio, 42, 1965, стр. 202; Она же. Новая строительная надпись... стр. 51.

III в. н. э. нам говорят многочисленные надписи о строительстве⁶. Раскопки западной линии оборонительных сооружений Танаиса дали возможность установить, что обветшавшая и развалившаяся крепостная стена времени Савромата I была восстановлена в конце II⁷ или в начале III в. н. э., а из цитированной выше надписи 229 г. н. э. мы можем заключить, что в то время велись большие работы по восстановлению крепостных сооружений и этими работами ведала специальная комиссия «эпимелетов стены»⁸. Западные ворота были защищены двумя башнями — III и IV. Обе они были построены в начале II в. н. э. После этого башня IV перестраивалась и укреплялась неоднократно, а башня III в начале III в. н. э. была разрушена или разобрана, а затем, воздвигнутая вновь, стала самой грандиозной и самой монументальной из всех исследованных до сих пор башен Танаиса⁹. Обе башни погибли окончательно при общем разгроме города в 40-х годах III в. н. э. Надпись, фрагменты которой мы здесь публикуем, относилась скорее всего к восстановлению башни III, так как здание с подвалом, где были найдены эти фрагменты, находилось очень близко от башни III и было отделено от нее лишь узкой пристенной улочкой¹⁰.

Судя по тому, что после указания имени правящего царя сразу назван объект работы, обычное упоминание царского пресбевта в надписи отсутствовало, и начальные строки надписи, частично сохранившиеся на фрагменте А, могут быть дополнены следующим образом:

[Ἐπί βασιλεῖ Ῥηκουρίδῃ]
[οἰῶ μέγало]ν βασιλέω[ς Σαυ-]
[ρομάτου] τὸν πύργ[ον τοῦτων]
καταφάρετα ἀπὸ χρόνου]

Перевод: «При царе Рескупориде, сыне великого царя Савромата, башню эту, разрушившуюся от времени...»

Далее, после указания лица (или лиц), от имени которых выполнена работа, было указано содержание этой работы. Исследование руин башни III показало, что первоначальная башня была разобрана полностью, а то, что от нее оставалось, послужило лишь в качестве субструкций¹¹. Это дает основание определять работы по реконструкции как воздвижение башни заново, от основания, и предполагать в тексте надписи слова ἀνοικοδόμησα(ν) ἐκ θεμελίων и продолжение в соответствии с обычными формулировками, принятыми в надписях Танаиса о строительстве.

От заключительной части надписи, содержавшей перечень эпимелетов, сохранился фрагмент Б:

.....
.....ου, Βα.....
.....Φαλέ[ρα]νον Ἀπολλωνίου, Ζη-]
[ῶνα Ἀ]στέρ[ος].....

О дополнении патронимика Фалдарана, которого мы отождествляем с известным по надписям Фалдараном, сыном Аполлония, уже упоминалось. Имя и патронимик другого эпимелета дополнено по неоднократно цитированной здесь надписи 229 г. н. э. о восстановлении западных ворот, где Зеион, сын Астера, в качестве одного из «эпимелетов стены» и члена коллегии простатов фигурирует как коллега Фалдарана, сына Аполлония¹².

⁶ А. И. Болтунова. Новая строительная надпись... стр. 51—52.

⁷ Д. Б. Шелов. Указ. соч., стр. 26.

⁸ А. И. Болтунова. Новая строительная надпись... стр. 47.

⁹ Д. Б. Шелов. Указ. соч., стр. 27.

¹⁰ Там же, стр. 37.

¹¹ Там же, стр. 27.

¹² А. И. Болтунова. Новая строительная надпись... стр. 47.

О. Д. ДАШЕВСКАЯ, Б. Ю. МИХЛИН

СИНОПСКАЯ АМФОРА С НАДПИСЬЮ МАЙДАТА

В 1971 г. при раскопках городища Беляус (Черноморский р-н Крыма) на юго-западном его участке в золистом заполнении хозяйственной ямы 7 была обнаружена почти целая синопская амфора с греческой надписью граффито¹.

Амфора (рис. 1, 2), у которой отбита ножка и частично поврежден венчик, сохранилась в высоту до 0,57 м при диаметре тулова 0,31 м. Амфоры такого типа широко импортировались в Северное Причерноморье². Надпись процарапана на плече сосуда между его ручками (рис. 1, 1; 2, 1) поверх написанной красной краской крупной (высота 9 см) буквы Ρ³. Высота букв граффито 1,5—2 см, ширина их значительна — до 2,5 см. Маленькие размеры второй сигмы объясняются, очевидно, тем, что резчик пропустил ее и затем вписал в тесный промежуток между буквами. Горизонтальная черточка над М явно случайна.

Из особенностей шрифта отметим лунарную сигму с угловатыми очертаниями, курсивную омегу, маленький омикрон при наличии крупной теты. Обращает на себя внимание наклонная гаста у альфы и прогнутость наклонных линий у некоторых букв.

Надпись читается: Μαϊδάτης Θυός Δᾶ. Ἐρφεω и переводится: «Майдат, сын Фиса — Да. Приду». Возможен и другой вариант чтения, почти совпадающий по смыслу с первым: Μαϊδάτης Θυός Δᾶ Ἐρφεω, т. е. «Майдат, сын Фиса (κ) Да приду». Если грамматически оба варианта в равной степени допустимы, то первый скорее соответствует специфике надписи на сосуде.

Поскольку глагол ἔρφεω, употребленный здесь в будущем времени, имеет и такие значения, как «подкрадываться», «подползать», «приближаться», то не исключено, что надпись носила шуточный характер. При любом из предложенных вариантов перевода очевидно, что амфора являлась даром, но не врученным лично, а своего рода посылкой-письмом, где адресат извещался о предстоящем прибытии дарящего. Имя адресата как бы подчеркнуто автором надписи: буквы глубже врезаны в поверхность сосуда и линии их несколько шире, чем у остальных букв.

Все три имени, начертанные на синопской амфоре, связаны с Малой Азией. Так, имя Μαϊδάτης, чрезвычайно редкое (Л. Эгуста считает его иранским), до сих пор было засвидетельствовано лишь дважды: в надписях

¹ О. Д. Дашевская, Б. Ю. Михлин, А. С. Голенцов. Экспедиция Евпаторийского музея. — АО 1971 г. М., 1972, стр. 352. Амфора хранится в Евпаторийском краеведческом музее, инв. Бел-71/41.

² И. Б. Зест. Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем. — ВДИ, 1951, № 2, стр. 110, рис. 4; М. И. Максимова. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.—Л., 1956, стр. 212, рис. 28; Д. Б. Шелов. Экономическая жизнь Танаиса. — Сб. Античный город. М., 1963, стр. 117, рис. 1, 2.

³ Возможно, буква Ρ здесь имела значение цифры (17 или 100), подобно некоторым отдельным встречающимся на амфорах буквам, также часто написанным красной краской (ср.: Д. Б. Шелов. Указ. соч., стр. 122). Такие буквы могли обозначать и сорт вина, содержавшегося в амфорах (А. П. Маневич. Амфоры кургана Солоха. — СТЭ, IV, 1947, стр. 5), и многое другое.

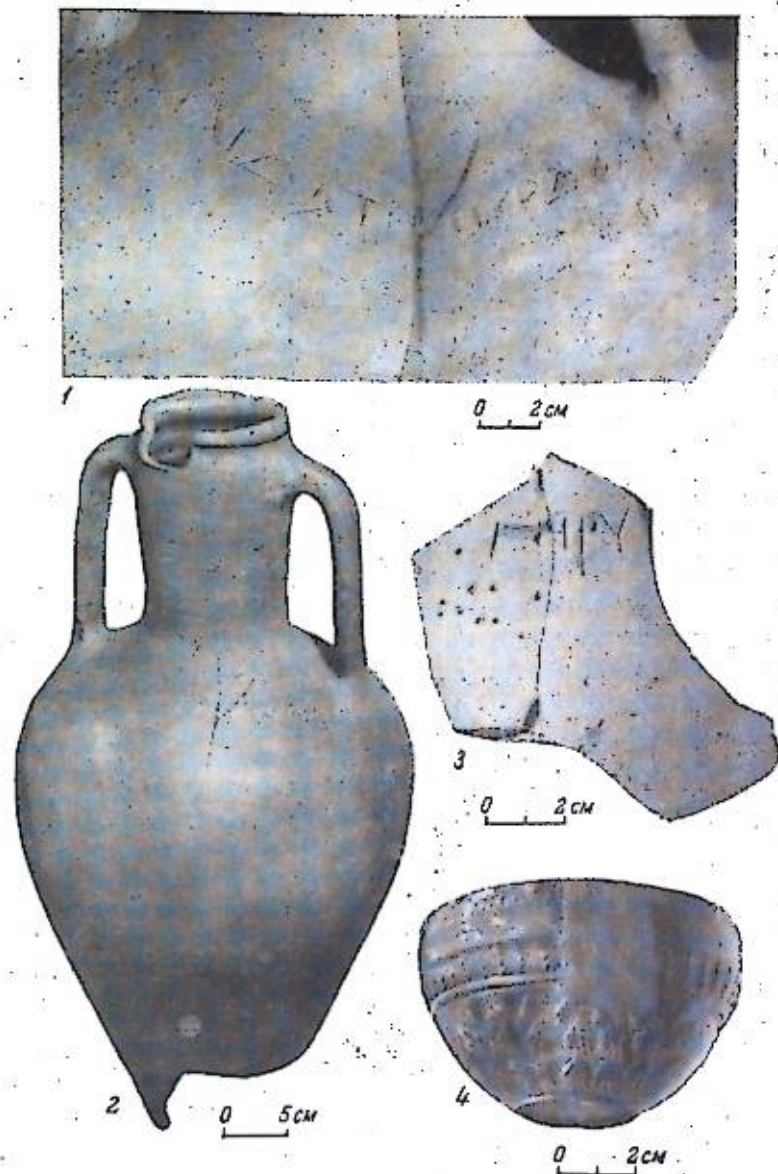

Рис. 1. Беляус. Керамика из ямы 7

1 — надпись на синопской амфоре; 2 — та же амфора; 3 — фрагмент синопской амфоры с надписью; 4 — емеирская чаша

Рис. 2. Беляус. Надписи (граффити) на синопских амфорах. Прорисы (1, 2)

Рис. 3. Синопское клеймо с именем гончара Майдата

0 2 CM

Каппадокии и Коса — по одному разу⁴. Мы обнаружили его на неопубликованном синопском клейме (рис. 3) из раскопок М. А. Наливкиной в Керкинитиде⁵. Имя $\Theta\delta\varsigma$ считается пафлагонским и встречается на синопских клеймах⁶. Известно оно и по надгробной стеле из Пантикапея, причем в сочетании с другим пафлагонским именем⁷. Исключительно в пределах Малой Азии встречено женское имя $\Delta\acute{\alpha}$, в частности в такой же форме дательного падежа⁸, в какой оно стоит и на белаяусском граффито.

Интересно, что в комплексе с публикуемой амфорой оказалось еще одно граффито — на обломке синопской же амфоры (рис. 1, 3; 2, 2)⁹. Граффито читается ГНРУ (первые две буквы даны в лигатуре) и является, по всей вероятности, началом (сокращением?) мужского имени $\Gamma\eta\rho\omega\varsigma$ ¹⁰, $\Gamma\eta\rho\omega\beta\eta\varsigma$, $\Gamma\eta\rho\omega\mu\epsilon\delta\omega\varsigma$, $\Gamma\eta\rho\omega\mu\omega\varsigma$, $\Gamma\eta\rho\omega\tau\acute{\alpha}\delta\eta\varsigma$ или женского — $\Gamma\eta\rho\omega\mu\epsilon\iota\varsigma$ ¹¹. Не исключено, что перед именем стояло отдельно еще какое-то слово¹².

Стратиграфическое положение ямы, в которой была найдена амфора, форма последней, а также остальной материал из заполнения ямы (профиль «мегарской» чаши с растительным орнаментом — рис. 1, 4; ложило из ручки родосской амфоры; пробка из стенки амфоры коричневой глины) позволяют датировать граффиты II в. до н. э. Не противоречит такой датировке и форма букв граффити.

Для возможного уточнения как датировки, так и интерпретации нашей надписи попытаемся привлечь и упомянутые выше синопские клейма, где имена Μαῖδατῆς и $\Theta\delta\varsigma$ являются исключительно именами гончаров. На клейме из Керкинитиды имя гончара Майдата сопутствовало имени астинома Каллисфена (эмблема — виноградная гроздь), относимого В. И. Цехмистренко к последнему периоду синопского астиномного клеймения

(первая четверть II в. до н. э.)¹³. К этому же времени, а также к несколько более раннему относятся и синопские клейма с именем гончара Фиса¹⁴. Если учесть уникальность имени Μαῖδατῆς и сопоставить надпись на амфоре с именами в клеймах, то можно предположить, что автор надписи и синопский гончар — одно и то же лицо, унаследовавшее свою профессию от отца, как это неоднократно прослеживается в керамическом производстве Синопы¹⁵.

Находка в Северо-Западном Крыму надписи II в. до н. э. с тремя малоазийскими именами представляет значительный интерес. Если автор надписи, посылая свой дар через посредников, мог находиться и на южном берегу Черного моря, то получательница, надо полагать, жила на территории херсонесской хоры¹⁶. Как известно, со времени договора с Фарнаком Херсонес попадает в зависимость от Понтийского царства, что приводит его к потере политической самостоятельности при Митридате VI Евпаторе¹⁷. Очевидно, в это время, особенно в период походов Диофанта, на северо-западное побережье Крыма проникает некоторое число выходцев из Малой Азии.

⁴ L. Zgusta. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964, стр. 280, § 846 и стр. 691, 695.
⁵ Указанием на это клеймо, хранящееся в Евпаторийском музее (инв. Керк-52/1288), мы обязаны А. С. Голенцову.
⁶ W. Pape. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1842, s. v.; Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929, стр. 27, 203; L. Zgusta. Kleinasiatische Personennamen, стр. 684, § 444.
⁷ IOSPE, II, № 164; КВН, № 189; L. Zgusta. Die Personennamen griechischer Städte der Nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, стр. 298, § 596 и стр. 326, § 746.
⁸ L. Zgusta. Kleinasiatische Personennamen, стр. 139, § 242-1.
⁹ Инв. Бел-71/44.
¹⁰ L. Zgusta. Die Personennamen griechischer Städte, стр. 370, § 938.
¹¹ W. Pape. Указ. соч., s. v.
¹² Слева, на расстоянии, превышающем промежутки между буквами, и несколько выше, заметен уголок какой-то буквы (дельты?).

¹³ В. И. Цехмистренко. К вопросу о периодизации синопских керамических клейм. — СА, 1958, № 1, стр. 58—59, рис. 11; Он же. Клейма как источник для изучения керамического производства в Синопе в IV—II вв. до н. э. Автореф. канд. дисс. М., 1963, стр. 11; Он же. О принадлежности вторых имен в синопских клеймах. — НЭ, VII, 1968, стр. 32, табл. 8; И. Б. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики. — СА, 1961, № 2, стр. 301.
¹⁴ Например, гончар Фиса встречен в клейме с именем астинома Эхина (эмблема — палица), которое также относится к первой четверти II в. до н. э. См.: В. В. Шкорпил. Керамические надписи, приобретенные Керченским музеем древностей в 1901 и 1902 годах. — ИАК, 11, 1904, стр. 64, № 242; В. И. Цехмистренко. О принадлежности вторых имен..., стр. 38, табл. 8.
¹⁵ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 136, 146, 152; В. И. Цехмистренко. О принадлежности вторых имен..., стр. 33.
¹⁶ Возможность того, что амфора попала в Таврику при вторичном использовании, нам кажется менее вероятной, хотя и не должна совершенно исключаться.
¹⁷ IOSPE, I², № 352 и 402; Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 94.

В. С. ДОЛГОРУКОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ БЕРЕГОВОЙ ЧАСТИ ФАНАГОРИИ
В 1971—1972 ГГ.

В северо-западной части Фанагории исследовались два раскопа: «Береговой А», расположенный в 150 м к западу от раскопа «Северный город», «Береговой Б» — в 75 м к северо-востоку. На раскопе «Береговой А» площадью 72 км работы были доведены до глубины 4,40 м. Здесь и обнаружены слои с I в. до н. э. по IX—XI вв. н. э.

К слою I в. до н. э.—I в. н. э. относятся остатки каменного фундамента 9, сложенного в два панциря с забутовкой мелким камнем на глиняном растворе. Севернее фундамента в обресе ямы расположен глинобитный очаг с купольным сводом, внутри которого обнаружен красноглиняный кувшинчик (рис. 1, 1). Его верхняя часть покрыта красной обмазкой, а сверху белой краской нанесены волнистые прерывистые полосы¹, сейчас почти стертые.

Среди находок этого слоя фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор I в. до н. э.—I в. н. э., краснолакового блюда времени Августа, большого мраморного блюда.

Несколько выше, но в пределах того же слоя, лежат остатки винодельни, занимавшей площадь около 64 кв. м. Следует отметить, что обычно давящие площадки и цистерны занимали площадь, равную или несколько большую половины размеров всего производственного помещения². Поэтому можно предполагать, что площадь фанагорийской винодельни, без учета размеров хранилища вина, была более 120 кв. м.

Винодельческий комплекс состоит из трех цистерн и пяти давящих площадок, одна из которых являлась площадкой рычажно-винтового пресса. Винодельня в значительной мере испорчена поздними ямами и частично размыта водами Таманского залива. Площадки, предназначенные для давления винограда, были отделены друг от друга пазами, в которых найдены обуглившиеся куски дерева. По-видимому, это остатки деревянных плах, обмазанных цемянкой. Такие пазы присущи всем боспорским винодельням первых веков н. э.³ Выжатый сок стекал в цистерны либо прямо сверху, через перемишки, отделявшие площадки от цистерн, либо по подземным каналам. Южнее давящих площадок расположены три равновеликие цистерны, вмещавшие около 1800 л каждая. Следовательно, одновременно можно было производить около 5400 л вина.

Западнее, южнее и восточнее площадок и цистерн обнаружены остатки пола из прослойки глины с мелкой керамической и цемяночной крошкой. Под полом лежит тонкий слой строительного мусора. Судя по стратиграфии и особенностям конструкции, винодельня относится ко второй половине I — самому началу II в. н. э. Она погибла в результате пожара.

¹ Точно такой же кувшинчик найден при раскопках некрополя в 1964 г. в могиле 97, датированной I в. н. э.

² В. Ф. Гайдукевич. Виноделие на Боспоре. — МИА, № 85, 1958, стр. 352; Н. И. Сокольский. Виноделие в азиатской части Боспора. — СА, 1970, № 2, стр. 75—97.

³ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 411.

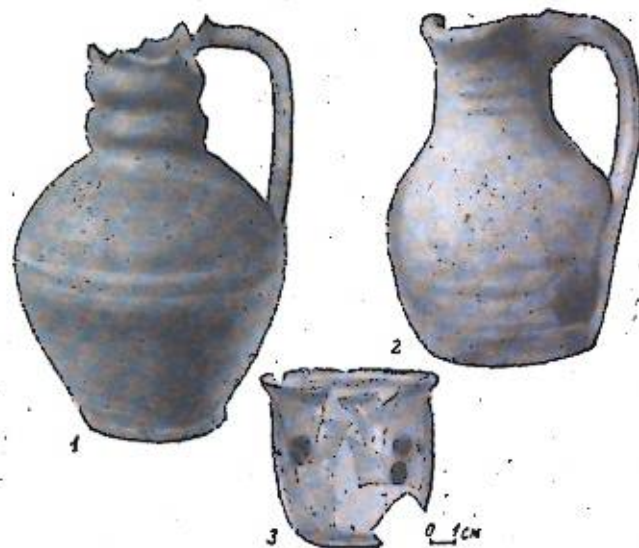
В слое II—III вв. н. э. никаких строительных остатков не обнаружено. Среди керамики преобладают обломки боспорских амфор II—III вв. н. э. и светлоглиняных узкогорлых амфор II и III вв. н. э., красноглиняной круговой и лепной посуды. Найден статер Фифорса (около 300 г. н. э.).

По-видимому, в первой половине IV в. н. э. здесь была произведена нивелировка поверхности, понижавшейся ранее к северу. Подсыпка прокладывается в виде слоя желто-коричневой супеси с прослойками песка и включениями большого количества крайне фрагментированной керамики.

Среди находок из этого слоя обломки фасосских, родосских (в том числе один фрагмент ручки с клеймом), синопских амфор, а также фанагорийских и боспорских амфор I—III вв. н. э. Встречаются фрагменты краснолаковой посуды первых веков н. э. Отсутствие материала второй половины IV в. н. э. заставляет отнести перепланировку к концу III—первой половине IV в. н. э.

Рис. 1. Сосуды из Фанагории

1 — красноглиняный кувшин, покрытый красной краской; 2 — красноглиняный кувшинчик VIII—IX вв. н. э.; 3 — стеклянный бокал IV—V вв. н. э.

Выше залегает слой IV—VI вв. н. э. К нему относятся большая часть мусорных ям (а, е, ж, з, и, к, л, м, н, о, п). Находок немного: фрагменты красноглиняных боспорских амфор III—IV вв. н. э., светлоглиняных узкогорлых амфор IV в. н. э., круглодонных корчажек IV—V вв. н. э., ранне-средневековых амфор V—VI вв. н. э., сероглиняных лощеных кувшинов с вдавленным лощеным орнаментом, краснолаковых блюд IV—VI вв. н. э. (одно из них — с оттиском креста в центре). В слое найдены расколотая эшара из известняка, два фрагмента средневековых дисковидных жерновов, два лепных ладьевидных светильника, паутникапейская монета первой половины III в. до н. э., статер Рескупорида VI, бронзовая игла и части бронзового предмета, очевидно, оковки шкатулки. Почти все ямы (кроме ямы н) круглые в плане, диаметром от 1,40 до 2 м, глубиной от 0,80 до 2,40 м. Они служили для сбора мусора. Яма ж была заполнена в основном камнями, большую часть которых составляли обломки мраморных плит. В ямах найдено много фрагментов краснолаковых блюд IV—V вв. н. э., красноглиняных сосудов, орнаментированных густым рифлением, нанесенным гребенчатым штампом, стеклянных сосудов, в том числе с синими напаянными каплями⁴.

В яме о обнаружены раздавленный стеклянный бокал (рис. 1, 3) и подставка на трехлопастной ножке с отверстием в верхней части стержня (рис. 2, 2). В яме а найдено большое количество кусков керамического,

⁴ Н. П. Сорокина. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья. — СА, 1971, № 4, стр. 85 сл. По типологии автора этой статьи, найденный сосуд следует отнести к типу I Д, датированному концом IV—началом V в. н. э.

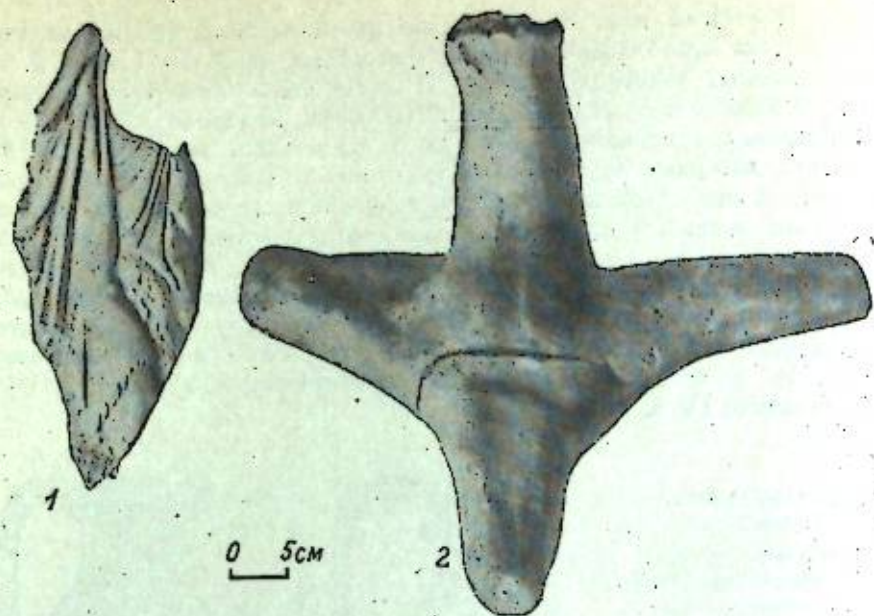

Рис. 2. Находки из Фанагории
1 — костяная пластина; 2 — глинная подставка

стеклянного и железного шлака, стенки круглодонных корчажек со следами брака, обломок каменного полированного топорика из зеленого камня.

В слое VII—VIII вв. н. э. обнаружены остатки здания, образованного фундаментами 2, 3, 4 и 6 (рис. 3). Здание разделено кладкой 2 на два помещения — западное и восточное. Фундаменты дома, за исключением двух нижних рядов камней фундамента 2, как и остальные средневековые кладки, сложены из необработанных камней, ракушечника, плитняка и дикарных пород средних размеров. Они уложены елочкой в два панциря с забутовкой между ними мелким камнем и фрагментами керамики. Поверх камней фундамента 4 лежит кладка из сырцовых кирпичей, сохранившаяся на высоту 0,70 м. Сырцовая кладка высотой 0,30 м обнаружена и над фундаментом 6.

Хорошо прослеживаются два строительных периода. Зафиксированы два уровня глинобитных полов, разделенных прослойкой желтого суглинка толщиной 0,20—0,30 м с включениями камки, кусков сырцовых кирпичей, печин и мидий. Эта прослойка образовалась, по-видимому, в результате разрушения стен и крыши раннего дома. Примерно в центре восточного помещения расположена овальная в плане яма г, относящаяся к раннему периоду существования дома. Она заполнена мусорным суглинком с фрагментами амфор VII—VIII вв. н. э. (некоторые с граффити), краснолаковой раннесредневековой керамикой. Там же найден ладьеобразный светильник.

В западном помещении обнаружены две ямы (б и в), заполненные темно-коричневым мусорным суглинком, содержащим фрагменты амфор VII—VIII вв. н. э., круговой и лепной кухонной посуды, кости животных и рыб. На дне ямы б в золистой прослойке толщиной 0,05 м с включениями углей лежали два блока из местного ракушечника.

Южная часть дома разрушена. Находки этого слоя представлены фрагментами черепицы, амфор V—IX вв. н. э., а также позднеантичных, фрагментами сероглиняных кувшинов, кухонной и лепной посуды. Среди находок пирамидальное и лепешкообразное грузило, железный гвоздь, бронзовая бляшка, обломок мраморной облицовочной плитки, круглый лепной светильник, пять бронзовых монет, фрагмент глинной лепешки

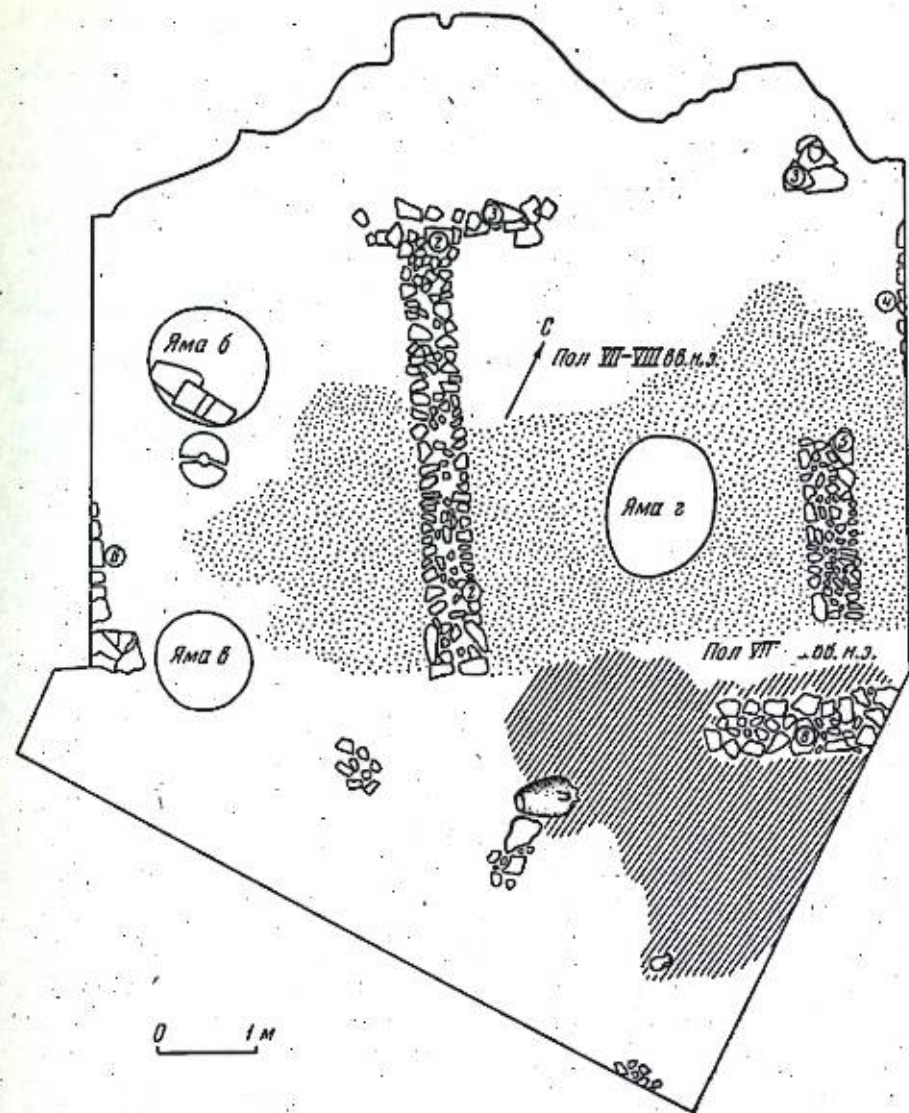

Рис. 3. План строительных остатков VII—IX вв. н. э.

с оттиснутым орнаментом, каменная литейная формочка, кости животных и рыб осетровых пород.

В слое VIII—IX вв. н. э. зафиксированы остатки двух фундаментов (5 и 8), лежащих под прямым углом друг к другу (рис. 3). В юго-восточной части раскопа вскрыты незначительные остатки глинобитного пола, на котором лежали амфора VIII в. н. э. с отбитым горлом и красноглиняный кувшинчик со сливом (рис. 1, 2). В западной части раскопа на уровне пола обнаружен круглый расколотый на две части жернов. Очевидно, после гибели здания VII—VIII вв. н. э. на его месте было возведено новое здание, причем часть ранних кладок (фундаменты 2, 4, 6) послужила основой для стен позднего дома.

Находки из этого слоя представлены фрагментами черепиц, амфор VIII—IX вв. н. э., красноглиняных и сероглиняных кувшинов, лепной посуды. Найдены фрагмент архитектурной детали из ракушечника и части большого железного предмета, возможно плуга, лепной светильник на высокой ножке. Кроме того, встречаются попавшие в результате перекопов фрагменты античной керамики: амфоры круга фасосских, гераклейских,

синопских, светлоглиняных узкогорлых I—VI вв. н. э., краснолаковой и чернолаковой посуды.

К верхнему слою относится вымостка IX—XI вв. н. э. шириной 2,75—2,90 м, длиной 9,15 м, занимающая всю восточную половину раскопа. Вымостка из мелких и средних камней ракушечника, плитняка и железняка имеет относительно ровную поверхность. Примерно в центре у восточного борта в вымостку было заложено горло амфоры VIII—IX вв. н. э. с вложенными внутрь двумя бронзовыми бляшками и небольшим круглодонным сосудиком с отверстиями у венчика для подвешивания.

В слое найдены фрагменты амфор VIII—XI вв. н. э., лепной и круговой посуды и античной керамики, фрагмент резной костяной пластинки античного времени (рис. 2, 1).

На раскопе «Береговой Б» обнаружены остатки окрашенного цемячного пола — по всей видимости, часть цемячного пола, открытого в 1936 г.⁵ Вследствие поступления грунтовых вод раскоп был доведен только до глубины 4,10 м. Засвидетельствовано пять разновременных слоев — с IV—III вв. до н. э. по IX—XI вв. н. э. Пол состоит из подсыпки, вымостки, слоя грубой цемянки, тонкого слоя хорошо отмученной цемянки. Поверхность окрашена красной краской. Первоначально на культурные напластования раннего времени были набросаны куски печин, которые впоследствии разровняли. Этот подстил толщиной 0,20 м, по-видимому, одновременно служил гидротехническим целям. Затем на нем была выложена вымостка из мелких камней ракушечника, гальки и известняка толщиной 0,08 м. Камни подмощения тщательно подогнаны друг к другу и уложены так, что образуют единую ровную поверхность, залитую толстым слоем (до 0,04 м) грубопромешенной цемянки светло-розового цвета с включениями мелкой гальки, фрагментов раковин и керамики. На нижний слой цемянки был нанесен более тонкий (0,01—0,02 м) слой розовой цемянки, также с размельченной керамикой, ракушками и песком. Поверхность пола покрыта тонким слоем темно-красной краски. Здание, которому принадлежал пол, имело стены, украшенные расписной штукатуркой. Куски штукатурки со следами белой, желтой, зеленой и красной краски лежали в юго-восточной части пола. Здесь же найдены фрагменты архитектурного декора (плинтусы, карнизы, части полуколонн, меандра, и, по-видимому, апсиды или купола), сделанные также из цемянки. Находки фрагментов гераклеиских и синопских амфор с рюмкообразными ножками, чернолаковой посуды V—VI вв. до н. э., обнаруженные под остатками пола, позволяют отнести это здание к IV—III вв. до н. э. В более раннее время на месте здания с красным полом, вероятно, находилось другое здание также общественного назначения. Возможно, с ним связаны находки фрагмента мраморного солена, части барабана мраморной колонны дорийского ордера и куски мраморного рельефа.

Непосредственно над остатками пола, а в южной части — еще ниже, лежит слой перекопа VII—VIII вв. н. э. толщиной 2,80—2,60 м. В слое встречаются фрагменты амфор VII—VIII вв. н. э., позднеантичного периода и первых веков до н. э., краснолаковой и чернолаковой посуды, лепных и круговых кухонных сосудов, стеклянных сосудов, лепных ладьеобразных светильников, пирамидальных и лепешковидных грузил (одно — с оттиском креста), кости животных и рыб, куски печины и штукатурки. Здесь же найдены фрагмент стенки амфоры с граффито, фрагмент коричневолакового кубка с нарезным орнаментом, бронзовая поделка в виде листа — часть украшения бронзового светильника или сосуда, горло красноглиняной ойнохон, покрытой красной краской с белыми полосами, пять бронзовых монет античного времени.

Слой VIII—IX вв. н. э. содержит фундамент 1, вымостку 2 и яму а. Фундамент 1 в северо-западном углу раскопа высотой 1,10 м, шириной

0,8 м состоит из пяти рядов камней, уложенных елочкой в два панциря с забутовкой мелким камнем на глиняном растворе. Яма а грушевидной формы, глубиной 1,4 м, диаметром 0,8 м (вверху) и 1,20 м (по дну). Она была доверху наполнена камнями. Вымостка 2 в центральной части раскопа протяженностью с севера на юг 2,06 м, а с запада на восток — 2,20 м, состоит из средних и мелких камней, иногда положенных в два ряда.

Среди находок фрагменты средневековых амфор, черепицы, круговой и лепной посуды, позднеантичных амфор, чернолаковых и краснолаковых и стеклянных сосудов, а также круглый жернов.

В слое IX—XI вв. н. э. никаких строительных остатков не обнаружено. Находок немного. Среди них фрагменты черепицы, средневековых и позднеантичных амфор, кухонной посуды.

Сверху залегает слой гумуса, содержащий разновременные, главным образом средневековые находки.

Работы 1971—1972 гг. подтвердили основные выводы раскопок прежних лет. Согласно им в IV—III вв. до н. э. нижняя часть городища застраивается монументальными зданиями. Одному из них принадлежали остатки красного пола. В I в. н. э. на их месте возникают различные хозяйственные постройки, в том числе и винодельни.

После гуннского нашествия жизнь на городище не прекращается. В VII—VIII вв. н. э. происходит новый экономический и культурный подъем, продолжавшийся до IX—X вв. н. э. В городе проводятся обширные строительные работы. Затем наблюдается постепенный упадок города, и Фанагория окончательно пустеет.

⁵ М. М. Кобылина. Фанагория. — МИА, № 57, 1956, стр. 29.

И. Б. ЗЕЕСТ

ПОИСК ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЫ
АРХАИЧЕСКОЙ ГЕРМОНАССЫ

Таманское городище является остатками древней Гермонассы и средневековой Тмутаракани. Поверхность городища в самой высокой северной и центральной частях возвышается на 20—22 м над уровнем моря. С северной стороны городище разрушено обвалами морского берега, с западной — ограничено балкой, а с южной — берегом «сухого озера».

Восточная граница городища менее ясна. Оно оканчивается с этой стороны крутым обрывом высотой 6—8 м (рис.). Линия обрыва извилиста и носит следы осыпей и разрушений. Это позволяет считать, что часть древних напластований на восточной окраине городища уже разрушена. Но обвалом могли быть разрушены только верхние слои, доходившие до подошвы обрыва на уровне нижнего плато. Учитывая, что мощность слоев Таманского городища достигает 10 м, следует считать, что слои, лежащие глубже обрыва, не разрушены им и, вероятно, сохранились к востоку от линии обрыва.

Раскопки участка, расположенного на самом краю восточного обрыва¹, подтвердили это предположение. Верхние слои раскопа до уровня поверхности нижнего плато оказались разрушенными по линии обрыва. От архитектурных остатков этих слоев на площади раскопа сохранились только их западные части. Но слои раскопа, которые находились глубже поверхности нижнего плато и доходили до материка, оказались хорошей сохранности. Эти слои относятся к VI—III вв. до н. э. Поверхность материка в этом месте залегает на 4 м глубже поверхности нижнего плато и на 10 м ниже линии верхнего обрыва городища.

Хорошая сохранность этих ранних слоев и четкое отражение их стратиграфии в восточном профиле раскопа позволяют считать, что эти слои продолжались и далее в восточном направлении. Это подтверждается и тем, что некоторые архитектурные остатки, частично открытые на площади раскопа, уходят в его восточный борт. Оставалось неясным, как далеко простирались эти ранние слои в восточном направлении и где находилась восточная граница архаического города.

Для выяснения этого вопроса в 1970 г. была проведена разведочная шурфовка на нижнем плато городища². Шурф (Б) площадью 5×5 м был заложен на расстоянии около 30 м к востоку от обрыва. Предполагалось, что на этом участке, если он находился на территории города, на глубине не более 4 м от поверхности нижнего плато будут обнаружены ранние слои Гермонассы, как это наблюдалось на площади раскопа XXVII—XXVIII. Но раскопки обнаружили здесь совершенно иную последовательность слоев, и это дало основание считать, что участок не входил в территорию античного города, а находился за его пределами.

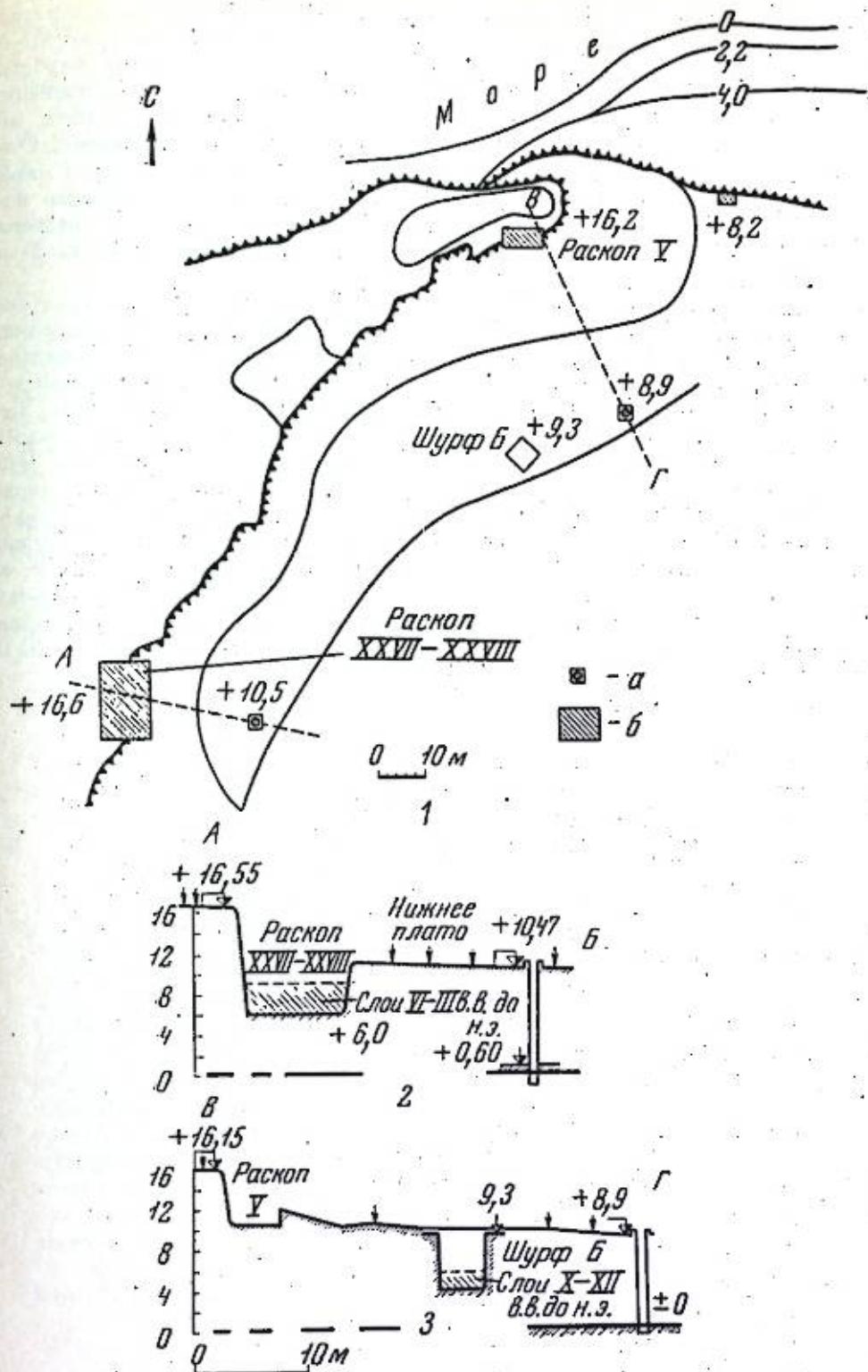

Рис. Восточная окраина Таманского городища

1 — план (а — колодезь; б — раскопки); 2 — разрез слоев городища по линии А-Б; 3 — разрез слоев городища по линии В-Г

¹ Раскоп XXVII—XXVIII 1955—1957 гг.

² Работы велись экспедицией ИА АН СССР и Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

На глубине 1,5—2 м были открыты хорошо сохранившиеся остатки жилых построек времени поселения казаков на Тамани в конце XVIII—начале XIX в. Ниже был пройден слой XIII—XV вв. и на глубине 4,4—5 м — слой с архитектурными остатками тмутараканского времени. Культурные напластования на этом участке продолжались и глубже, но разведочная шурфовка по техническим условиям была прекращена. Однако представилась возможность выяснить, на какой глубине здесь находится поверхность материка. Были обследованы два современных колодца³: один — поблизости от шурфа, другой — недалеко от раскопа XXVII—XXVIII. Оба колодца находились на расстоянии от 18 до 30 м к востоку от линии обрыва.

Стенки обоих колодцев были вырезаны в плотном сероватом культурном слое, донья впущены в светло-желтый водоносный слой материка, поверхность которого находится на 9 м ниже поверхности плато. Согласно данным топографической съемки, уровень поверхности материка, прослеженный в колодцах, соответствует отметке современного уровня моря. Такой низкий уровень материка отмечен только в этой части нижнего плато. На территории городища поверхность материка значительно выше. На раскопе XXVII—XXVIII она находилась на 6 м выше уровня моря, а в центральной части городища — на 10—11 м. Следовательно, описываемые участки на нижнем плато находились на месте глубокой низины, окаймлявшей восточный край возвышенности, на которой в VI в. до н. э. поселились первые жители Гермонассы. Дальнейшие раскопки уточнят место восточной границы античного города, которая должна находиться на нижнем плато между линией обрыва и линией, отстоящей на 18—20 м к востоку от нее.

М. М. КОБЫЛИНА

ШТАМП С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ТИХИ
ИЗ ФАНАГОРИИ

В 1972 г. в Фанагории в эллинистическом слое на Центральном раскопе был найден керамический штамп небольших размеров (диаметр 5,5 см, высота 3 см). Штамп имеет небольшую ручку, потертую от употребления (рис. 1). Нижняя поверхность штампа с вдавленным изображением немного повреждена, тем не менее отпечатки позволяют определить сюжет и стиль изображения, а также дату штампа (рис. 2 и 3).

Женская фигура, занимающая центр штампа, имеет атрибуты Тихи — богини благополучия, счастья, удачи: на голове ее — городская башенная корона, в левой руке — рог изобилия.

Хорошо сохранившееся изображение на гемме Государственного Эрмитажа конца I в. до н. э. — начала I в. н. э. (рис. 4) позволяет понять детали, которые не очень ясно видны на штампе: Тиха сидит на весле, повернувшись вправо, скрестив ноги и держась правой рукой за руль. Тонкий, высоко подпоясанный хитон прилегает к телу. Плащ тяжелыми складками обвивает бедра, слева виден низ хитона, спадающий тонкими складками.

Павсаний писал, что Булал из Хиоса первый создал статую Тихи для жителей Смирны. Он «сделал ее с полосом на голове, в одной руке держащей так называемый у эллинов рог Амалфеи; впоследствии ее воспел Пиндар и в частности назвал ее Ферополис — „Городу счастье и помощь несущей“»¹.

Самый яркий образ Тихи как богини, олицетворявшей город и его благополучие, создан для города Антиохии Евтихидом Сикнионским, учеником Лисиппа, по заказу сирийского царя Селевка Никатора в начале 300 г. до н. э. Эта прославленная статуя не сохранилась, но до нас дошло много ее реплик — статуэток и изображений на монетах². Тиха была представлена в виде женщины, сидящей на скале, скрестив ноги и опираясь ступней на плечо плывущего юноши, олицетворявшего реку Оронт, соединявшую Антиксию с морем. Богиня задрапирована в гиматий, внизу видны складки тонкого длинного хитона. На голове ее городская башенная корона³. На светильниках встречается изображение Тихи в городской короне, с рогом изобилия, сидящей на троне со скипетром в одной руке⁴.

Образ Тихи, сидящей на весле или на весле и на корабле, аналогичный изображению на нашем штампе, часто встречается на резных камнях.

¹ Paus., IV, 30, 4; Павсаний. Описание Эллады, т. I. Перев. С. П. Кондратьева. М., 1938, стр. 348.

² J. Charbonneau. Grèce Hellénistique. Paris, 1971, стр. 237; L. Alschér. Griechische Plastik, IV. Berlin, 1957, стр. 20, рис. 2с, 2f.

³ А. Н. Зограф. Античные монеты. — МИА, № 16, 1951, табл. XIV, 14 (Сирия, тетрадрахма Тигра Великого); XXI, 11 (Антихия-на-Оронте, тетрадрахма Августы).

⁴ О. Вальдгауэр. Античные глиняные светильники. СПб., 1914, табл. XXIII, 226; С. Heres. Die römischen Bildlampen der Berliner Antiken Sammlung. Berlin, 1972, табл. 39, 350.

³ Обследование колодцев производил И. Р. Пичкиан.

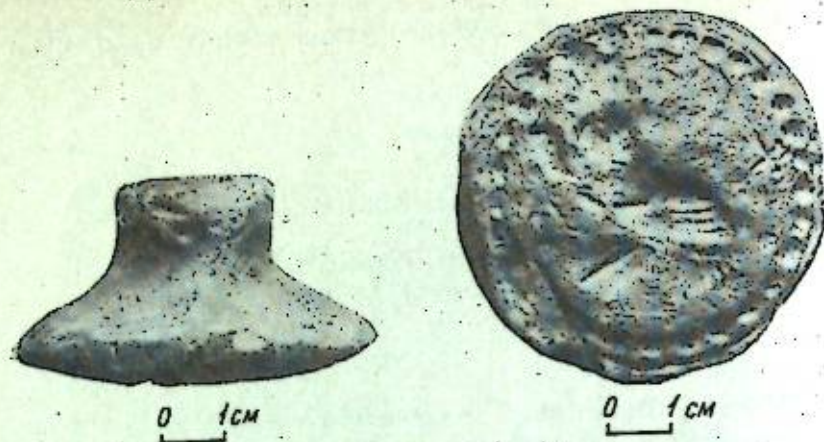

Рис. 1. Штамп из Фанагории

Рис. 2. Изображение на штампе из Фанагории

Рис. 3. Увеличенное изображение отпечатка штампа из Фанагории

Рис. 4. Гемма Государственного Эрмитажа с изображением Тихи, сидящей на весле и корабле. Конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.

По сообщению О. Я. Неверова, два резных камня с таким сюжетом, указанных М. И. Максимовой в путеводителе по выставке Государственного Эрмитажа⁵, происходят из Керчи⁶. Один из них эллинистический⁷, другой — времени Августа⁸. Исполнение фигуры Тихи на втором из камней (рис. 4) отличается некоторой сухостью и графичностью деталей от Тихи на нашем штампе. Стилистически близки фанагорийскому штампу изображения Тихи, плывущей на весле или на корабле, на эллинистических камнях⁹.

Фигура Тихи имеет пространственное трехмерное построение, свойственное эллинистической скульптуре. Голова ее с округлым, мягко исполненным лицом повернута вправо почти в профиль, торс обращен влево, а ноги — слегка вправо. Фигура кажется свободно расположенной в пространстве. Эта черта, а также контраст тонкой, облепняющей тело ткани довольно высоко подпоясанного хитона и плотного, лежащего тяжелыми складками гиматия, находят полные аналогии в коропластике и монументальной скульптуре II в. до н. э. Мы имеем в виду статуэтки Мирины II в. до н. э.¹⁰ и скульптуру Пергама времени большого фриза алтаря Зевса (например, статую стоящей женщины в Государственном музее Пергама)¹¹. Поэтому мы считаем возможным датировать фанагорийский штамп II в. до н. э.

Возникает вопрос о назначении штампа. Прилепы на вазах и рельефные медальоны на дне глиняных чаш были широко распространены в Средиземноморье в период эллинизма и в I в. н. э.¹² Рельефные медальоны и формы для их изготовления известны и в Северном Причерноморье¹³. Обычно на таких медальонах мы видим головки, бюсты, целые фигуры и сцены мифологического содержания, главным образом Дионисийского круга, а также изображения Афродиты и Эротов, Аполлона, Геракла и др. В 1973 г. в Фанагории было найдено доньшко эллинисти-

⁵ М. И. Максимова. Античные резные камни Государственного Эрмитажа. Путеводитель по выставке. Л., 1926.

⁶ Я приношу благодарность О. Я. Неверову, который сообщил мне инвентарные номера этих камней, указал на их происхождение из Керчи и назвал их дату.

⁷ ГЭ, инв. № 850. Сердолик. М. И. Максимова. Указ. соч., стр. 66.

⁸ ГЭ, инв. № П.1861.6. Гранат в золотой оправе.

⁹ A. Furtwängler. Beschreibung der Geschnittenstein. Berlin, 1896, № 1511—1512; P. Fossing M. A. The Thorwaldsen Museum. Catalogue of the Antique Engraved Gems and Cameos. Copenhagen, MCMXXIX, табл. V, 360.

¹⁰ C. Kleiner. Tanagrafiguren. Berlin, 1942, табл. 40, a, b, стр. 214, 216.

¹¹ L. Alscher. Указ. соч., стр. 82, табл. 24.

¹² F. Courby. Les vases grecs à reliefs. Paris, 1922, стр. 202, рис. 32—35; стр. 220 и сл.

¹³ В. К. Мальберг. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 г. — МАР, т. VII, 1892, табл. 1, 3; ИАК, 40, 1911, стр. 89, рис. 2; Archäologische Anzeiger, 1910, 2, стр. 153—154, рис. 17.

ческой чаши, украшенное рельефным медальоном, в центре которого изображена сидящая на троне богиня, а по краю — рельефные кружочки.

Можно предположить, что штамп предназначался для такого рельефного медальона. Шапты для печений первых веков н. э., найденные на Боспоре¹⁴, все почти вдвое больше нашего штампа. Их изображения полны символики, выражающей новое мировоззрение и свидетельствующей о распадае античного мифологического миропонимания. Среди них есть два штампа из Фанагории. Один из них — с изображением змеи и фантастического четвероногого, схематично показанного¹⁵; другой — с изображением павлина, пьющего из чаши¹⁶. С. Беск опубликовала форму II в. н. э. для таких лепешек с реалистическим сюжетом — сценой жертвоприношения, найденную в окрестностях Стамбула и хранящуюся в Лувре¹⁷. Диаметр ее также больше диаметра нашего штампа — 11 см. Фанагорийский штамп имеет античный мифологический сюжет, воплощенный в пластических античных формах. Известен исследованный В. Ф. Гайдукевичем бронзовый эллинистический штамп из Тиритаки для изготовления бляшек из драгоценных металлов с изображением бюста Афродиты¹⁸.

Фанагорийский мастер штампа, очевидно, использовал образ Тихи, распространенный на резных камнях, и повторил его с большим мастерством. Изображение Тихи — богини счастливой судьбы — на резных камнях могло иметь значение талисмана. Медальон с изображением Тихи мог украшать блюдо культового значения.

И. Т. КРУГЛИКОВА

БРОНЗОВАЯ ГИДРИЯ ИЗ АНАПЫ

В 1970 г. в Анапе при рытье траншей на перекрестке улиц Красно-зеленых и Заводской на глубине 0,7 м ковш экскаватора зацепил сильно корродированную бронзовую гидрию. Когда ее вынимали из земли, изъеденные патиной стенки сосуда распались на мелкие куски. В Анапский краеведческий музей поступили только верхняя часть гидрии с тремя литыми ручками и тяжелое литое дно. Поэтому реставратору Е. Петрову пришлось дополнить значительную часть тулова гидрии и восстановить ее высоту по аналогии с другими сосудами этого типа (рис. 1). Диаметр венчика гидрии 19,3 см, горла — 9 см, дна — 15,3 см.

По краю горла тянется орнамент из «жемчужин», отогнутый венчик украшен овами с острыми выступами между ними. В центре ов — небольшие углубления (рис. 2, 1). Две боковые горизонтальные ручки с каннелюрами слегка загibaются вверх. Они имеют у основания выпуклые круглые диски, украшенные богатым рельефным орнаментом, который состоит из пальметок, листьев аканфа и розеток, расположенных вокруг кольца из «жемчужин» (рис. 2, 2). Один из дисков утрачен. Вертикальная ручка, также каннелированная, заканчивается сверху эллипсоидной пластиной. В нижней части этой пластины находится рельефная пальметка. По обеим ее сторонам причудливо изогнуты два стебелька с бутонами, а выше находятся две серебряные инкрустированные розетки, над которыми изгибаются листья аканфа с серебряными стебельками (рис. 2, 1). У нижнего основания ручки закругляющиеся желобки ее каннелюры опирались на вторую пластину с аппликацией. От нее сохранились только две верхние серебряные розетки с изгибающимися листьями аканфа (рис. 2, 4). Важнейшая часть рельефной аппликации, какими заканчиваются ручки гидрий этого типа, отломана и в музей не попала. Дно гидрии украшено полосой лесбийского киматия, инкрустированного серебром (рис. 2, 3).

Бронзовые гидрии неоднократно встречались в Северном Причерноморье. Гидрии V в. до н. э. с изображением сирены были найдены в курганах Нимфея¹, Пантикапея², у сел Мастюгино³ и Песчаного⁴. В Песчаном, кроме того, имелись еще четыре бронзовые амфоры, ручки которых заканчивались гладкими круглыми пластинками⁵. Бронзовые гидрии были широко распространены в Средиземноморье. Известны мастерские Пелопоннеса и Южной Италии⁶. Не исключено, что гидрии изготовляли и в других центрах, в том числе в Западном Причерноморье⁷. Много таких сосудов найдено на территории Болгарии⁸. Большинство из них отно-

¹⁴ И. Т. Кругликова. Глиняный штамп из Киммерика. — КСИИМК, XLIII, 1942, стр. 119—125, рис. 40 и 41.

¹⁵ ГЭ, 1872—83, № 971.

¹⁶ ГЭ, 1872—84, № 2.

¹⁷ S. Besques. Musée National du Louvre. Catalogue raisonné. Figurines et reliefs en terre cuite grecs, étrusques et romaines. Grèce et Asie Mineure. Paris, 1972, табл. 114, а—с. Е-7.

¹⁸ В. Ф. Гайдукевич. Находка античного бронзового штампа в Тиритаке. — СА, VI, 1940, стр. 298—301, рис. 1. Штамп был найден в слое классического времени (городища Тиритаки), поврежденном ямами эллинистического и римского времени до I в. н. э. включительно. В. Ф. Гайдукевич по аналогиям датирует штамп III—II вв. до н. э., а Т. Н. Книпович (Тананс. М.—Л., 1949, стр. 63) — II в. до н. э.

¹ Л. Ф. Силантьева. Некрополь Нимфея. — МИА, № 69, 1959, стр. 81, рис. 45.

² ДБК, табл. XLIV, 7; В. А. Башилов. Бронзовая гидрия из кургана у с. Мастюгино. — СА, 1966, № 2, стр. 307, рис. 3.

³ В. А. Башилов. Указ. соч., стр. 305, рис. 1.

⁴ О. Д. Ганина. Античные бронзы с Песчаного. Київ, 1970, стр. 41.

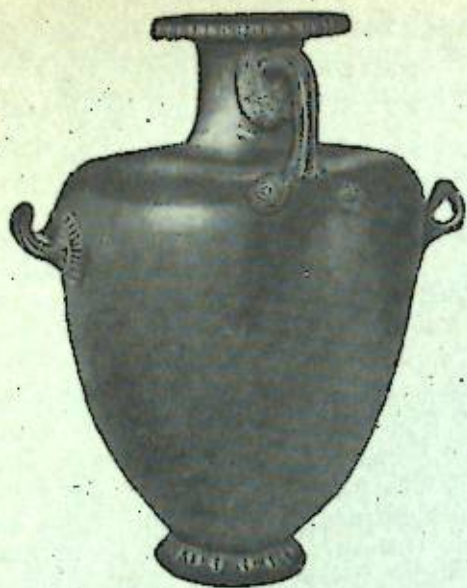
⁵ Там же, рис. 11—14.

⁶ J. Charbonneaux. Les bronzes grecs. Paris, 1958, стр. 44—45.

⁷ Ж. Чимбулска. Две новооткрыти бронзови гидрии от Несебър. — Археология. София, 1962, № 3, стр. 40.

⁸ Б. Дякович. Антична гробница в «Кукува могила» при с. Дуванли, Пловдивско. — ИБАИ, III, 1925, стр. 119; Ив. Велков. Нови могили находки. — ИБАИ, V, 1929.

Рис. 1. Бронзовая гидрия

сится к V в. до н. э., но имеются и более поздние. Г. Рихтер не находит возможным пока определить место производства бронзовых гидрий⁹, Г. Кацаров считает их происходящими из Коринфа, Ш. Пикар — из Малой Азии. Ж. Чимбулева предполагает возможность производства некоторых из них в Месембри¹⁰.

Различные формы и орнаментации бронзовых гидрий позволило проследить эволюцию их типов. Выяснено, что гидрии ранних типов имеют широкое горло и приземистое тулово, а с V в. до н. э. постепенно становятся более вытянутыми и узкогорлыми. Характерно изменение орнаментации вертикальных ручек. У гидрий VI в. до н. э. ручки иногда украшены горельефной головой женщины или несколькими фигурами животных и фантастических существ, иногда имеют фигурную форму в виде куроса. В V в. до н. э. погрудное изображение женщины помещали чаще всего сверху ручки. Распространился новый мотив орнаментации нижней части ручки — сирена с поднятыми крыльями над пальметкой и спиралью.

В первой половине IV в. до н. э. появляются другие мотивы аппликации под вертикальной ручкой. В это время гидрии использовали преимущественно в качестве погребальных урн. Их тулово выбивали, поддон и ручки отливали в формах, а рельефы, украшавшие ручку, изготавливали при помощи чекана. Ножки гидрий в IV в. до н. э. часто украшали орнаментом в виде киматия, иногда с инкрустацией серебром. По венчику шел пояс из ов. Мифологические сюжеты рельефов под вертикальными ручками, возможно, были связаны с погребальными функциями этих сосудов. В это время гидрии изготавливали в различных мастерских Северной Греции, Эвбеи, Малой Азии, может быть также в Аттике и в Коринфе¹¹.

Найденный в Анапе сосуд принадлежит к этой последней группе гидрий. Полной аналогии орнаменту анапской гидрии подобрать не удалось. Однако имеется близкое сходство с гидриями, найденными в Месембри¹²:

стр. 38; Он же. Могилы гробниц находки от Дуванлий. — ИБАИ, VI, 1932, стр. 7; Б. Филов. Античная гробница при Дялбоки, Старо-Загорско. — Там же, стр. 50; К. Шкорпил. Археологически бележки от Черноморското крайбрежие. — Там же, стр. 69; Б. Филов. Новооткрити тракийски гробници от Дуванлий. — ИБАИ, VII, 1933, стр. 241; Ж. Чимбулева. Указ. соч., стр. 38; А. Милчев, Г. Китов. Тракийски могили край с. Градница, Габровски окръг. — Археология. София, 1972, № 1, стр. 46 (помещена новая библиография находок гидрий в Болгарии).

⁹ С. М. А. Richter. A Fourth Century Bronze Hydria in New York. — AJA, L, 1946, № 3, стр. 365.

¹⁰ Ж. Чимбулева. Указ. соч., стр. 40.

¹¹ J. Charbonneaux. Указ. соч., стр. 45—47.

¹² Ж. Чимбулева. Указ. соч., стр. 38.

Рис. 2. Гидрия
1, 2 — ручки; 3 — дно; 4 — горло

одинаковы каннелированные ручки, орнаменты венчиков и поддонов. Пластинки, к которым прикреплены вертикальные ручки гидрий из Месембри, украшены аканфовыми листьями, полупальметками и мелкими розетками. Под ручками, над рельефной аппликацией, помещены розетки и аканфовые листья, как и у анапской гидрии.

Сосуды из Месембри датируются Ж. Чимбулевой началом второй половины IV в. до н. э. Следует также отметить близость орнаментов вертикальной ручки анапской гидрии и ситулы, найденной в купольной гробнице у Мезека¹³. Б. Филов, сравнивая рисунки аппликаций на мезекской ситуле и на помпейской, относящейся к III—II вв. до н. э., считает возможным датировать мезекский сосуд, как и всю гробницу, второй половиной IV в. до н. э. Анапскую гидрию, по-видимому, следует относить к концу первой половины или к середине IV в. до н. э. В Северном Причерноморье гидрии этого типа неизвестны. В Западном Причерноморье их меньше, чем гидрий V в. до н. э. с сиреной. В музеях и в частных коллекциях известно всего немногим более 15 экземпляров таких бронзовых урн¹⁴.

Употребление анапской гидрии в качестве погребальной урны весьма вероятно, так как она была найдена в районе горгилпийского курганного некрополя.

¹³ Б. Филов. Купольные гробницы при Мезек. — ИБАИ, XI, 1, 1937, стр. 57.

¹⁴ J. Charbonneaux. Указ. соч., стр. 46.

К. К. МАРЧЕНКО

КЛАССИФИКАЦИЯ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ ОЛЬВИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ IV—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I В. ДО Н. Э.

Классификация лепной керамики Ольвии второй половины IV—первой половины I в. до н. э. разработана Т. Н. Книпович в 30-х годах¹. Исследование, суммировавшее наблюдения в масштабах коллекции с одного участка городища, нуждается в настоящее время в ряде уточнений и дополнений. Предлагаемая нами классификация построена на новом, хорошо датированном материале из раскопок последних десятилетий различных в функциональном отношении районов города. В нее, разумеется, вошли и данные предыдущего исследования.

Обломки лепной керамики встречаются на всей территории Ольвии. Однако концентрация лепной посуды в слоях второй половины IV—III в. до н. э. в жилых районах города значительно выше, чем в районах, занятых общественными постройками. Со II в. до н. э. эти различия исчезают. Количество лепной посуды в слоях районов второго рода резко увеличивается². Одновременно гибнет большинство построек общественного назначения. Подсчет процента лепной керамики относительно остальной массы керамических находок из слоя (из подсчета исключены фрагменты тары — амфор и пифосов) выявил в целом по городу следующую картину: для второй половины IV—первой половины III в. до н. э. — не выше 3—5%, для второй половины III в. до н. э. — не выше 5%. Заметно повышается доля лепной керамики в общем балансе находок только в слоях II—первой половины I в. до н. э., достигая 8—10%.

В комплексе рассматриваемого периода выделено 18 типов. В основе выделения лежат визуально фиксируемые различия в формах и орнаментации сосудов³.

Тип I (рис. 1; 1—5). Не менее 80% венчиков лепных сосудов принадлежит горшкам с округло выгнутыми выпуклыми плечами и более или менее плавно отогнутым наружу краем⁴. Все горшки имеют грубую шероховатую поверхность. Края сосудов округлены или плоско срезаны. Величина отгиба края у 90% горшков колеблется в пределах 50—80°. Диаметры устья не менее чем у 75% горшков 10—20 см, максимальный диаметр равен 30 см. Не менее 60% горшков орнаментировано пальцевыми (ногтевыми) вдавлениями или защипами, различного рода насечками и

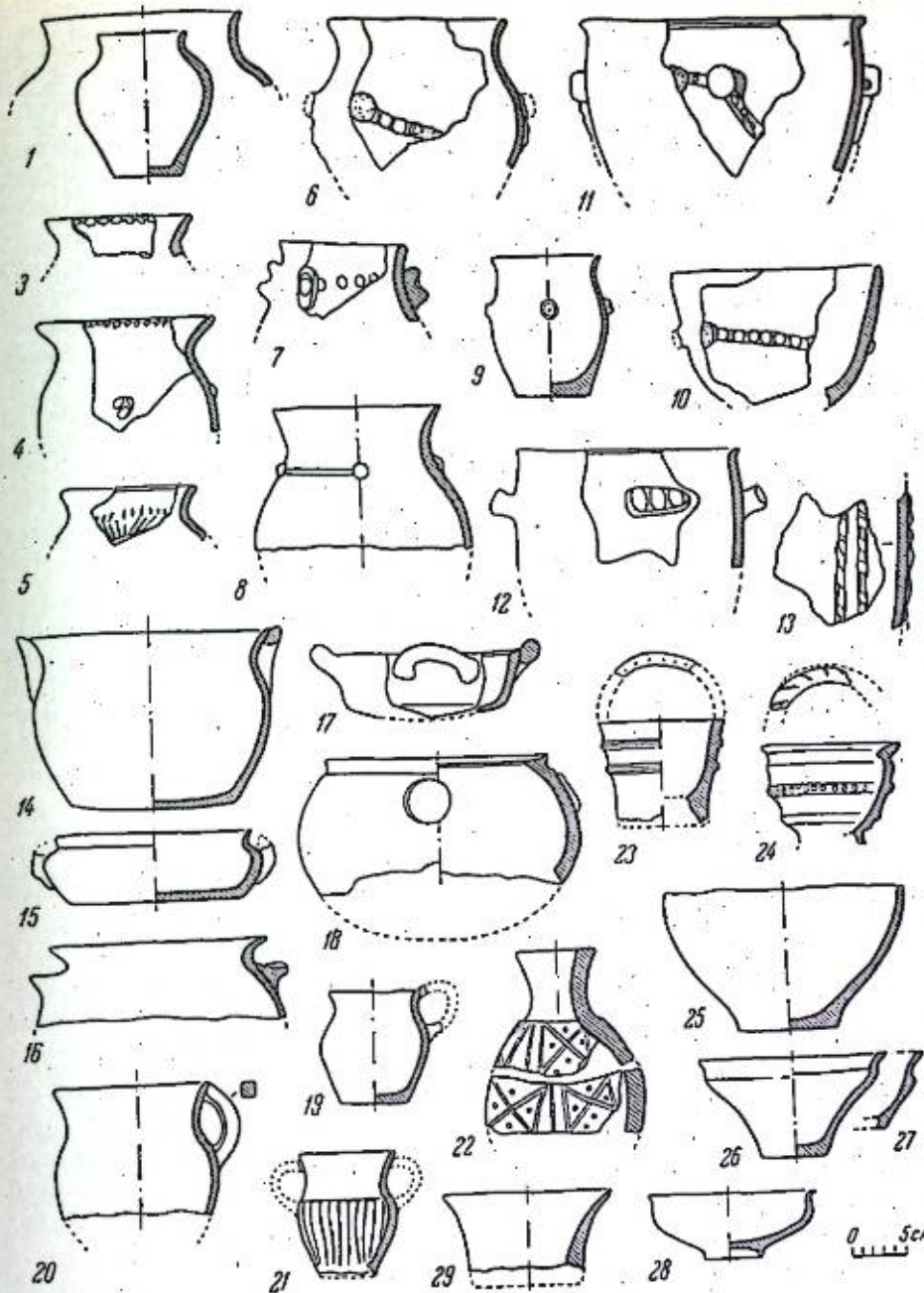

Рис. 1. Лепная керамика Ольвии второй половины IV—первой половины I в. до н. э. Типы I—XII (1—29)

вдавлениями по горлу или краю, иногда одновременно. Отмечено всего три случая, когда пальцевые вдавления по краю сопровождались сквозными проколами⁵. Единичны находки горшков с так называемым линейным орнаментом (рис. 1, 5)⁶. Не позднее III—II вв. до н. э. на некоторых горшках в месте наибольшего расширения тулова появляется украшение в виде двойных или тройных пальцевых вдавлений (рис. 1, 4).

¹ Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа И. — Сб. Ольвия, I. Киев, 1940, стр. 129 сл.
² К. К. Марченко. Концентрация лепной керамики в Ольвии второй половины VI—I в. до н. э. — СА, 1972, № 4, стр. 62—63, табл. 1 и 2, стр. 66.
³ Технология производства керамики этого времени специально рассматривалась О. А. Кульской и С. И. Капошиной. См.: О. А. Кульская. Химико-технологическое исследование ольвийских керамических изделий. — Сб. Ольвия, I. Киев, 1940, стр. 171 сл.; С. И. Капошина. О скифских элементах в культуре Ольвии. — МИА, № 50, 1956, стр. 163 сл.
⁴ Тип частично соответствует типу 1 горшков классификации Т. Н. Книпович. См.: Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 132, 133, рис. 93, 1—6; табл. XXVI, 1—4; XXVII, 1.

⁵ Ср.: С. И. Капошина. Указ. соч., стр. 161, 164, рис. 9, 3.
⁶ См. также: Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 134, рис. 94, 1, 2; табл. XXVIII, 2; С. И. Капошина. Указ. соч., стр. 166, рис. 11, 1, 2; 12, 2.

Горшки описанного типа, известного по более ранним материалам⁷, распространены в Ольвии без существенных изменений формы в течение всего рассматриваемого периода. Ближайшие аналогии этим сосудам имеются в керамическом комплексе Каменского городища на Днепре IV—III вв. до н. э.⁸ и в материалах II—I вв. до н. э. позднескифских городищ на Днепре⁹. Хорошо известна подобная керамика и в более восточных степных районах Северного Причерноморья, прежде всего в комплексе Елизаветовского городища V—III вв. до н. э.¹⁰

Тип II (рис. 1, 6—9). Горшки с плавно отогнутым краем и округло выпуклыми боками. От сосудов типа I их отличают более качественная отделка поверхности (тщательная заглаженность или даже подлощенность) и особенно наличие ручек-упоров в виде круглых или уплощенных налепов на плечах. Часть горшков орнаментирована. Основной вид украшения — налепной или оттянутый валик, расположенный в большинстве случаев на горле или в средней наиболее широкой части тулова и моделированный пальцевыми вдавлениями (рис. 1, 6). Значительно реже встречается орнамент в виде пальцевых вдавлений на плечах (рис. 1, 7). Насечки или вдавления по краю не отмечены. Горшки этого типа появляются в Ольвии во второй половине — конце IV в. до н. э. Постепенно количество горшков уменьшается. Со второй половины III в. до н. э. почти полностью исчезает валиковая орнаментация, значительно уменьшаются в размерах ручки-упоры, превращаясь во II—I вв. до н. э. в маленькие шишечки пирамидальной (рис. 1, 8) или уплощенной (рис. 1, 9) формы. Аналогии горшкам типа II мы находим в синхронных материалах поселений Нижнего Поднестровья¹¹, Молдавии¹², Румынии¹³. Хорошо известна керамика подобного рода и в одновременных комплексах городов Левого Понта, например Истрии¹⁴.

Тип III (рис. 1, 10—13). Баночные сосуды со слегка загнутыми внутрь прямыми и расширяющимися краями. Края скруглены (рис. 1, 10) или оформлены в виде козырька (рис. 1, 11, 12). Поверхность сосудов хорошо заглажена. Сосуды, как правило, имели ручки-упоры в форме круглых или уплощенных налепов с пальцевыми вдавлениями в центре или без них (рис. 1, 10—12). Довольно часто ручки-упоры дополнялись орнаментом в виде одного или нескольких налепных валиков (рис. 1, 10, 11, 13). Последние иногда образовывали узоры в виде гирлянды.

Начальная дата появления сосудов типа III в Ольвии — вторая половина — конец IV в. до н. э. Время исчезновения точно не устанавливается — по-видимому, не позднее второй половины III в. до н. э. В количественном отношении сосуды типов II и III совместно составляют в комплексе не более 5—7%. Как и горшки типа II, сосуды баночной формы представлены в материалах одновременных гето-фракийских па-

мятников степного Поднестровья¹⁵, Молдавии¹⁶, Румынии¹⁷, а также в комплексах IV—I вв. до н. э. ряда городов Левого Понта¹⁸.

Тип IV (рис. 1, 14—18). Кастриули с уплощенным или скругленным дном¹⁹. В пределах типа выделены три варианта формы. Наиболее многочисленны кастриули с отогнутым наружу краем — вариант а (рис. 1, 14—16); край кастриуль заострен или скруглен. Вариант в представлен всего двумя обломками кастриуль с прямыми, несколько расходящимися краями (рис. 1, 17); край имеет уступ для крышки. Единичны находки кастриуль с загнутым внутрь краем — вариант с (рис. 1, 18); край также имеет уступ для крышки. Наиболее ранние образцы кастриуль отличаются хорошо заглаженной или даже лощеной поверхностью. Обычно же поверхность сосудов такого рода шероховатая, с ярко выраженными следами воздействия огня. У большинства кастриуль имеются ручки-налепы (рис. 1, 14—18). Наиболее употребительная форма ручек — дуговидная, в виде подковы. Не подлежит сомнению, что тип имитирует формы греческой круговой кухонной посуды.

Время появления лепных кастриуль в Ольвии — вторая половина — конец IV в. до н. э.; период наибольшего распространения — вторая половина III—II вв. до н. э.; удельный вес в комплексе — около 10%. Ареал кастриуль аналогичного типа достаточно широк и включает в себя, кроме территорий собственно эллинских полисов Северного и Западного Причерноморья, некоторые сравнительно отдаленные варварские поселения, например Елизаветовское городище на Дону²⁰.

Тип V. Плоскодонный кувшин с петельчатой ручкой и высоким горлом²¹. Известен в единственном экземпляре.

Тип VI (рис. 1, 19, 20). Плоскодонный кувшин с плавно отогнутым наружу краем и невысокой вертикальной ручкой²². Известно три экземпляра. Один из них (рис. 1, 20) имеет на поверхности следы лощения серого цвета. Два других — грубой работы.

Тип VII (рис. 1, 21). Двуручный плоскодонный кувшин, украшенный по тулову вертикальными неглубокими желобками. Тип представлен обломками пяти экземпляров. Внутренняя и внешняя поверхности сосуда покрыты лощением темно-серого цвета. Известен вариант орнамента с рядами неглубоких точечных вдавлений между желобками²³. Аналогичный орнамент имеется на лощеных кувшинах из Том²⁴. Датируется III—II вв. до н. э.

Тип VIII (рис. 1, 22). Узкогорлая толстостенная курильница из серой хорошо отмученной глины. Известна по двум фрагментам от верхней части одного сосуда. Внутренняя поверхность сильно прожжена; внешняя, хорошо заглаженная — без видимых следов нагара. Курильница орнаментирована вертикальными и перекрещивающимися неглубокими желобками. Между перекрещивающимися желобками нанесены круглые вдавления. Датируется IV—III вв. до н. э. По форме, по-видимому, аналогична

⁷ С. И. Капошина. Указ. соч., стр. 160—161, рис. 6, 5; стр. 162, рис. 7, 2.

⁸ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. — МИА, № 36, 1954, стр. 70, табл. II, 1—4; стр. 71, табл. III, 1—3.

⁹ Н. Н. Позребова. Позднескифские городища на Нижнем Днепре. — МИА, № 64, 1958, стр. 123, рис. 12, 1; стр. 171, рис. 27, 3, 7.

¹⁰ К. К. Марченко. Лепная керамика V—III вв. до н. э. городища у станции Елизаветовской на Нижнем Дону. — СА, 1972, № 1, стр. 125, рис. 2, 1, 2.

¹¹ А. Г. Сальников. Итоги полевых исследований у с. Пивденное (1960—1962 гг.). — МАСП, вып. 5, 1966, стр. 214, рис. 16, 6; стр. 215, рис. 17, 1; стр. 218, рис. 20, 4; А. И. Мелюкова. К вопросу о границе между скифами и гетами. — Сб. Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969, стр. 75, рис. 3, 10.

¹² А. И. Мелюкова. Результаты раскопок двух поселений скифского времени в Молдавии. — КСИИМК, 56, 1954, стр. 66, рис. 31, 3, 5—7.

¹³ E. Vajor. Sapaturile de salvare de la Murighiol. — SCIV, VI, 1955, № 3-4, табл. 11, 12; S. Teodor. Contributii la cunoasterea ceramicii din secolele III—II i. e. n. din Moldova. — SCIV, XVIII, 1967, № 1, стр. 30, рис. 4, 8—10.

¹⁴ M. Soja. Ceramica autohtona de la Histria. Secolele V—I i. e. n. — Pontica, 3, 1970, стр. 104, рис. 2, 9, 10; стр. 107, рис. 3, 28.

¹⁵ А. Г. Сальников. Указ. соч., стр. 214, рис. 16, 4, 7.

¹⁶ А. И. Мелюкова. Результаты раскопок..., стр. 66, рис. 31, 1, 2, 6.

¹⁷ E. Vajor. Указ. соч., табл. II, 2; S. Teodor. Указ. соч., стр. 28, рис. 2, 1, 4.

¹⁸ M. Soja. Указ. соч., стр. 104, рис. 2, 20, 21; стр. 107, рис. 3, 23; стр. 110, рис. 4, 38; C. Scorpan. Prezenta si continuitatea getica in Tomis si Callatis. — SCIV, XXI, 1970, № 1, стр. 71, рис. 1, 6, 7.

¹⁹ Тип 7 классификации Т. Н. Книпович. См.: Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 135, табл. XXVIII, 7.

²⁰ К. К. Марченко. Лепная керамика V—III вв. до н. э. ..., стр. 127, 132, рис. 3, 4.

²¹ Тип 2 классификации Т. Н. Книпович. См.: Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 134, табл. XXVII, 3.

²² Тип 3 классификации Т. Н. Книпович. См.: Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 134, табл. XXVII, 4.

²³ Е. И. Лави. Итоги раскопок ольвийского теменоса и агоры. — Сб. Ольвия. Теменос и агора. М.—Л., 1964, стр. 14, 3, 5.

²⁴ C. Scorpan. Указ. соч., стр. 71, рис. 1, 3.

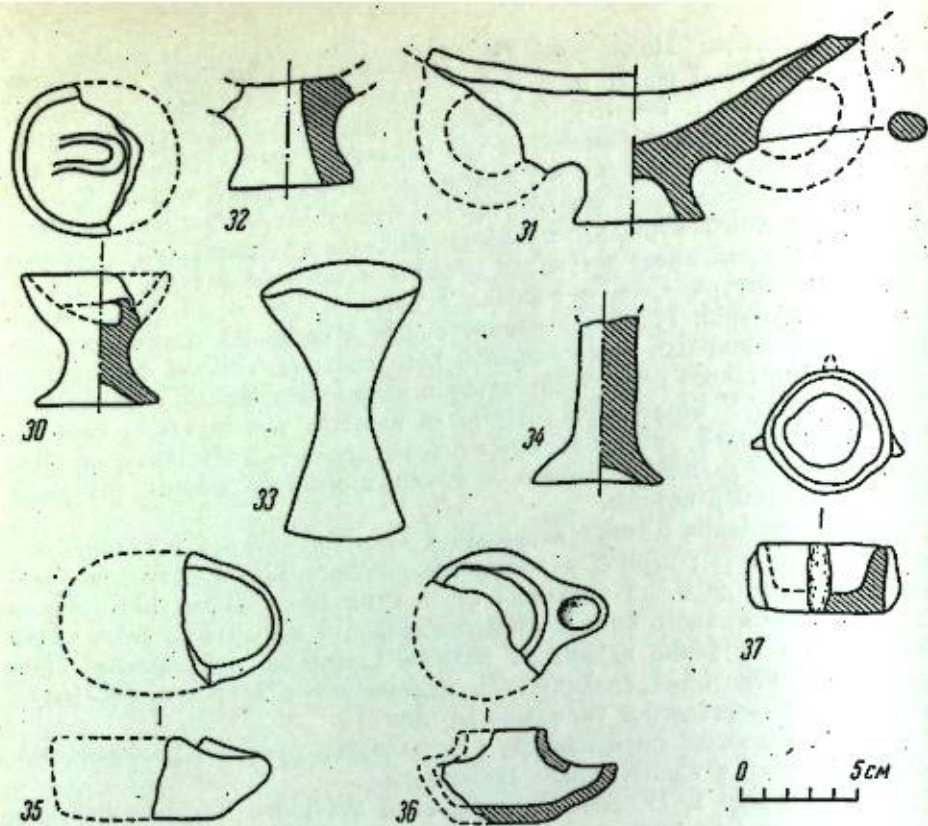

Рис. 2. Лепная керамика Ольвии второй половины IV—первой половины I в. до н. э. Типы XIII—XVIII (30—37)

курильницам II в. до н. э. из курганов Тираспольщины²⁵ или II—I вв. до н. э. из Неаполя скифского²⁶.

Тип IX (рис. 1, 23, 24). Две курильницы в виде небольших баночек с вертикальным плоско срезанным краем. Одна из курильниц, лощеная, украшена двумя горизонтальными налепными валиками и рядом точек по срезу края (рис. 1, 23). Другая — грубой работы, орнаментирована двумя оттянутыми горизонтальными валиками. Верхний валик дополнительно моделирован пальцевыми вдавлениями. По срезу скошенного внутрь края нанесены косые насечки с неглубокими точками. Тип датируется IV—III вв. до н. э. Аналогичные курильницы, генетически увязываемые с керамикой сарматского типа первых веков н. э., в небольшом количестве известны в Северном Причерноморье в материалах более раннего времени²⁷.

Тип X (рис. 1, 25). Плоскодонные миски сферической формы со слегка загнутым внутрь или вертикальным краем. Поверхность хорошо заглажена, без лощения. Имеются обломки четырех экземпляров. Одна из мисок этого типа с округлым ребром в месте перехода от нижней части тулова к верхней снабжена горизонтальными плоскими ручками-упорами²⁸. Тип датируется второй половиной IV—III в. до н. э. Сосуды

²⁵ А. И. Мелюкова. Скифские курганы Тираспольщины. — МИА, № 115, 1962, стр. 156, рис. 4, 2—5.

²⁶ О. Д. Дашевская. Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма. — МИА, № 64, 1958, стр. 254, рис. 2, 1—3.

²⁷ Т. М. Арсеньева. Лепная керамика Танаиса. — Сб. Древности Нижнего Дона. М., 1965, стр. 186, 196, табл. V, 2, 3.

²⁸ С. И. Капошина. Указ. соч., стр. 162, 165, рис. 10, 2.

аналогичны мискам IV—III вв. до н. э. из памятников степного Поднестровья, Молдавии и Румынии²⁹.

Тип XI (рис. 1, 26—28). Миски с граненым отогнутым наружу венчиком. Дно плоское (рис. 1, 26, 27) или на узком кольцевом поддоне (рис. 1, 28). Три миски имели темно-серое лощение хорошего качества, четвертая (рис. 1, 27) — красноглиняная, грубой работы. Тип датируется III—первой половиной I в. до н. э. Керамика аналогичной формы и выделки хорошо известна в комплексах III—I вв. до н. э. некоторых памятников Поднестровья и Карпато-Дунайского бассейна³⁰. Ее появление в районе Северо-Западного Причерноморья обычно объясняется воздействием западной гальштатской традиции³¹.

Тип XII (рис. 1, 29). Миска с вогнутыми, плавно расходящимися стенками. Край заострен. Известен один экземпляр. Датируется III—II вв. до н. э.

Тип XIII (рис. 2, 30—32). «Чаши» на ножке³². Несмотря на почти полное отсутствие целых сосудов, можно различить несколько разновидностей формы. Как правило, «чаши» имеют более или менее глубокую выемку в ножке (рис. 2, 30, 31). Известны ножки с широким сквозным отверстием (рис. 2, 32). Одна «чаша» снабжена двумя петельчатыми вертикальными ручками (рис. 2, 31). Крайне редко на ножке встречается орнамент в виде ряда пальцевых вдавлений. Все «чаши» имеют грубую шероховатую поверхность. В большинстве случаев заметны следы сильного воздействия огня на внутреннюю поверхность. Отмеченное обстоятельство дает основание предполагать, что керамику подобного рода использовали прежде всего в качестве крышек, курильниц, светильников или даже маленьких жертвенников-«эсхар». Последнее замечание подтверждается находкой «чаши» со специальным отделением во вместилище для сжигания (рис. 2, 30). Равным образом не исключено, что «чаши» с широким сквозным отверстием на ножке, в целом повторяющие форму античных керамических жертвенников для возжания, могли выполнять сходную функцию. Удельный вес типа в комплексе — не ниже 3%. «Чаши» появляются в Ольвии во второй половине IV в. до н. э. Наибольшее распространение они получают во II—первой половине I в. до н. э. Аналогии известны в синхронных материалах широкого круга памятников Северо-Западного и Северного Причерноморья.

Тип XIV (рис. 2, 33, 34) представлен обломками светильника на высокой столбовой ножке. Целый светильник этого рода, найденный в Ольвии в слое второй половины III—II в. до н. э. (рис. 2, 33), но впоследствии утерянный, воспроизведен по рисунку из полевого дневника Т. Н. Книпович за 1949 г.³³ Аналогии ольвийским светильникам имеются в керамических материалах Елизаветовского городища³⁴ и Танаиса³⁵.

Тип XV (рис. 2, 35). Ладьевидный светильник открытого типа представлен одним обломком и целым экземпляром³⁶. Близкий по форме светильник известен в материалах IV—III вв. до н. э. Елизаветовского городища³⁷. Аналогии есть также и в комплексах более позднего времени³⁸.

²⁹ А. И. Мелюкова. Исследование гетских памятников в степном Поднестровье. — КСИА, 94, 1963, стр. 67, рис. 18, 4, 11; Она же. Результаты раскопок... стр. 66, рис. 31, 8; Е. Вујог. Указ. соч., табл. II, 9, 10.

³⁰ См., например: S. Todor. Указ. соч., стр. 29, рис. 3, 4; стр. 31, рис. 5; М. А. Романовская. Об этнической принадлежности населения, оставившего памятники типа Лукашевка. — Сб. Древние фракции в Северном Причерноморье. М., 1969, стр. 90, рис. 5, 2, 3.

³¹ М. А. Романовская. Указ. соч., стр. 90—91.

³² Тип 4 классификации Т. Н. Книпович. См.: Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 134.

³³ Дневник хранится в рукописном архиве ИА АН УССР.

³⁴ К. К. Марченко. Лепная керамика V—III вв. до н. э. ... стр. 125, рис. 2, 16.

³⁵ Т. М. Арсеньева. Указ. соч., стр. 200, табл. IX, 6, 8—11.

³⁶ Тип 5 классификации Т. Н. Книпович. См.: Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 134.

³⁷ К. К. Марченко. Лепная керамика V—III вв. до н. э. ... стр. 127, рис. 3, 5.

³⁸ И. Т. Круликова. Востор в позднеантичное время. М., 1966, стр. 76, рис. 17, 7, 8.

Тип XVI. Светильник с сильно удлиненным рожком³⁹. Известен в одном экземпляре.

Тип XVII (рис. 2, 36). Круглый светильник с рожком. Известен по одному обломку. Как и предыдущий тип, это явное подражание античным светильникам эллинистического времени.

Тип XVIII (рис. 2, 37). Маленькая чашечка-солонка (?) с тремя вертикальными ручками-упорами. Тип представлен двумя целыми экземплярами. Датируется второй половиной IV—III в. до н. э.

Некоторые формы сосудов — миска в виде перевернутого усеченного конуса, корчага, дуршлаг в форме баночки с расходящимися или загнутыми внутрь краями — не введены в нашу классификацию, так как обломки керамики этих типов найдены в мешаных слоях и их отнесение к рассматриваемому периоду проблематично.

Обращает на себя внимание присутствие в комплексе нескольких групп керамики. Основная, традиционная для Ольвии группа — горшки типа I — в целом генетически связана со скифской посудой типа керамики Каменского городища. Вторая группа — керамика гето-фракийского облика (типы II, III, VII, X). Ее появление в городе совпадает по времени с усилением гето-фракийцев в Пруто-Днестровском междуречье, последовавшим, как известно, после гибели скифского царя Атея в борьбе с Филиппом Македонским. Керамика западногальштатских форм представлена в наших материалах крайне незначительно и односторонне (тип XI). Немногочисленна и керамика сарматского круга (тип IX). Весьма представительна группа типов, имитирующих разнообразные формы античной круговой керамики (типы IV, V, XVI и отчасти XIII). Эти типы, появившись в комплексе во второй половине IV в. до н. э., получают наибольшее распространение только со второй половины III в. до н. э.

Э. Я. НИКОЛАЕВА

РАСКОПКИ ТЕРМ В КЕПАХ

Раскопки Кеп были начаты в 1957 г. Н. И. Сокольским. В западной части городища исследовался раскоп А. Здесь на протяжении ряда лет попадались обломки мраморных плит, куски цемьянки, обломки обожженных кирпичей. Мраморная облицовочная плита, обнаруженная в 1970 г., подтвердила предположение Н. И. Сокольского о наличии на этом участке остатков терм. В 1972 г. раскоп А был расширен к востоку и югу¹. Огромный перекоп разрушил все верхние слои вплоть до слоя I в. н. э., к которому относится комплекс терм с примыкающими к нему водостоком, вымосткой и углом здания, расположенного к северу от основной постройки.

В I в. н. э. при строительстве терм и сопровождающих их построек участок нивелировали. При этом были срезаны слои почти до материка. Лишь на границе раскопа 1970 и 1972 гг. сохранились небольшие участки предматерикового архаического слоя с остатками сырцовых кирпичей. Остатки эти так фрагментарны, что мы не можем сказать, были ли это стены ранних строений или сырцовокирпичные субструкции более поздних построек, углубленные в архаический слой.

Среди находок слоя — целая хиоская амфора второй половины VI в. до н. э. с кружочком на горле, полосками лака по венцу, ручкам и тулову и архаический светлоглиняный лутерий с граффити АГД.

К периоду от второй половины V до I в. до н. э. относятся обломок протомы Деметры IV в. до н. э. (рис. 1, 2), чернолаковая тарелочка с пальметами и граффити на внешней стороне донца ПАГ и ЕКУ (рис. 1, 1), осколки чернолакового блюда с перегородками в виде цветка², стеклянная сердцевидная бусина II—I вв. до н. э., обломки бронзовых и костяных предметов и др. (рис. 1, 3—8).

В I в. до н. э. на этом участке находилась винодельня с углубленной в материк цистерной.

От терм I в. н. э. сохранились часть фундаментов стен высотой до 0,84 м, полы трех помещений (А, Б и В), скамьи в помещениях А и Б и фрагменты мраморных облицовочных плит *in situ* во всех трех помещениях (рис. 2, а). Термы имели, по-видимому, прямоугольную форму с выступами. Постройка была ограничена стенами из сырцового кирпича на каменных фундаментах. Стены шириной 0,60 м сложены из довольно крупных камней с забутовкой.

После возведения стен на выровненную поверхность внутри постройки укладывали слой битой черепицы и обломков обожженных кирпичей, который заливали цемьянкой и заглаживали³; затем вдоль стен клали керамические или мраморные плиты, а на них воздвигали скамьи следующим

¹ Работы велись отрядом Таманской экспедиции под руководством автора. Вскрыта площадь 75 кв. м на глубину около 3 м.

² Подобное блюдо с перегородками иной формы найдено в 1972 г. при раскопках Гермоны под руководством А. К. Коровиной.

³ Цемьянковые полы есть в помещении II терм, открытых в 1898 г. К. Е. Думбергем на горе Митридат. См.: ОАК за 1898 г. СПб., 1901.

³⁹ Тип 6 классификации Т. Н. Книпович. См.: Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 135, табл. XXVII, 5.

Рис. 1. Находки из Кеп

1 — чернолаковая тарелка с графитти; 2 — протомы Деметры; 3 — сосуд с закраиной для крышки; 4 — костяная иголка; 5—8 — бронзовые предметы

образом: деревянные рамы шириной около 0,40 м заливали той же цементной, что и полы, на высоту 0,30—0,40 м. Когда цементка затвердевала, деревянную форму снимали и полученные таким образом скамьи обмазывали более тонким раствором цементки и затирали до образования гладкой поверхности. Еще до высыхания цементки скамей стены помещения облицовывались плитами серого с прожилками мрамора размерами не менее $0,80 \times 0,80 \times 0,02$ м. Остатки мраморной облицовки обнаружены на восточной стене помещения А, на северной и восточной стенах помещения В и на северной стене помещения Б. Внутри скамей были оставлены продухи для горячего воздуха на уровне керамических плит у основания скамей (рис. 2, 2).

По-видимому, первоначально полы в помещениях (во всяком случае в помещении А) были выложены мраморными плитами, о чем говорят остатки таких плит под западной скамьей. После разрушения мраморного пола был устроен пол цементный, очень хорошего качества, пурпурного цвета. По мере того как цементный пол трескался, его вновь подмазывали.

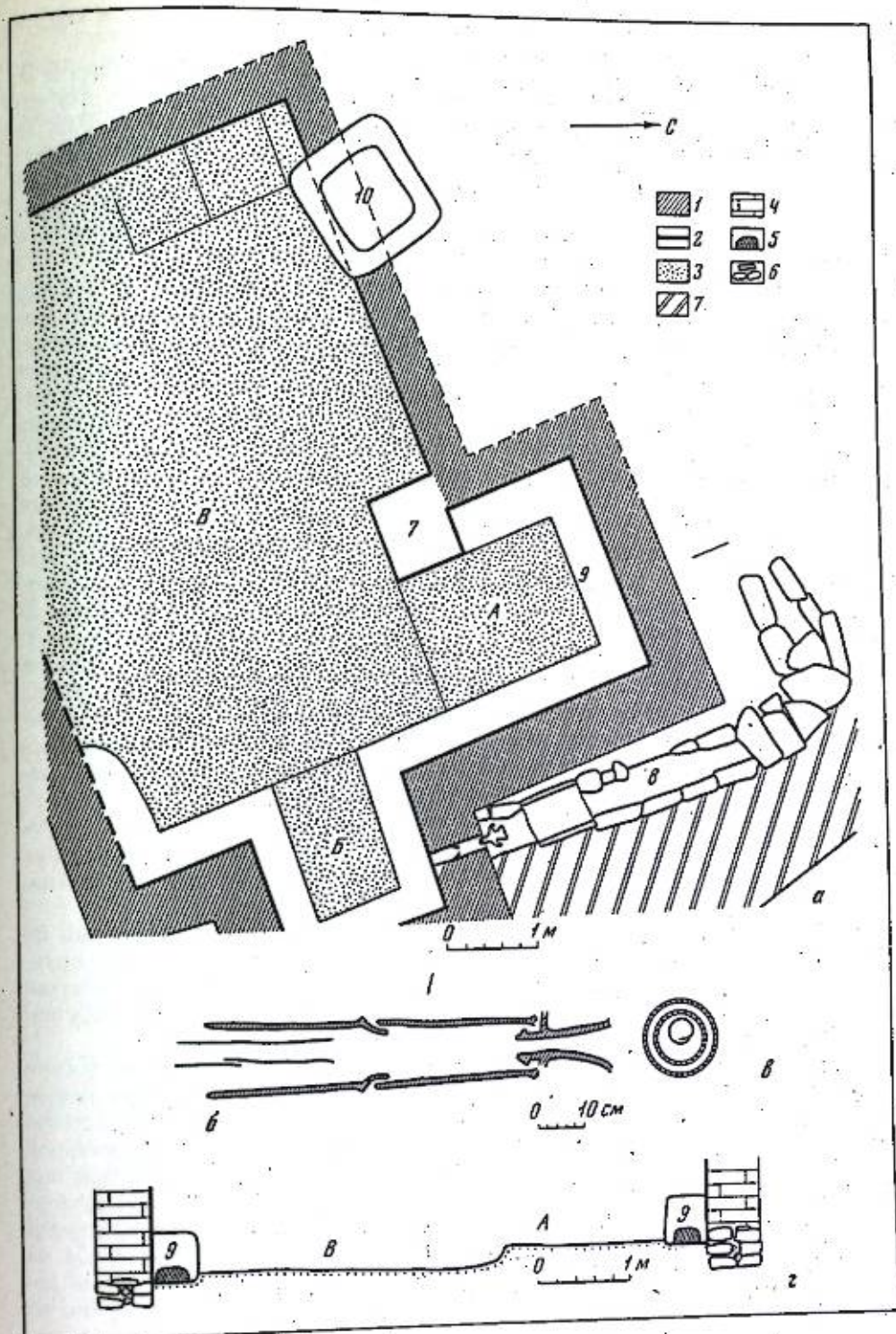

Рис. 2. Планы и разрезы терм

а — план-схема терм с элементами реконструкции; б — продольный разрез труб водопровода; в — поперечный разрез труб водопровода; 1 — разрез терм через помещения А и В с элементами реконструкции; А, Б, В — помещения терм; 1 — фундаменты стен; 2 — мраморная облицовка; 3 — цементные полы помещений; 4 — сырцовые стены (реконструкция); 5 — отверстия в скамьях для горячего воздуха; 6 — камни; 7 — база опоры; 8 — водосток; 9 — скамьи из цементки в помещениях А и Б; 10 — цистерна более раннего времени

Самое большое помещение В размерами 6,45×4,30 м могло быть сферистерием, комнатой для упражнений.

Разбор завала черепичной кровли, занимавшего почти все помещение В, дал возможность представить элементы конструкции перекрытия. На дельцевидных перекрытиях был положен слой глины толщиной около 0,20 м, покрытый камкой⁴. Крыша рухнула вместе с этим слоем, под ее тяжестью цементная пола прогнулась, потрескалась и осела. Куски черепицы залегали довольно плотно, горизонтально или под небольшим углом. Среди черепиц — солены боспорской, синопской и кепской глины и полукруглые красноглиняные калиптеры.

Помещение А занимает северный выступ здания и на 0,80 м заходит в помещение В. В юго-восточном углу помещения А сохранилась облицованная мрамором квадратная в плане часть опоры, в которую заложены крупные камни, скрепленные цементной. Может быть, это опора под сводчатое покрытие. Уровень пола помещения А на 0,20 м выше, чем в помещении В. К северо-восточной и западной стенам помещения примыкают скамьи из цементной высотой 0,30—0,35 м и шириной 0,36—0,40 м. Восточная скамья в помещении А сохранилась полностью и соединяется со скамьей, тянувшейся вдоль северной стены помещения В. Восточная скамья помещения В оборвана ямой. Часть ее уходит в борт раскопа. Южная скамья в помещении В сохранилась частично. Под прямым углом к ней на границе с помещением В сохранилось основание восточной скамьи помещения В, южная часть которой разрушена ямой. Пол помещения В на 0,12 м выше, чем в помещении В, и на 0,08 м ниже, чем в помещении А.

Почти в центре помещения В находится яма от пифоса (не позднее III в. н. э.), прорезавшая пол помещения (диаметр ее 0,74 м, глубина 0,85 м) и заполненная мусорным грунтом. В ней найдены фрагменты амфора, в том числе синопская эллинистическая и боспорская ангобированная профилированная, ручки, обломки лепных сосудов, черепицы, край жаровни и две облицовочные мраморные плитки.

Дальнейшие раскопки в южном, западном и восточном направлении могут открыть новые помещения. В частности, на западе в борт раскопа уходят остатки цементного пола, которые могли бы принадлежать аподитерию.

С севера и востока здание терм огибает водосток 227, построенный из поставленных на ребро грубо обработанных камней и перекрытый крупными плоскими камнями и черепицей. Изнутри желоб водостока обмазан раствором цементной. Ширина водостока внутри 0,20 м, а вместе с забутовкой — 0,70—1,05 м, протяженность 6,20 м.

Водосток прорезает фундамент северной стены помещения В. Камни фундамента являются одновременно краями водостока. В этой части каменного желоба были уложены две керамические трубы паз в паз⁵. Во вторую трубу, выступающую из стены, было вставлено горло светлоглиняной амфоры I в. н. э. Трубы были залиты цементной. Труба, уходившая под фундамент, гладкая снаружи и ребристая внутри, имеет длину 0,41 м, диаметр 0,12 м. Северный конец ее заужен и вставлен в южный конец первой трубы. Внутри трубы находилась цементная и лежала более узкая труба из свинцовой пластины⁶. Она уходила под пористую цементную скамью помещения В уже без керамической оболочки, которая укрывала ее ровно на ширину фундамента (рис. 2, б, в).

⁴ Тот же прием, что и в кровле над рыбозасолочными ваннами в Дни-Тиритаксе. См.: В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора. — ИГАИМК. 104, 1935, стр. 239.

⁵ Ближайшие аналогии находим в Мирмекии. См.: Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. — САИ, вып. Г1-20, 1966, стр. 155, рис. 7.

⁶ Подобные трубы открыты К. Е. Думбергом в 1898 г. на горе Митридат. См.: ОАК за 1898 г. СПб., 1901.

Западный конец водостока оборван большим перекопом.

Каменная вымостка 228, примыкающая к северному фундаменту помещения В, сложена из больших плоских камней. Между крупными камнями лежали щебенка и глина. Поверхность вымостки деформирована и имеет наклон к югу.

Термы в Кесах — пока самые ранние в Северном Причерноморье после пантикапейских, открытых еще К. Е. Думбергом. Известные нам термы Харакса, Херсонеса, Фанагории и раскопанные на территории Грузии и в Болгарии относятся к более позднему времени и не дают прямых аналогий нашему комплексу.

Н. А. ОНАЙКО

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ НОВОРОССИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
1971—1972 ГГ.

Новороссийская экспедиция Института археологии АН СССР в 1971—1972 гг. продолжала поиски и раскопки античных памятников в районе Новороссийска и Геленджика.

В районе Новороссийска раскапывались три памятника: архаическое поселение Мысхако 5 у пос. Балка, могильник того же времени и укрепленная усадьба II в. до н. э.—I в. н. э. в Цемдолине¹.

Поселение Мысхако 5 расположено на склоне горы Мысхако в 3 км от прибрежного поселения эллинистическо-римского времени, раскапывавшегося нами в 1966 и 1969 гг.² Оно обнаружено случайно во время дорожных работ. Обследование показало, что это небольшое поселение или скорее усадьба почти полностью разрушено этими работами еще раньше, при устройстве виноградника. Нам удалось зафиксировать здесь лишь остатки каменных стен, построенных из рваного мергеля на глинистом растворе, и обломки керамики VI—V вв. до н. э. (хиосские амфоры, амфоры с широкими полосами и лепные сосуды). Мощность культурного слоя достигала 1,50 м³.

Могильник в Цемдолине к северо-западу от Новороссийска обнаружен тоже случайно, во время вспашки поля под виноградник, хотя распахивалось это поле в 1972 г. не впервые. Как показал опрос работников совхоза, на этом месте бульдозером выкорчевывали кустарник, затем производилась глубокая вспашка плантажным плугом. Могильник занимал площадь примерно 150×150 м и располагался у самой дороги, ведущей из Новороссийска на Краснодар и Анапу.

Могильник настолько разрушен многократными вспашками, что нам не удалось зафиксировать ни одной, хотя бы полуразрушенной, могилы. Зато на поверхности могильника собрана богатая коллекция металлических изделий и обломков керамики. Первые представлены железными наконечниками копий, железными удилами, бронзовыми псалями, зеркалами, браслетами и другими предметами. Имеется одно великолепное зеркало типа ольвийских, с ручкой, оканчивающейся головкой барана (рис. 1). Керамика состоит в основном из обломков амфор и простой посуды. Найдены единичные обломки чернолаковых сосудов. Вся коллекция датируется VI—III вв. до н. э. Некоторые обломки керамики, возможно, относятся и к несколько более позднему времени.

И поселение Мысхако 5, и могильник в Цемдолине, несмотря на то, что они дошли до нас уже разрушенными, имеют большое научное значе-

¹ В работе экспедиции принимали участие директор Новороссийского историко-краеведческого музея А. В. Дмитриев (1971—1972 гг.) и аспирант ИА АН СССР И. Р. Пичкиня (1972 г.).

² Н. А. Онайко. Раскопки поселения на Малой Земле. — КСИА, 124, 1970, стр. 73; Она же. Новые данные о поселении на Малой Земле. — КСИА, 133, 1973, стр. 94.

³ Н. А. Онайко. Архаические памятники в районе Новороссийска и Геленджика. — АО 1972 г. М., 1973, стр. 143.

ние. Это первые архаические памятники, обнаруженные в районе Новороссийска. Как и ранее засвидетельствованные здесь находки архаического времени⁴, они дают повод более уверенно, чем раньше, ставить вопрос о существовании уже в то время в Новороссийской бухте эмпория, а затем и города Бат, которые известны нам по более поздним письменным источникам⁵.

Третьим объектом работы явилось открытое нами в 1966 г. поселение, расположенное на левом берегу притока р. Цемес у с. Владимировка, северо-западнее Новороссийска⁶. Сильно перекопанные в более позднее время культурные напластования этого поселения толщиной до 1 м относятся главным образом к рубежу н. э. Наибольшая концентрация находок этого времени наблюдалась на самой высокой точке поселения — холмообразной насыпи, в центре которой недавно был сооружен резервуар для воды. На одном из склонов этого холма погребены остатки мощного каменного сооружения, частично раскопанного в отчетном году.

Полностью вскрыта юго-восточная стена этого сооружения длиной 10,8 м, толщиной 1,65 м и высотой до 1,4 м (рис. 2). Стена сложена

Рис. 1. Бронзовое зеркало. Новороссийск, Цемдолина

Рис. 2. Юго-восточная стена усадьбы Владимировка

на глинистом растворе из крупного грубо обработанного песчаника. Особенно большие блоки зафиксированы на углах сооружения, некоторые из них достигают в длину 2 м. Внешняя сторона стены имеет ровную поверхность, составленную из довольно высоких и четких рядов кладки,

⁴ Н. А. Онайко. Разведка античных памятников в районе Новороссийска и Геленджика. — СА, 1970, № 1, стр. 130.

⁵ Ps.-Scyl. Periopl., 72; Strab., XII, 11, 14 и др.

⁶ Н. А. Онайко. Разведка античных памятников... стр. 130 и сл.

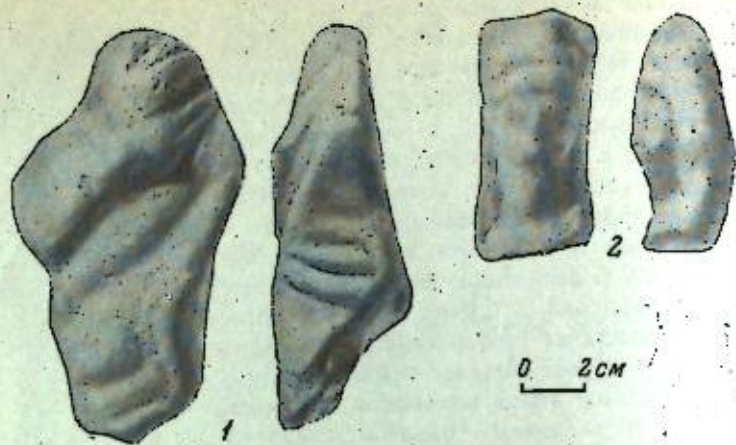

Рис. 3. Фрагменты терракотовых статуэток с изображением женского божества
1 — Владимирова; 2 — хут. Победа

между которыми находятся прокладки из более мелкого плоского камня. Внутренний панцирь стены состоит из камней среднего размера. У подошвы стены, воздвигнутой на материковой глине, замечены следы пожара — обгоревший грунт, уголь, зола. Особенно сильно обгорели камни с внутренней стороны стены.

Поверхностная зачистка юго-западной стены этого сооружения, имеющей по предварительным данным длину свыше 17 м, показала, что оно было, по-видимому, прямоугольным в плане и занимало площадь свыше 170 кв. м. Среди обнаруженных у стены находок преобладает керамика: обломки амфор (главным образом светлоглиняных с двустольными ручками), круговой простой (миски, канфары) и лепной (типа горшков) посуды. Здесь найдены также несколько биконических пряслиц, одно каменное круглое грузило и часть терракотовой статуэтки.

Интересно отметить, что за довольно большой период наших работ на юго-восточных окраинах Боспора найдено лишь три статуэтки. Первая — часть круглого постамента с остатками ступней человеческих ног — встречена в 1958 г. на Раевском городище в слое римского времени. Вторая — глиняная женская головка в высоком головном уборе — поднята в 1971 г. (рис. 3, 2). Третья — терракотовый задрапированный женский торс (рис. 3, 1) — обнаружена при раскопках во Владимировке.

Последние два обломка принадлежат одному и тому же типу женской статуэтки, которая, судя по головному убору, представляет женское божество, связанное с культом Афродиты—Урании—Апатуры, или саму богиню⁷. Наиболее близкие статуэтки происходят из Горгиппии и ее окрестностей (хут. Рассвет)⁸. Найденная нами терракота завезена скорее всего из этих мест. На юго-восточных границах Боспора эта сугубо эллинистическая категория вещей, как видим, не получила широкого распространения, что свидетельствует о сравнительно сильной варваризации обитавшего здесь населения.

Возвращаясь к характеристике каменного сооружения, отметим, что оно воздвигнуто, по-видимому, не ранее II—I вв. до н. э. Мощность каменных стен и размеры сооружения могут указывать на его принадлежность к оборонительным укреплениям. К сооружениям подобного рода безусловно относились и укрепленные сельские усадьбы, хотя характер находок пока не позволяет отнести открытый нами памятник к числу усадеб.

⁷ М. М. Кобылина. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961, табл. XXVI, 1, 2.

⁸ Ю. С. Крушкол. Античное здание в районе Горгиппии. — АИКСП, стр. 218, рис. 4.

Здание погибло около рубежа н. э. или в первой половине I в. до н. э. в результате какой-то катастрофы, вызвавшей большой пожар. В то же время, как известно, были разрушены некоторые таманские укрепления, укрепленная вилла у хут. Рассвет, каменные постройки виллы в Широкой балке и, как мы теперь предполагаем, оборонительная система Раевского городища. Все эти населенные пункты, в том числе и Владимировское поселение, различные по своему характеру, но в той или иной степени преследующие оборонительные цели, были свидетелями каких-то военно-политических событий, потрясших в то время Боспор. Скорее всего их следует связывать с походами Полемона I против Динамии⁹.

⁹ Н. А. Онайко. Разведка античных памятников..., стр. 139; Ю. С. Крушкол. Указ. соч. См. также статью Н. И. Сокольского в настоящем сборнике.

Б. Г. ПЕТЕРС

О НЕКОТОРЫХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЯХ
ИЗ АНТИЧНОГО ПОСЕЛЕНИЯ У С. МИХАЙЛОВКИ

Институтом археологии АН СССР с 1963 г. ведутся систематические раскопки античного поселения в Крыму, в 19 км к западу от Керчи, у с. Михайловки. Во время этих работ на поселении были вскрыты и изучены пять культурных слоев — от эллинистического времени до IV в. н. э. В слоях II и III были обнаружены изделия из свинца и бронзы, исследованию которых и посвящена данная работа.

В слое II поселения, датируемом I в. до н. э., в 1964 г. была обнаружена часть сильно испорченной в пожаре плоской прямоугольной свинцовой гири, первоначальные размеры и вес которой восстановить не представляется возможным (раскоп III, помещение IX).

Там же были найдены остатки бронзовых весов, от которых сохранились центральная вилка с осью и стрелкой (рис. 1, 1). Весы имели равноплечное горизонтальное коромысло (рис. 2, 2), на концах которого крепились подвесные чаши. В центре коромысла находилась стрелка-указатель, соединенная с вилкой с помощью оси, на которой она поворачивалась вместе с коромыслом. В уравновешенном состоянии стрелка весов помещалась внутри вилки. В случае увеличения веса на одной из чаш в ту же сторону опускалось коромысло, и вместе с ним наклонялась стрелка, выходя из вилки¹. Весы предназначались для мелкого взвешивания, и для их использования был необходим набор разновесов.

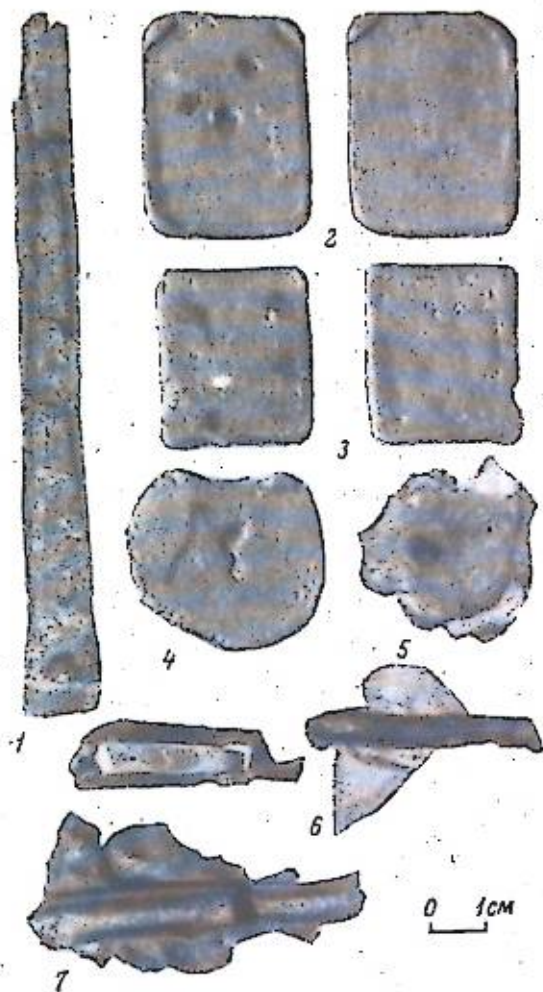
В слое III поселения, датируемом началом I—началом II в. н. э., обнаружены три свинцовые гири.

Первая гиря (раскоп III, квадрат 12, помещение XII, штык 3) имеет округлую форму (рис. 1, 4). Возможно, первоначально она была квадратная, но края гири в процессе эксплуатации деформировались. Сохранившийся вес 46,8 г. Можно думать, что примерно $\frac{1}{10}$ часть гири утеряна. Тогда первоначальный вес ее был около 51 г, что составляет $\frac{1}{8}$ веса пантикапейской мины (408,81—410,32 г)². С одной стороны поверхность этой гири испорченная и неровная, с другой — плоская. В центре ее отпечатались изображение, напоминающее нижнюю половину амфоры, и над ним знак в виде двух расходящихся линий. Известно, что в аттической системе подобное изображение половины амфоры также указывает на вес гири, равный $\frac{1}{8}$ мины³.

Вторая гиря (раскоп III, квадрат 544, помещение XV, штык 6) четырехугольная (рис. 1, 2), весит она 60,4 г. Углы гири несколько округ-

Рис. 1. Металлические изделия античного поселения у с. Михайловки

- 1 — остатки бронзовых весов;
- 2 — свинцовая гиря из помещения XV;
- 3 — свинцовые гири из помещения XV;
- 4 — свинцовая гиря из помещения XII;
- 5 — свинцовая заклепка для ремонта сосудов;
- 6 — свинцовые скрепки для ремонта сосудов;
- 7 — свинцовый стержень

лены и утолщены, сохранность хорошая. На одной стороне в центре гири располагается рельефный круглый натек. Вполне вероятно, что эта капля свинца появилась как результат выверки веса гири после ее отливки. На этой же стороне гири заметны четыре круглых углубления диаметром 5—6 мм. Они расположены в вершинах прямоугольника и напоминают «квадратные числа» пифагорейцев⁴, изображавшие их в виде точек, группирующихся в геометрические фигуры. На другой стороне в центре гири слабо процарапан знак А. Этот знак и углубленные кружки имеют более позднее происхождение.

По весовой характеристике рассматриваемая гиря близка гилям в 10 драмах (60,26 г) афинской торговой мины (602,6 г).

Третья гиря (раскоп III, квадрат 544, помещение XV, штык 7) также четырехугольная (рис. 1, 3), имеет вес 34,2 г. Если считать, что примерно $\frac{1}{15}$ веса гири утрачена, то первоначальный вес ее составлял около 36,2 г, что близко гилям в 6 драмах (36,2 г) той же афинской торговой мины.

С одной стороны этой гири процарапан знак в виде пересекающихся линий. На противоположной стороне в углу нацарапаны буквы HE, в центре точками нанесены два знака: первый — в виде кружка с двумя спускающимися линиями, второй — в виде буквы А.

Таким образом, на поселении в слоях начала I—начала II в. н. э. прослеживаются два набора разновесов, существовавших на Боспоре: гири пантикапейской торговой весовой системы с миной 410 г и гири афинской

¹ См.: E. Michon. *Libra. — Ch. Daremberg et E. Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines*, III, 2. Paris, 1904, стр. 1225, рис. 4471; Л. И. Чистова. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье. — Сб. Археология и история Боспора, II. Симферополь, 1962, стр. 132—133, 230, табл. 67, 26.

² В. Д. Блаватский. О пантикапейской весовой системе. — СА, XXIII, 1955, стр. 203, 205.

³ E. Pernice. *Griechische Gewichte*. Berlin, 1894, стр. 37.

⁴ Э. Кольман. История математики в древности. М., 1961, стр. 86.

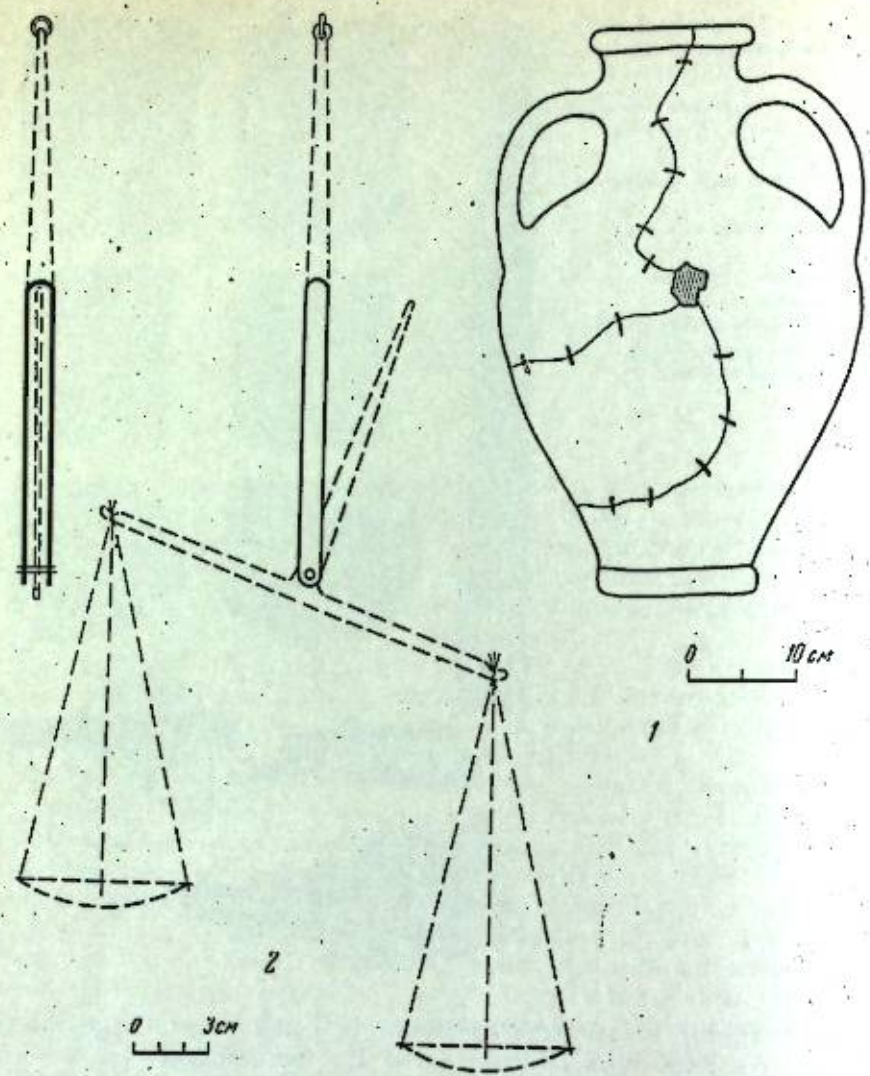

Рис. 2. Реконструкции амфоры и весов

— отремонтированная плоскодонная амфора с свинцовыми скрепами и свинцовой заклепкой; 2 — бронзовое равноплечные весы

торговой системы с миной 602,6 г. Можно предполагать, что гирьки привозились на поселение вместе с весами и предназначались для взвешивания на равноплечных весах товаров небольшого объема и веса.

Находки в слоях II—III Михайловского поселения остатков бронзовых равноплечных весов и свинцовых гирь, а также 17 медных пантикапейских монет, говорят о том, что этот район Боспорского царства в I в. до н. э.—начале II в. н. э. интенсивно участвовал в торговом обмене.

В слое III были обнаружены многочисленные обломки свинцовых скреп, употреблявшихся для ремонта разбитой керамической тары. Здесь же в 1965 г. (раскоп III, квадрат 544, помещение XV, штык 7) найдена целая скрепа с фрагментом стенки красноглиняного сосуда, покрытого зеленовато-серым ангобом (рис. 1, 6).

Эти находки дают возможность проследить процесс ремонта разбитых сосудов. В последнем случае в стенках сосуда толщиной 5 мм с наружной стороны были просверлены сквозные, суживающиеся внутрь отверстия диаметром 6 мм. Ширина скрепы и расстояние между отверстиями в амфоре равнялись 35 мм. Наружная часть свинцовой проволоки диаметром

4 мм круглая. Часть проволоки, прилегающая к сосуду, плоская, слегка оплавленная. В просверленные отверстия вставлялись концы скрепы, которые плотно соединяли сосуд по линии излома. С внутренней части сосуда к концам скреп прикреплялась плоская свинцовая проволока. Можно предположить, что она приваривалась при помощи точечного нагрева в местах соединений, в пользу чего говорит оплавленность концов скрепы.

В том же слое в 1965 г. (раскоп III, квадрат 2, помещение XIII, под завалом стен слоя III) была найдена свинцовая заклепка с кусочками стекла (толщиной 4 мм) красноглиняного сосуда (рис. 1, 5). Диаметр заклепки 35 мм, толщина ее края 2 мм. В центре между внутренней и внешней частями заклепки имеется соединяющая их ножка высотой 4 мм. Вероятно, подобные заклепки устанавливались при ремонте керамической тары, когда стенки сосуда были сильно разрушены и не могли быть соединены только скрепами. В этих случаях вначале собирались с помощью скреп части сосуда вокруг пробонны, а затем устанавливалась и расклепывалась пробонна и монтировался весь сосуд (рис. 2, 1).

Очевидно, ремонт разбитой тары в ряде случаев был рентабельней, чем приобретение новой. К тому же в античное время свинец стоил недорого. Так, в III в. до н. э. один талант свинца (около 25,9 кг) обходился в 2 драхмы 4 оболы⁵. Вес нашей свинцовой скрепы 9,6 г. Если предположить, что для ремонта такого сосуда требовалось около 20 скреп, то это будет составлять всего около 200 г свинца.

В 1965 г. в слое III (раскоп III, помещение XII, под вымосткой 8) был обнаружен обломок свинцового стержня (рис. 1, 7) длиной 62 мм, диаметром 7 мм. Вдоль одной из сторон стержень не отделен от расплавленной и бесформенной массы свинца.

Эта находка дает возможность предполагать, что на исследуемом поселении изготавливались свинцовые стержни для скреп. Расплавленный свинец из тигля переливали в глиняную форму, у которой вдоль всей верхней части проходила щель шириной 5 мм, служившая для заливки расплавленного металла и выхода воздуха и лишнего свинца. В дальнейшем готовый пруттик извлекали из формы и отбивали от бесформенной массы рубящим инструментом, следы которого частично сохранились вдоль «литейного шва». Свинцовые стержни производились различных диаметров — от 3 до 7 мм — и шли на изготовление склеп и заклепок, предназначенных для ремонта керамической тары.

⁵ M. Besnier. Plumbum. — Ch. Daremberg et E. Saglio. Dictionnaire... IV, 1. Paris, 1904, стр. 513.

И. Р. ПИЧИКЯН

АРХАИЧЕСКАЯ КАПИТЕЛЬ АНТА ИЗ КЕРЧИ

Изучение архитектурных деталей из музейных собраний показывает, что наши знания об архитектурных памятниках Северного Причерноморья еще недостаточно полны. Неизданная капитель анта архаического времени из Пантикапея является самым ранним памятником ионийского ордера городов Северного Причерноморья (рис.). Капитель находится в лапидарии Керченского музея (инв. № К3648), выполнена из местного светло-серого рыхлого известняка. Ее размеры: длина 0,41 м, высота 0,285 м, ширина 0,11 м. Венчает капитель узкий, спереди едва заметный абак, со стороны балюстры оформленный в виде полочки. В верхней плоскости абака проделан четырехугольный паз для скрепления капители с архитравом. Длина паза 0,025 м, ширина 0,025 м, глубина 0,035 м. Один завиток волюты вокруг плоского глазка с боковых сторон окаймлен полукруглыми валиками. Поверхность завитка волюты и подушки выгнутая — наиболее яркий отличительный признак архаической формы¹. Угловая пальметта типична также только для архаического времени. Пять прямых, расширяющихся к концам лепестков пальметты, тесно примыкают друг к другу. Архаична и цилиндрическая балюстра, с каждой стороны окаймленная парой широких валиков. Ширина каждого из четырех валиков 0,015 м. К сожалению, капитель сохранилась не полностью. На продольной риске абака нет центральной поперечной насечки — следовательно, правая большая часть обломана. Тыльная сторона капители стесана. Капитель или приставлялась к стене или к ней примыкала сзади подобная ей половина. После чистки на капители нам удалось обнаружить хорошо сохранившуюся ярко-красную окраску, которая покрывала угловую пальметту и валики на фасадной части.

С фрагментарностью капители связана сложность ее конструктивной интерпретации. Основной вопрос заключается в правильной постановке камня. О первоначальном положении камня волютой вниз, если это капитель анта, или волютой вверх, — если это украшение архаического алтаря, говорит форма фрагмента и обработка его поверхностей. Равномерный виток волюты, переходящий в стабильную по ширине подушку, гладкая окаймленная валиками балюстра, наличие абака вместо пальметты алтарных волют, риски на абаке, которые никогда не наносятся на нижнюю плоскость, а только на верхнюю, — все говорит о том, что это была капитель анта, обращенная вниз волютой, а вверх — абаком. Сравнение с украшающими алтари волютами подтверждает это. Опубликованная В. Д. Блаватским архаическая алтарная волюта² и волюты алтарей Аполлона Дельфиния, Дидимейона, милетского алтаря³, алтаря Посейдона на мысе

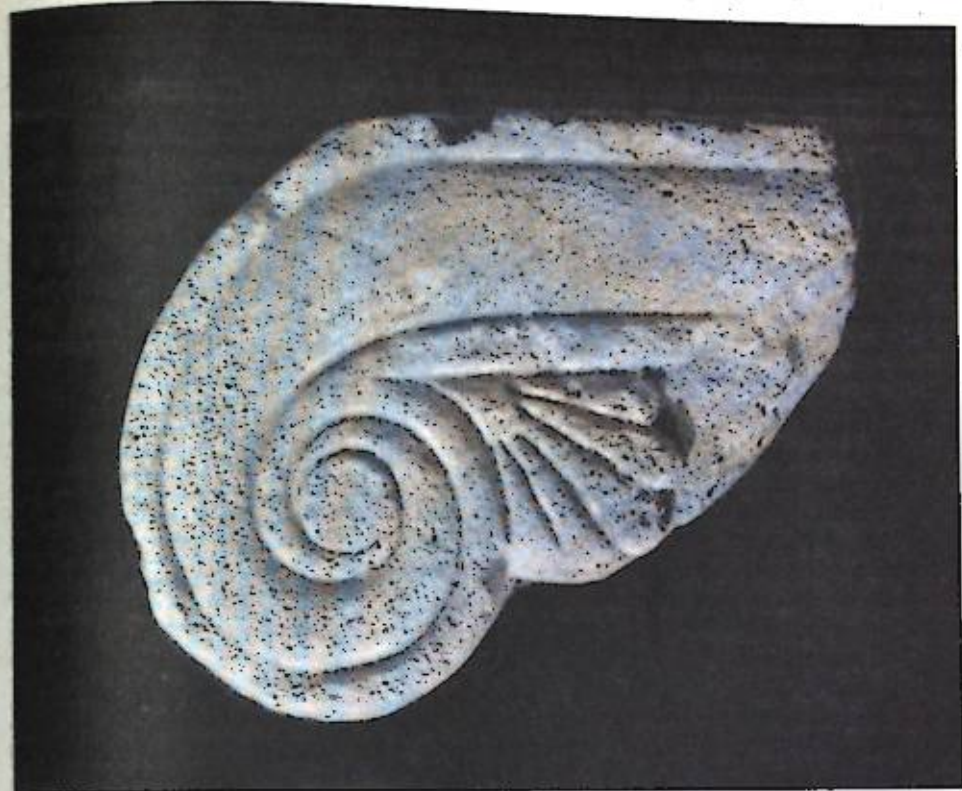

Рис. Капитель анта

Монодренда⁴ свидетельствуют, что у алтарных волют не может быть абака и балюстры. Внешние части волют у алтарных акротериев всюду прикрыты пальметтами, и волюты расположены друг к другу под прямым углом.

Аналогию конструктивному назначению капители из Керчи можно найти в декоре боковой стены входа в гробницу в Темессе на Кипре⁵. Другой вероятной аналогией может служить более ранняя капитель из Амикл⁶, реконструированная Э. Бушором⁷. Такое же консольное построение капители встречается в эллинистическое время в капителях святилища быков на Делосе (реконструкция Нено)⁸. Две последние аналогии показывают, что стилистически керченская капитель наиболее близка самосскому кругу памятников. Самая близкая аналогия керченской капители — капитель с Самоса, найденная в кладке поздней капеллы, находящейся в небольшом отдалении от Гераяона⁹. Столь же близкую аналогию мы находим в терракотовой капители храма Аполлона в Ольвии¹⁰. Сходство причерноморских капителей очень велико. Оно не только подтверждает правильность реконструкции А. Н. Карасева, но и свидетельствует о том, что архитекторы Ольвии и Пантикапея исходили, возможно, из одного прототипа. Единственный виток этих капителей, хотя и находит аналогии в средиземноморской архитектуре, но все же не настолько близкие, чтобы

⁴ W. B. Dinsmoor. The Architecture of Ancient Greece. London, 1950, стр. 140, рис. 51; М. М. Кобылина. Указ. соч., рис. 18 и 19.

⁵ W. B. Dinsmoor. Указ. соч., табл. XVIII.

⁶ E. Buschor und W. Massow. Von Amykllaion. — AM, 53, 1927, табл. XVIII.

⁷ Там же, стр. 19.

⁸ W. B. Dinsmoor. Указ. соч., рис. 105.

⁹ H. Möbius. Указ. соч., стр. 170—171, табл. XXVII.

¹⁰ А. Н. Карасев. Монументальные памятники ольвийского теменоса. — Сб. Ольвия. Теменос и агора. М.—Л., 1964, стр. 60 и сл. рис. 27 и 31.

¹ W. Alzinger. Alt Ephesos. — Das Altertum, № 13, 1, 1967, стр. 31, 33; J. Charbonneaux, R. Martin, F. Villard. Grèce archaïque. Paris, 1968, рис. 111; H. Möbius. Attische Architekturstudien. — AM, 52, 1927, табл. XXVII; Th. Wiegand. Didyma. Berlin, 1941, табл. 212; G. Daux. Chronique des fouilles 1962. Paros. — BCH, 1963, № 2, стр. 826, рис. 18.

² В. Д. Блаватский. Пантикапей. М., 1964, стр. 30, рис. 8.

³ М. М. Кобылина. Милет. М., 1965, стр. 78, рис. 22.

Н. П. СОРОКИНА

АНТИОХИЙСКИЙ РАСПИСНОЙ СОСУД ИЗ ТАНАИСА

В 1973 г. при раскопках Танаиса был найден обломок верхней части тулова стеклянного сосуда, который заслуживает особого внимания (рис. 2, 3)¹.

Судя по обломку, сосуд был сделан из опакowego стекла слегка голубоватого оттенка. Толщина стенок сосуда 2 мм. Обломок замечателен тем, что на нем сохранилась роспись эмалевыми красками. Роспись состоит из двух полос и надписи между ними. От последней сохранилась почти полностью эта и верхняя часть следующей за ней буквы. Ею могли быть эpsilon или sigma. Буквы разделены розеткой из семи точек красной краски. Точка желтой краски служит ее сердцевинной. Обрамляющие надпись полосы сделаны одинаково. Каждая из них состоит из трех полосок: верхняя и нижняя полоски нанесены коричнево-красной краской, средняя — золотой. По золоту тонкой линией прорисован темно-коричневой краской орнамент в виде волны. Буквы золотые с черно-коричневой обводкой.

Роспись стеклянных сосудов эмалевыми красками применялась довольно широко в стеклоделании Римской империи с I в. н. э. вплоть до времени ее падения². Однако сосудов, в росписи которых наряду с эмалевыми красками использовалось золото, не столь много, и обычно их выделяют особо.

В технике применения золота в стеклоделании различают два основных приема. Первый состоит в том, что тончайшую золотую фольгу заключают между двумя слоями прозрачного стекла. Такой прием был введен еще стеклоделами Египта³, но подлинного расцвета он достиг в эпоху эллинизма. Об этом можно судить по чашам типа Канозы⁴. В Причерноморье эта группа сосудов представлена чашей из Моздока⁵. В III—IV вв. н. э. техника золотой прокладки снова переживала расцвет, о чем свидетельствуют так называемые памятники fondo d'oro.

Второй прием характеризуется тем, что золото просто накладывается на поверхность готового сосуда. Для этого применяли золото в виде порошка или тончайших небольших кусочков. И в том и в другом случае для закрепления золота сосуд должен был подвергнуться прокатке при небольшой температуре⁶. Лучшим образцом расписных сосудов с позоло-

¹ Шифр обломка Т-73-IV, № полевой описи 1148. Приношу благодарность Д. Б. Шелову, предоставившему мне возможность опубликовать этот памятник.

² D. B. Harden. Glass and Glazes. — A History of Technology, II. Oxford, 1956, стр. 341 сл.; Он же. Ancient Glass. II. Roman. — The Archaeological Journal, CXXVI, 1970, стр. 50, 58; М. И. Ростовцев. Стекло и роспись в позднеэллинистического времени и история декоративной живописи. — ИАК, 54, 1914, стр. 1 сл.; стр. 119 сл.

³ C. C. Voop. Gilt Glass Beads from Caerleon and Elsewhere. — The Bulletin of the Board of Celtic Studies, v. XXII, p. 1, Nov. 1966, стр. 107.

⁴ D. B. Harden. The Canosa Group of Hellenistic Glasses in the British Museum. — JGS, X, 1968, стр. 21 ff.

⁵ Н. Качалов. Стекло. М., 1959, рис. 49.

⁶ D. B. Harden. Glass and Glazes, стр. 58.

Рис. Антиохийские сосуды
Боспора конца II — начала
III в. н. в.

1 — кувшин Дафны из Пантикапея;
2, 3 — обломок сосуда из Танаиса
(фотография и зарисовка)

той служит широко известный в литературе кувшин с изображением мифа о Дафне (рис., 1)⁷, найденный, что достойно внимания, в Пантикапее. Кроме кувшина Дафны, известно еще несколько обломков сосудов с подобной же росписью⁸. Танаисский экземпляр не только относится к этой же группе, но он особенно близок кувшину Дафны из Пантикапея. Несмотря на небольшой размер танаисского обломка удастся установить, что весь сосуд по высоте был примерно равен кувшину Дафны (22,2 см). Оба сосуда сделаны из opakового стекла; у них одинаковый колорит росписи — полосы с надписью, одна схема расположения росписи — под фризом с надписью, на основной части тулова размещалось изображение мифологического сюжета. Танаисский обломок сохранил только венчающую часть росписи с остатками букв, поэтому неизвестно, какой сюжет был выбран мастером для росписи тулова сосуда. Вряд ли он был идентичен сюжету росписи пантикапейского кувшина. Мы предполагаем это, во-первых, исходя из различия надписей на сосудах. На кувшине Дафны написано ПХΑΡΙΣ (прелесть). Остаток же второй буквы на обломке из Танаиса явно свидетельствует о другом слове, написанном мастером. Во-вторых, сюжеты мифов, использовавшихся для росписи сосудов, видимо, варьировались, и каждый сосуд был в этом плане индивидуален. Об этом можно судить хотя бы по обломку стенки кувшина из Дура-Европос⁹, который тоже примыкает к этой редкой группе памятников.

Мнения исследователей по поводу центра и времени производства кувшина Дафны едины. Его относят к изделиям одной из мастерских Антиохии конца II — начала III в. н. э. Особняком стоит только мнение М. И. Ростовцева по поводу даты сосуда. Он видел в антиохийском сосуде работу мастера I в. н. э.¹⁰ Общепринятая точка зрения по поводу времени изготовления кувшина Дафны нам представляется более правильной. Дело в том, что на Боспоре от середины II до середины III в. н. э. получают распространение кувшины, по форме очень близкие антиохийскому сосуду с росписью. Боспорские кувшины, в которых мы видим местную продукцию, хорошо датируются совместным погребальным инвента-

рем. Не исключена возможность, что боспорские стеклоделы подражали формам дорогих привозных сосудов с росписью, которые были популярны антиохийских кувшинов на Боспор.

Таким образом, коллекция стекла из Танаиса пополнилась еще одним расписным сосудом¹¹. Публикуемый памятник антиохийской работы конца II — начала III в. н. э., дополняющий редкую группу расписного стекла, еще раз свидетельствует о том, что на Боспор поступали первоклассные изделия средиземноморских ремесленников, и не только в его столицу, но и в периферийные города.

⁷ Glass from Ancient World. The R. W. Smith Collection. Corning, 1957, № 342. В работе приведена основная библиография об этом сосуде.

⁸ I. Schuler. A Note of Jewish Gold Glasses. — JGS, VIII, 1966, стр. 48 сл.

⁹ C. W. Clairmont. The Glass Vessels. — The Excavations at Dura-Europos. Final report. IV, ч. V. New Haven, 1963, стр. 34, сл., табл. XX.

¹⁰ М. И. Ростовцев. Указ. соч., стр. 21.

¹¹ Н. П. Сорокина. Стекланные сосуды из Танаиса. — Сб. Древности Нижнего Дона. М., 1965, стр. 223, 232, рис. 4, 3, 4.

О. Н. УСАЧЕВА

НАДГРОБИЯ ИЗ КЕП
С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЖЕНСКОЙ ФИГУРЫ

Со времени выхода в свет монографии Г. Кизерицкого и К. Ватцингера о греческих надгробных памятниках Южной России¹ накопилось большое число надгробий из различных пунктов Северного Причерноморья. Много их было найдено и на Таманском полуострове. Большая группа этих надгробий привлекла внимание Н. И. Сокольского, он видел в них памятники сивдского искусства².

Среди сивдской скульптуры Н. И. Сокольский выделил памятники с изображением стоящей женской фигуры. Этой группе сивдских надгробий близки надгробия, открытые в Кепях во время работ Таманской экспедиции, которой руководил Н. И. Сокольский. Известно четыре кепских надгробия с интересующим нас сюжетом. Три из них (рис., 1, 2) были найдены на территории грунтового некрополя Кеп³, одно (рис., 3) — на городище, в районе средневекового некрополя⁴.

Надгробия представляют собой прямоугольные плиты, сделанные из известняка-ракушечника.

Два надгробия, сохранившиеся полностью (рис., 1, 2), однотипны: они сделаны в виде портика здания, увенчанного фронтоном с акротериями. Сохранность надгробий средняя — они выветрены, и поверхность изображений потеряла четкость.

В центре первой стелы (рис., 1) высотой 0,5 м, шириной 0,23 м, на фоне углубленного прямоугольного поля, в невысоком рельефе изображена фронтально стоящая женщина. Она одета в ниспадающую до пят одежду. Почти всю фигуру скрывает покрывало, брошенное и на голову. Конец покрывала перекинут через опущенную левую руку, немного согнутую в локте. Кисть правой руки, гораздо больше согнутой, прижата к груди у левого плеча. Одежда облегает тело и правую ногу женщины, слегка согнутую в колене. Слева от женщины изображена служанка. На антабменте портика частично сохранилась красная краска.

На второй стеле (рис., 2) высотой 0,62 м, шириной 0,3 м, толщиной 0,15 м тоже изображена в невысоком рельефе женщина, стоящая в фас. На женщине длинное одеяние и покрывало, накинутое на голову и спадающее ниже колен. Конец плаща перекинут через правую руку, согнутую в локте и лежащую на поясе. Локоть левой руки опирается на кисть

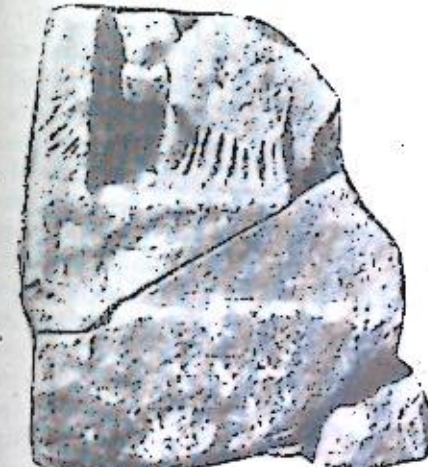

Рис. Надгробия из Кеп с изображением женской фигуры

- 1 — надгробие из могилы 82/20;
2 — надгробие из могилы 378/14;
3 — нижняя часть надгробия (находка на городище Кепы)

правой руки. Левой рукой женщина придерживает около лица край покрывала.

У третьего надгробия не хватает нижнего правого угла. Оформление его иное: прямоугольная плита без фронтона. Изображение очень похоже на изображение первой стелы.

От четвертого надгробия, сделанного также из известняка, сохранилась только нижняя часть (длина 0,71 м, ширина 0,58 м, толщина 0,15 м), расколотая на три куска (рис., 3). В углубленном поле, оформленном,

¹ С. Kieseritzky, С. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909.

² Н. И. Сокольский. Новые памятники сивдской скульптуры. — КСИА, 100, 1965, стр. 86 сл.; Он же. К вопросу о сивдской скульптуре. — Сб. Культура античного мира. М., 1966, стр. 243—258; Он же. Сивдская скульптура. — Сб. Античное общество. М., 1967, стр. 196—204.

³ Одно надгробие (рис., 1) найдено в 1961 г. при разграбленном погребении 82/20; второе (рис., 2) — в 1966 г. в подбойной могиле 378/14 I в. н. э. (оно было использовано для заклада); третье — в 1960 г. в погребении 48/19 (также являлось закладом). Все надгробия хранятся в ГИМ (инв. № 97998, 10018, 97173).

⁴ Передано в Темрюкский краеведческий музей.

Г. А. ЦВЕТАЕВА

КИРПИЧИ С ТАМГОЙ ИЗ ГОРГИППИИ

В последние годы, во время строительных работ, производимых в Анапе, и при исследовании античной Горгиппии находили хорошо обожженные кирпичи с одним и тем же повторяющимся знаком — клеймом в виде тамги (рис.). Впервые это клеймо было случайно обнаружено В. Ф. Гайдукевичем на обломках черепицы горгиппийского производства в выбросе античных черепков при постройке гостиницы¹. Остальные найдены во время исследований, проводимых Анапской археологической экспедицией под руководством И. Т. Кругликовой в 1962 г. на раскопе «Гостиница II»², в 1967 г. — на раскопе «Город»³, в 1971 г. — на раскопе «Берег III»⁴ и в 1972 г. — на раскопе «Лазурный» (ул. Свободы).

Таким образом, кирпичи с тамгой найдены в четырех различных пунктах Горгиппии. Общее количество их составляет более 20.

Клеймо на кирпиче английское, оттиснуто четким штампом по мокрой глине, анэпиграфо, представляет собой сарматский знак, одинаково воспринимаемый при его повороте. Высота знаков колеблется от 7 до 8 см, ширина от 4,7 до 5,5 см. При нанесении клейм использовались не менее четырех штемпелей, незначительно отличающихся друг от друга своими размерами, на что обратил внимание в свое время В. Ф. Гайдукевич⁵.

Кирпичи, на которых нанесено клеймо, вызывают особый интерес, так как они не имеют аналогий среди кирпичей более раннего времени. Они сделаны из местной горгиппийской глины. Преобладают кирпичи квадратной формы размерами 26×26 см, толщиной 3—4 см. Некоторые из них удлиненной формы — от одного из таких кирпичей сохранился обломок длиной 36 см. На оборотной стороне имеются вогнутые бороздки шириной в палец, идущие в один или четыре ряда в виде перекрещивающихся или волнообразных линий. Такие бороздки характерны и для фангорийской черепицы первых веков н. э. и являются отличительной особенностью керамических строительных материалов того времени, встречающихся повсеместно на территории Римской империи.

Квадратная форма, небольшая толщина и высококачественный обжиг отличают эти кирпичи от более ранних по времени и более толстых эллинистических кирпичей. Аналогии есть среди кирпичей, изготовленных по римскому эталону в местах стоянок римских легионов. Похожие по размерам кирпичи с клеймом XI Клавдиева легиона были найдены в Хараксе.

¹ В. Ф. Гайдукевич. Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времени Спартокидов. — КСИИМК, XVII, 1947, стр. 26, № 4.

² И. Т. Кругликова. Отчет о раскопках в Анапе в 1962 г. Архив ИА АН СССР, № 2501, стр. 25, альбом, рис. 53 и 54; Она же. Раскопки Горгиппии. — КСИА, 108, 1966, стр. 83.

³ И. Т. Кругликова. Раскопки Горгиппии в 1967 г. Архив ИА АН СССР, № 3558, стр. 20, рис. 83.

⁴ И. Т. Кругликова, С. А. Беллев, В. И. Пруцко, Т. М. Смирнова, Г. А. Цветаева. Работы Анапской экспедиции. — АО 1971 г. М., 1972, стр. 136; Г. А. Цветаева. Отчет о раскопках в Анапе в 1971 г. Архив ИА.

⁵ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 26.

вероятно, как и у первых двух надгробий, было помещено изображение женщины. От него сохранились крупные складки женского платья, спускающиеся до пола и закрывающие полностью ступни ног. Слева (от зрителя) стоит маленькая фигура раба или рабыни, держащей круглую коробку⁵.

Позы стоящих женщин на надгробиях близки, отличает их только положение рук. Кроме того, различно размещение на двух надгробиях маленьких фигурок слуг по отношению к главному персонажу.

Надгробия из Кеп находят аналогию среди стел, опубликованных Г. Кизерицким и К. Ватцингером⁶.

Надо думать, что тип изображенных женщин на кепских надгробиях был заимствован из репертуара средиземноморского искусства⁷.

Два надгробия были обнаружены в безымянных могилах кепского некрополя. Поэтому об их датировке на основании находок судить трудно. В этом плане больше помогают аналогии⁸. Последние позволяют говорить о том, что надгробия относятся к I в. до н. э. — I в. н. э.

Эти надгробия интересны для сопоставления их с теми, которые Н. И. Сокольский считал синдскими⁹. Их сближают общий тип оформления плит, схема изображений женских фигур, позы, расположение складок одежды. Однако надгробия из Кеп вряд ли можно на основании указанной близости включить в число образцов синдской скульптуры. От известных нам синдских надгробий кепские памятники отличает изображение служанок. Такая деталь более свойственна надгробиям общевоспорского типа. Поэтому нам кажется, что кепские надгробия относятся к группе памятников, которые могли служить образцами для синдских мастеров. При этом они не просто копировали кепские образцы, а наделили теми чертами, которые Н. И. Сокольский считал свойственными синдскому искусству.

⁶ Мы относим это надгробие к группе с изображением стоящей женщины условно; не исключена возможность, что на памятнике была изображена сидящая женщина; плохая сохранность надгробия не позволяет отдать предпочтение тому или иному мнению.

⁷ С. Kieseritsky, C. Watzinger. Указ. соч., № 304, 307, 322, 324, 389, 390.

⁸ Ср., например: М. М. Кобылина. Боспорская скульптура. — МИА, № 19, 1951, стр. 174, рис. 3, 2.

⁹ С. Kieseritsky, C. Watzinger. Указ. соч., № 304, 307, 322, 324, 389, 390.

⁵ Н. И. Сокольский. Синдская скульптура, рис. 10.

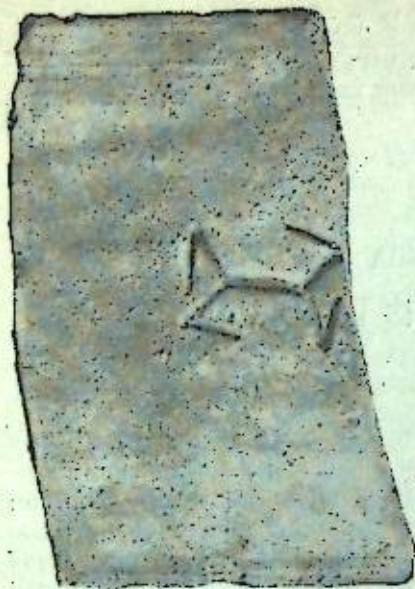

Рис. Кирпич с тамгой

Они датированы В. Д. Блаватским концом II в. н. э.⁶ Вымостки первых веков н. э. из тонких кирпичей открыты в Херсонесе⁷. Все это заставляет нас отвергнуть дату, которую предложил В. Ф. Гайдукевич, отнеся черепицу с той же тамгой, что и на кирпичях, к эллинистическому времени. В Горгиппии отдельные кирпичи были найдены или в смешанных слоях или в кладках стен. Наибольшее количество целых кирпичей с вышеупомянутыми клеймами составляли вымостку пола в постройке II в. н. э. на раскопе «Берег III». Не исключено, что эти кирпичи здесь использовались вторично. Точных аналогий такой тамге нет ни на каких других известных нам памятниках. Начертание одной из частей — верхней или нижней — встречается в других тамгах и относится, по заключению В. С. Драчука, к исконным тамгообразным знакам северопафийской периферии античного мира⁸. Так, верх-

няя часть нашего клейма повторяет верхнюю часть знаков, начертанных на мраморном льве из Ольвии⁹. Однако полной идентичности с нашим клеймом нет ни в одном из известных нам сарматских знаков. То, что знак смотрится одинаково сверху и снизу, роднит его с той группой памятников II в. н. э., которые имеют тамгообразный орнамент, состоящий из отдельных тамговых компонентов (имеются в виду ремесленные изделия — пряжки боспорского происхождения)¹⁰. Рассмотренные кирпичи с тамгой также представляют собой изделия ремесленного производства, вышедшие из керамических мастерских — эргастериев. Наличие на них штемпелей — тамг различного размера — свидетельствует о массовости производства, при котором продукция клеймилась несколькими штампами. И массовый характер продукции и высокое качество обжига вызывают предположение о том, что мастерские по изготовлению подобных кирпичей или были государственными или принадлежали крупным рабовладельцам.

У нас нет доказательств, говорящих о принадлежности клейма на кирпичях к царской тамге, однако такая возможность не исключена.

Это высококачественное и массовое производство кирпичей, подражающих римским образцам, могло сложиться или в царских предприятиях или в эргастериях тех крупных чиновников, которые находились в должности *ἐπί τῆς βασιλείας* и которые, как известно, были в Горгиппии¹¹.

Заметим, что не только производство, но и применение кирпичей соответствовало, видимо, приемам римской строительной техники: кирпичами выстилали вымостки или плоско укладывали их в каменные кладки стен¹². Таким образом, находки горгиппийских кирпичей с тамгой вписывают новые страницы как в историю местного производства, выпускавшего продукцию по современным ему передовым образцам, распространенным в Римской империи, так и в историю процесса варваризации Горгиппии, о чем свидетельствует замена греческого клейма сарматской тамгой.

⁶ В. Д. Блаватский. Харакс. — МИА, № 19, 1951, стр. 253, рис. 4, б.

⁷ Г. Д. Белов. Северный прибрежный район Херсонеса. — МИА, № 34, 1953, стр. 19.

⁸ В. С. Драчук. Системы знаков Северного Причерноморья. Канд. дисс. Архив ИА АН СССР, № 2106, табл. III.

⁹ Н. Мурзакевич. Ольвийские древности. — ЗООИД, т. III, 1853, стр. 247, табл. VI; Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, стр. 169, № 189.

¹⁰ Производство археологических раскопок в Таврической губернии в 1890 г. — ОАК за 1890 г., стр. 34.

¹¹ ИАК, 37, 1910, стр. 38; № 2; А. И. Болтунова. Надпись под статуей из Горгиппии. — СА, VII, 1941, стр. 115.

¹² Как, например, в стене 14, Береговой III. Горгиппия. Архив ИА. Отчет за 1971 г.

И. Г. ШУРГАЯ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РАЙОН ИЛУРАТА

Материалы из открытых к настоящему времени кварталов Илурата освещают многие вопросы культуры Боспора в первые века н. э. и прежде всего боспорской хоры¹. Три больших участка, раскрытых в северо-восточном, северо-западном и юго-западном районах города, находятся в окраинных кварталах Илурата, непосредственно примыкавших к оборонительным стенам. На этих участках удалось детально исследовать особенности илуратского домостроительства, подробности бытовой и хозяйственной жизни илуратцев, их идеологию — искусство и культы и пр. Таким образом, многие важнейшие стороны культуры крупного поселения боспорской хоры достаточно ярко характеризуются раскопочными материалами.

Вместе с тем многие не менее значительные вопросы еще требуют решения. Это и система оборонительных сооружений, частично раскрытых только со стороны города, и характер прилегающей к городу местности, и главным образом планировочная структура Илурата. Сохранность строительных остатков и возможность их полного раскрытия позволяют реконструировать градостроительную систему города. Это безусловно ценно для изучения боспорского градостроительства вообще, хотя Илурат по планировке не имеет прямых аналогий среди других боспорских городов.

С целью исследования планировочной структуры города в 1972 г. в центре городища был заложен новый раскоп. Выбор места для нового участка (V) диктовался направлением двух главных улиц Илурата, отрезки которых были прослежены ранее на участках III и IV. Эти улицы, наиболее широкие из известных илуратских улиц, непосредственно связанные с двумя городскими воротами, пересекались под прямым углом приблизительно в центре городища и делили его на четыре больших района, состоящих из серий кварталов.

Улица шириной 5 м (участок IV), идущая от юго-западных ворот в центр городища, условно именуется Большой продольной улицей; менее широкая (в пределах участка III — 3,5 м) улица, ведущая к юго-восточным воротам, названа Большой поперечной.

В центре городища, где по данным глазомерной съемки предполагалось пересечение двух важнейших улиц, был заложен участок V и в течение раскопочного сезона вскрыта площадь более 200 кв. м (рис. 1). Здесь открыты перекресток улиц и четыре квартала, выходящих на перекресток, два из которых частично раскопаны.

В пределах участка V Большая продольная улица раскрыта на протяжении 10 м. Ширина ее та же, что и на участке IV — 5 м. Большая поперечная улица вскрыта на отрезке в 15 м, но ширина ее на исследуемом участке оказалась большей, чем на участке III, и не одинаковой в разных

местах: у северо-западного борта раскопа — 3,60 м, у юго-восточного — 4,50 м.

Возле стены, ограждавшей помещение, открытое в юго-восточной части раскопа (помещение Б), со стороны Большой поперечной улицы обнаружена *in situ* гряда крупных вытянутых плит, уложенных в один ряд. Ширина и длина плит различна — 0,80×0,50 м; 0,50×0,60 м; высота всех их одинакова — около 0,40 м. По-видимому, это остатки тротуара (рис. 2, 1, 2). Два крупных известняковых блока, также найденных *in situ*, расчищены возле северо-западного конца стены 2 помещения А, т. е. на противоположной стороне улицы. Это, очевидно, тоже остатки тротуара, аналогичного описанному выше, но разобранного в позднейшее время.

Тротуары в Илурате фиксируются впервые. В наиболее оживленной центральной части города сооружение тротуаров понятно. Необходимость в них возрастала в дождливую погоду, когда поверхность проезжей части

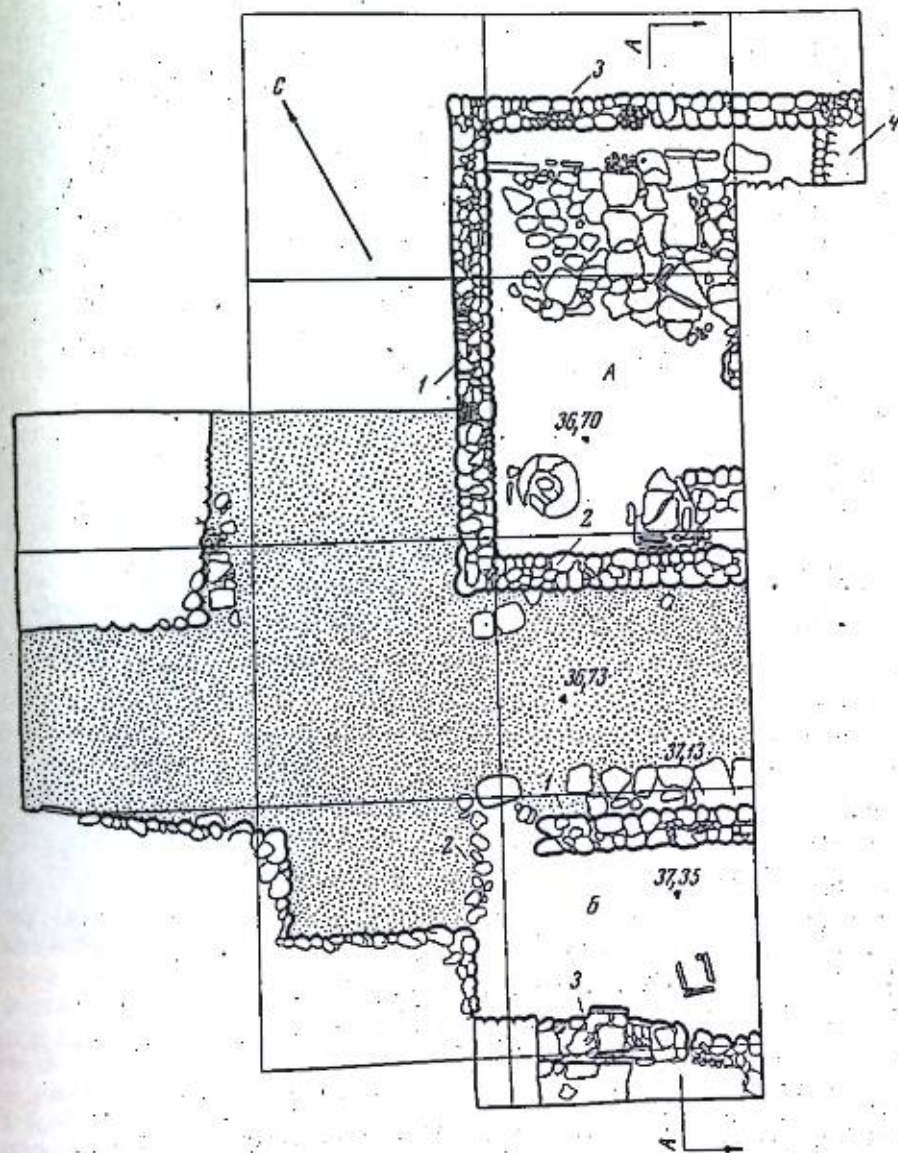

Рис. 1. План раскопа на участке V
Поверхность улиц и перекрестка отмечены точками

¹ Результаты исследований Илурата в 1948—1953 гг. опубликованы В. Ф. Гайдукевичем. См.: МИА, № 85, 1958, стр. 9—148. Итоги раскопок в 1954—1960 гг. подготовлены к изданию в книге «Боспорские города» (т. III).

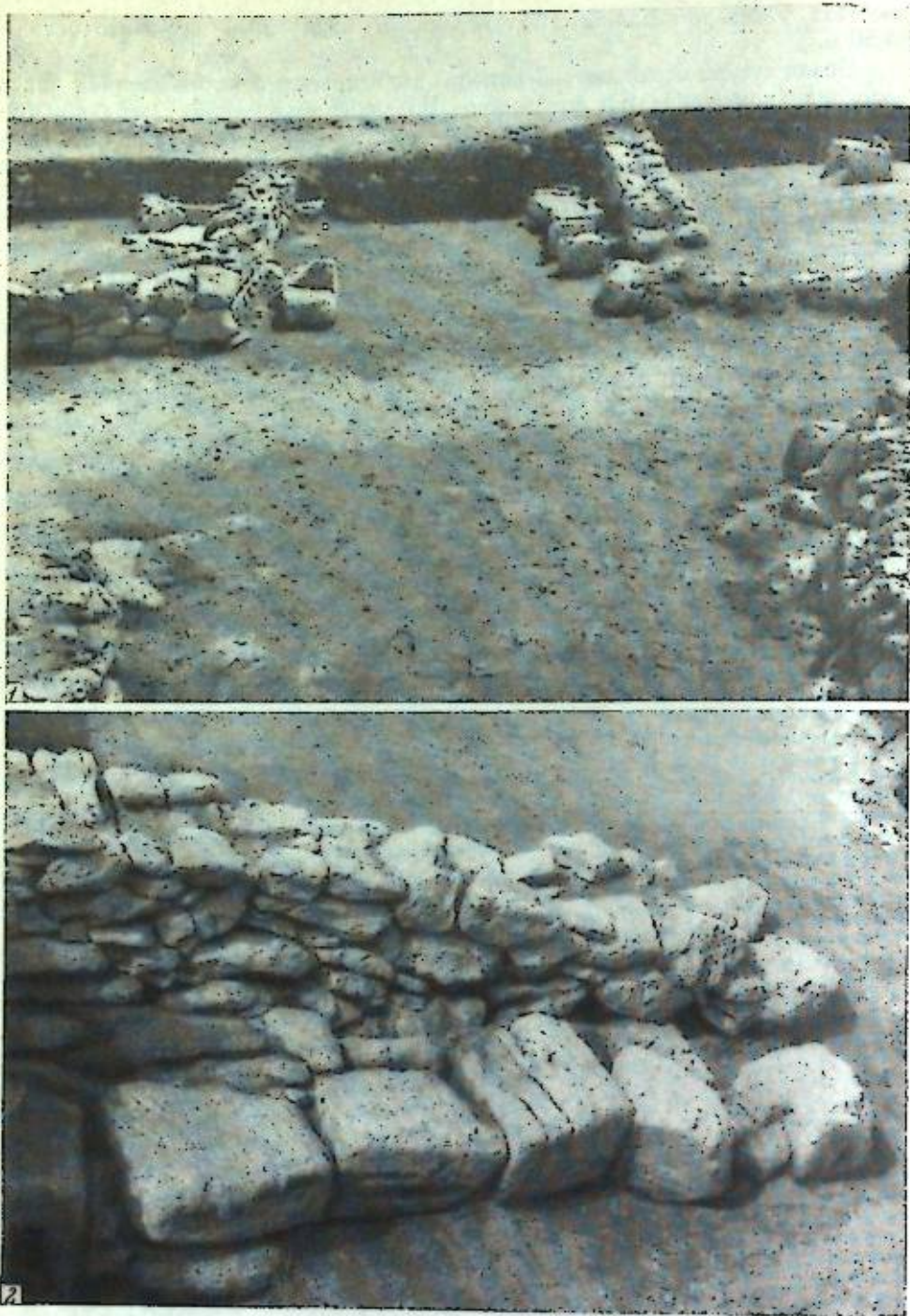

Рис. 2. Раскоп и перекресток улиц

1 — вид с северо-запада. Слева помещение А, справа помещение Б; 2 — тротуар на улице возле помещения Б

улицы, состоящая из утрамбованной глины вперемежку со щебенкой, становилась вязкой и труднопроходимой.

До начала работы в центральной части Илурата можно было гадать, была ли в этом месте площадь, или ввиду экономии городской территории строители города ограничились перекрестком. Раскопки показали, что вто-

рое предположение более верно: вместо площади в центре города оказался перекресток двух улиц. По-видимому, в какой-то другой части города была просторная площадь, являвшаяся городским центром, который мог не совпадать с геометрическим центром города. Но несомненно, что местоположением перекрестка двух основных магистралей, прямо связанных с городскими воротами, было особенно важным, учитывая основную функцию Илурата как города-крепости. С перекрестка город хорошо просматривался во всех четырех направлениях и в поле зрения прежде всего оказывались городские ворота.

К востоку от перекрестка раскопано помещение А площадью $8,5 \times 6,5$ м. Сохранность стен помещения плохая, наибольшая высота юго-западной стены (2) не превышает 0,70 м. Стены сложены из бута на глине, толщина их 0,70 м. В северо-восточной части помещения сохранилась вымостка площадью $4,50 \times 4$ м, покрывавшая в древности пол помещения целиком. Стремясь придать поверхности пола горизонтальное положение, строители здания в северо-восточной части помещения уложили плиты в несколько рядов, снивелировав, таким образом, уклон пола помещения А к северо-востоку.

У северо-восточной стены помещения А расчищены остатки загородки из вертикально вкопанных в пол плоских плит. Сохранились лишь четыре плиты загородки (высота плит 0,50 м), которая тянулась вдоль всей стены.

В южном углу помещения оказалась зерновая яма грушевидных очертаний, выдолбленная в скале на глубину 1,60 м. В западном углу помещения А найден вкопанный в землю пифос. Его высота (без венчика) 1,12 м. Помещение А — одно из самых больших в Илурате. Его длина по фасаду со стороны Большой продольной улицы равна 9,5 м и, таким образом, соответствует общей ширине помещений 31 и 34 на участке III. Совпадает и направление стен названных помещений участка III с направлением юго-западной и северо-восточной стен помещения А. Помещение А являлось крайним в квартале, который отделялся Большой продольной улицей от квартала, находящегося по другую сторону этой улицы и в значительной мере раскопанного в пределах участка III.

К югу от помещения А вдоль Большой поперечной улицы исследовалось помещение Б вытянутых очертаний. Раскопана большая часть помещения площадью $5,50 \times 3,50$ м. Но юго-восточная, еще не раскрытая стена помещения хорошо прослеживается в рельефе почвы, что позволяет определить общую площадь помещения, равную 22,75 кв. м.

Сохранность стен помещения Б плохая. Северо-западная стена (2), за исключением некоторых камней нижнего ряда кладки, почти не сохранилась, юго-западная стена (3) сохранилась на высоту 0,50 м. Такова же сохранившаяся высота северо-восточной стены (1) от уровня пола помещения. Высота этой же стены от уровня мостовой Большой поперечной улицы 1,12 м. Таким образом, пол помещения Б лежал на 0,62 м выше уровня мостовой улицы, а северо-восточная стена помещения одновременно была и подпорной стеной террасы. На полу помещения найдены многочисленные обломки белой штукатурки, перекрытые пластинами камки — следами рухнувшей кровли. Культурный слой в помещении интенсивно насыщен золой с мелкими включениями угля. Особенно значительной оказалась концентрация золы в центре помещения. Здесь, на небольшом (высота 0,25 м) возвышении, образовании зольными напластованиями, обнаружена загородка из трех вертикальных плит. Высота плит около 0,50 м, длина 0,50 и 0,75 м. Загородка и пространство возле нее также были засыпаны золой (рис. 3, 1).

В загородке обнаружены две грубо вылепленные от руки статуэтки, а рядом с загородкой — обмазанный гипсом сосуд вытянутых очертаний на четырех ножках. «Сосуд» (И/72-91), изготовленный из слабо обожженной глины, был покрыт слоем гипса, а затем раскрашен охрой. Необычна

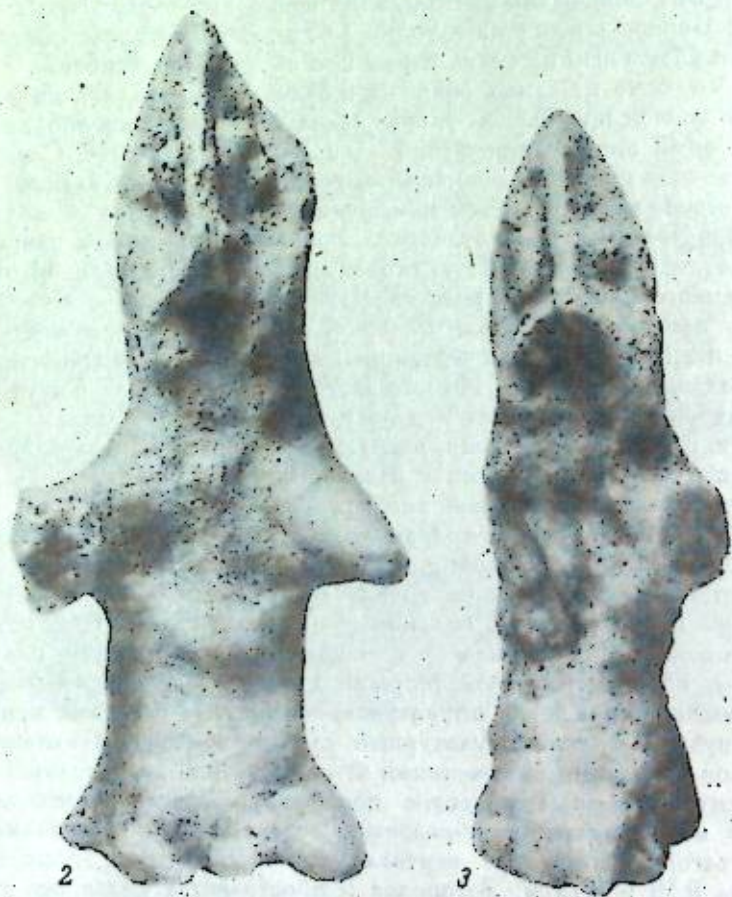
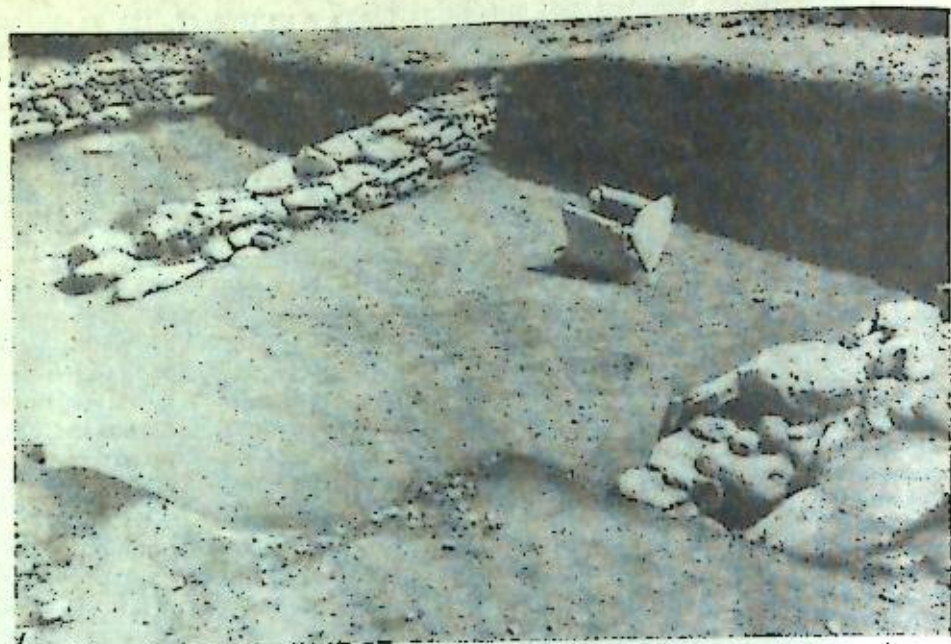

Рис. 3. Помещение Б

1 — алтарь; 2, 3 — терракотовые статуэтки из помещения Б

форма сосуда, да и само наименование «сосуд» довольно условно. Его вместительность вытянутых очертаний имеет слабо выступающий пологий бортик высотой 0,5 см. Длина «сосуда» 10 см, ширина 5 см, высота 2 см. Форма предмета, слабый обжиг, непрочность гипсового покрытия и раскраски исключают возможность практически использовать его в качестве сосуда. Он бесспорно имел ритуальное назначение.

Безусловно, с культом связаны и две статуэтки. Они совершенно одинаковы, слегка различаясь лишь размерами: высота одной (И/72-89) 8 см, другой (И/72-90) 7 см.

Сохранность первой статуэтки, представляющей собой сидящую фигурку с вытянутыми ногами и руками, хорошая (рис. 3, 2). В левой руке фигурка держит круглый предмет. Условно передано лицо статуэтки, сделанное щипком, отчего получились большой резко выступающий вперед треугольный нос и сходящая на конус голова. Глаза переданы круглыми налепами. Нижняя часть тулова статуэтки сглажена, чтобы статуэтка могла держаться вертикально.

У второй статуэтки отбита правая рука с частью тулова, и в изломе хорошо просматривается состав глиняного теста, в котором много пустот (рис. 3, 3). В составе теста имеются крупинцы неорганического вещества, по-видимому, кварца. В древности обе статуэтки были покрыты гипсом и ярко раскрашены в красный цвет, как об этом свидетельствуют крупинки охры поверх остатков белой обмазки.

Терракотовые статуэтки такого примитивного облика, часто находимые на сельских поселениях европейского Боспора, в Илурате встречены впервые. Наиболее полная публикация аналогичных статуэток сделана И. Т. Кругликовой², доказавшей их тесную связь с культом женского земледельческого божества³.

Загородка из плит, в которой обнаружены сосуд и статуэтки, также имела прямое отношение к культу. Почти во всех помещениях Илурата имеются плитовые сооружения разнообразного характера. Это загородки, используемые то как ясли, то как лари для хранения припасов⁴. Постоянно встречаются загородки меньших размеров для содержания в них мелких домашних животных, хранения предметов обихода и т. п.⁵ В одних и тех же приемах использования плоских плит в качестве строительного материала в Илурате сооружались печи⁶, столы⁷, опоры лестничных площадок⁸. Таким образом, сооружения из плит не трактуются однозначно. В понимании характера плитовых сооружений играют роль условия находки: местоположение в помещении, инвентарь. Открытая в помещении Б загородка, учитывая ее местоположение в центре помещения на зольном холме, находки культовых статуэток и ритуального сосуда, может быть воспринята только как алтарь.

В процессе функционирования алтарь, стоящий на небольшом зольном возвышении, оказался целиком засыпанным золой, скопления которой образовали холм, занявший значительную часть помещения. Радиус его основания составляет около 1,50 м.

Резонно поставить вопрос, не было ли помещение Б целиком отведено для нужд культа? Никаких хозяйственных сооружений в его раскрытой части не найдено, тогда как большая его часть была занята зольником.

² См.: Терракоты Северного Причерноморья. — САИ, вып. Г1-11, 1970, стр. 100.

³ Там же, стр. 109—110.

⁴ Например, загородки в помещениях 17, 37 (участок I), в помещениях 22, 28 (участок III). См.: В. Ф. Гайдукевич. Илурат. — МИА, № 85, 1958, стр. 71, 94, 123, 134.

⁵ Там же, стр. 87, 104; И. Г. Шурляя. Раскопки в юго-западной части Илурата. — КСИИ, 124, 1970, стр. 64, рис. 26, 1, 2.

⁶ В. Ф. Гайдукевич. Илурат, стр. 76—77.

⁷ Там же, стр. 52, 115.

⁸ Там же, стр. 48, рис. 33, 6.

В помещении Б найдены четыре бронзовые боспорские монеты⁹, две из которых, сильно стертые (И/72-95; И/72-98), относятся ко времени не позднее середины II в. н. э. Две другие монеты датируются точно: одна (И/72-94) с надчеканкой Савромата II относится к 174—186 гг. н. э., другая (И/72-99) — двойной денарий Инсифимея — к 234—239 гг. н. э.

Находки монет позволяют датировать культовый комплекс помещения Б, который возник скорее всего в первое столетие существования Илурата, во всяком случае не позднее середины II в. н. э., и прекратил существование вместе с городом.

В помещении Б фрагментов амфор, лепной керамики, костей домашних животных найдено значительно меньше, чем в помещении А. Вместе с тем в помещении Б встречены осколки стеклянных сосудов, фрагмент облицовочной плитки из зеленого камня.

Среди многочисленных плит, извлеченных из завала, интересны две плиты с изображениями сарматских знаков и вполне реалистическим рисунком лошади, сделанным резцом.

А. Н. ЩЕГЛОВ

НЕКРОПОЛЬ У ПЕСОЧНОЙ БУХТЫ
БЛИЗ ХЕРСОНЕСА

В 1963 г. в районе Песочной бухты при строительстве был выявлен новый херсонесский некрополь раннеэллинистического времени. Наблюдение за земляными работами и расчистка могил проводились Л. Г. Колесниковой и автором.

Некрополь находился на плато в верховье широкой ложбины, спускающейся к восточному отрогу Песочной бухты, в 450—500 м к югу от последней и в 400 м к юго-западу от юго-западной линии крепостных стен Херсонеса (куртин 7—9 с башнями V—VIII, по общепринятой нумерации А. Л. Бертье-Делагарда). Некрополь располагался вдоль грунтовой дороги, которая шла от юго-западных ворот Херсонеса к наделам на Гераклеяском полуострове и поселению на Маячном полуострове — старому Херсонесу Страбона.

Могилы некрополя размещались рядами вдоль дороги, по четыре-пять рядов с каждой стороны. Всего раскрыто 57 погребений, из которых 30 находились в грунтовых могилах с обрядом труположения и 27 — в урнах с обрядом кремации. Оба названных обряда сосуществовали на всем протяжении времени использования участка некрополя. Об этом говорят перекрестные случаи впуска урн в грунтовые могилы и перекрывающие урн могилами.

Первую категорию погребений составляют труположения. Могильные ямы, как правило, неглубокие — 0,3—0,7 м от современной поверхности¹; иногда ямы слегка суживаются к ногам. Их борта нередко облицовывались камнем, при этом в обкладке использовались отходы камнетесного производства: известняковые отесы и сколы, бракованные строительные детали (обломки квадров — один из них с пирроном для Г-образного кляммера) и надгробия. В конструкции двух могил (4 и 54) употреблены даже совершенно целые плиты — постаменты под антропоморфные надгробия. В некоторых случаях могилы были перекрыты каменными плитами или керамидами херсонесского производства. Следы деревянного гроба зафиксированы только в одном погребении (49).

Умерших хоронили в вытянутом положении, на спине, головой по преимуществу (62% погребений) на северо-восток, юго-запад и погребенных в каждом ряду ориентированы на юго-восток, юго-запад и северо-запад. Руки укладывали вдоль туловища или левую вытягивали вдоль тела, а правую слегка сгибали в локте так, что фаланги кисти у кодыков оказывались лежащими в области лобковых костей таза. Вторая деталь обряда свойственна женским захоронениям.

В большей части захоронения производились без вещей. В шести могилах обнаружены две небольшие чашечки-«солонки» (обе при погребениях мужчин), красноглиняный бальзамарий второй половины IV — первой

⁹ Монеты определены К. В. Голенко.

¹ Надо учитывать, что здесь постоянно происходит смыл почвы в ложину.

половины III в. до н. э.², кольцо и пряжка поясного набора, швейная игла и два перстня (все при женских погребениях). На массивном овальном бронзовом щитке одного из перстней (могила 31) вырезан мужской портрет (рис. 1)³. По определению О. Я. Неверова⁴, это портрет Птолемея II Филадельфа. Таким образом, изготовление перстня может быть отнесено ко времени между 285 и 246 гг. до н. э. Но в могилу он попал позже, так как в ней была найдена херсонесская медная монета с изображением головы Девы в лавровом венке на лицевой стороне и лежащей лани — на

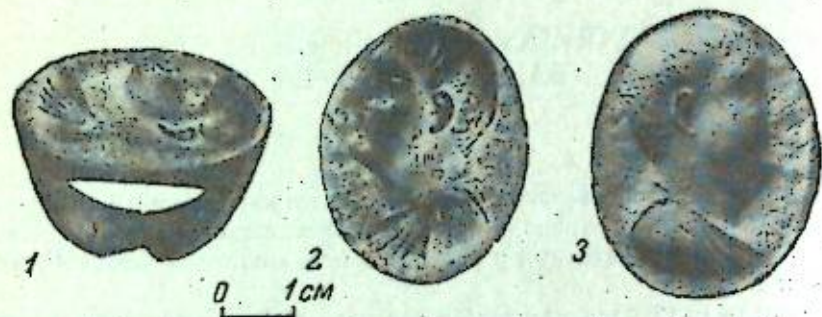

Рис. 1. Бронзовый перстень с портретом Птолемея II Филадельфа из могилы 31
1, 2 — перстень; 3 — оттиск

оборотной, датируемая А. Н. Зографом II в. до н. э.⁵ Монета имеет совершенно нестертый рельеф и острый гурт. Она попала в могилу несомненно вскоре после чеканки.

«Обол Харона» клади далеко не всем умершим. Вместе с упомянутой в погребениях с труположениями найдено восемь медных монет, причем семь из них сильно потертые в обращении⁶. Две монеты обнаружены в одном погребении (48) над черепом и коленными сочленениями, в трех могилах (35, 38, 47) монеты были положены в ладонь правой руки (все захоронения мужчин), в одном погребении (4 — женщины) — у локтя левой руки, в одном (31) — между коленями. Выделяется захоронение 18. Здесь «обол Харона» был завернут в обертку, сплетенную из травы, и вложен в левую руку.

Над некоторыми погребениями были замечены остатки тризны в виде слабо прослеживающихся золистых пятен, содержащих очень измельченные пережженные осколки керамики, как правило, неопределимые; только в золистом пятне могилы 6 удалось собрать половину разбитого в древности чернолакового канфара второй половины IV — первой половины III в. до н. э.

Представляют интерес захоронения 43 и 47. В первом из них над костями стоп находилось фрагментированное антропоморфное известняковое надгробие характерного для Херсонеса типа. Во второй могиле с по-

² Тип см.: В. Schlöb-Vierneisel. Eridanos-Nekropole. — AM, 81, 1966, табл. 60, 4, 5; 61, 3; U. Knigge. Eridanos-Nekropole. — Там же, стр. 124 и сл.; С. И. Капошина. Некрополь в районе поселка им. Войкова близ Керчи. — МИА, № 69, 1960, стр. 137, рис. 39.

³ Очень близок портрету на керченском перстне из собрания Эрмитажа (ДБК, табл. XVIII, 12; М. И. Максимова. Резные камни. — АГСП, стр. 443, табл. 2, 1). Еще один перстень с близким портретом найден А. К. Коровиной в некрополе Фанагории. Пользуюсь случаем выразить ей свою признательность за любезно переданный мне слепок с этой находки.

⁴ О. Я. Неверов. Группа эллинистических бронзовых перстней в собрании Эрмитажа. — ВДИ, 1974, № 1, стр. 108. Благодарю автора за согласие исследовать портрет на перстне.

⁵ А. Н. Зограф. Античные монеты. — МИА, № 16, 1951, стр. 150, табл. XXXVI, 6. Все определения монет выполнены А. М. Гилевич.

⁶ Тип см.: А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXV, 10.

гребением мужчины у костяка в области седьмого шейного позвонка лежал железный трехлопастный втульчатый наконечник стрелы. Несомненно, здесь был похоронен убитый. Погребение датируется монетой и наконечником стрелы временем не позже первой половины III в. до н. э. По эпиграфическим данным известно о стычках жителей Херсонеса с окрестными варварами в III в. до н. э.⁷ Не исключено, что человек, похороненный в могиле 47, погиб во время одного из набегов варваров.

Вторую категорию погребений составляют захоронения праха в урнах. В большинстве случаев (78%) умерших сжигали на стороне, но иногда (22%) кремление производилось непосредственно на месте захоронения. В процессе кремации и тризны в погребальный костер бросали различную посуду, вероятно с пищей, и совершали возлияния. Растрескавшаяся в жаре огня и разлетевшаяся на множество мельчайших обломков чернолаковая и простая керамика, перемешанная с золой, мелкими древесными угольками и обгоревшими костями животных (иногда среди них попадались кости и зубы человека), составляет основное содержание золистых пятен, оставшихся на месте кремации. В пятне погребения 26 собрано 2915 раздробленных и обгоревших осколков чернолаковых киликов, канфаров и чашечек (28,3%), рыбных тарелок (21,4%), «солонок» (19,3%), небольших светлоглиняных кубков с крышечками (16,3%), простых кувшинчиков (6,2%), чернолаковых и простых лекифов (5,4%), плоских тарелочек (1,9%) и светильников (1,2%). Здесь же найдены мелкие обгоревшие кости животных, раковины мидий и три человеческих зуба.

После сожжения прах умершего собирали в урну вместе с теми предметами, которые были при нем (перстень, нож, монета и т. д.). Во многих случаях урны закрывали свинцовыми или каменными крышками. Затем в центре кострища выкапывали небольшую (глубиной 0,4—0,6 м) округлую в плане яму, куда и опускали урну с прахом. В двух погребениях стенки ямы были облицованы камнем, причем, как и в грунтовых могилах, здесь для облицовки использованы отходы камнетесного производства. Иногда рядом с урной помещали какой-нибудь предмет: гуттус, рыбное блюдо, пирамидальное грузило. Яму с урной засыпали золой с погребального кострища. Когда захоронение производили не на месте сожжения, то яму тоже засыпали золой, принесенной с кострища.

В качестве урн использовались гидрии, реже амфоры (рис. 2; 3) — плоскодонные или остродонные (гераклейская, херсонесская). В погребении 37 урной служила, по-видимому, амфора типа Солоха I. От нее сохранилась часть горла и ручки со сколотым трехстрочным ретроградным клеймом.

Как исключение в погребении 41 урной послужила, по-видимому, прямоугольная деревянная шкатулка размерами около 0,2×0,3 м, скрепленная по углам медными гвоздями с широкими шляпками. Сама шкатулка не сохранилась; форма и размеры ее восстанавливаются по пятну тлена и положению гвоздей.

Отличается от остальных и погребение 2/3. Здесь над урной (гераклейской амфорой, положенной на бок) было устроено из поставленных на ребро известняковых плит надмогильное сооружение в виде квадратного ящика с внутренними размерами 0,6×0,65 м. Ящик впущен в землю на всю высоту стоящих плит (0,35 м). Дно его составляла вымостка из мелких отесов известняка на глине, перекрывавшая урну.

Внутри урн, как и в грунтовых могилах, вещей почти нет. Найдено всего две монеты, три перстня, два ножа, две швейные иглы и несколько гвоздиков. При трех погребениях обнаружены части от погребальных венков.

Выделяются погребения 30, 30а и 34. В первых двух возле урн были положены небольшая чернолаковая чашечка-«солонка» с графитом на дне

⁷ См., например: IOSPE, I², № 343.

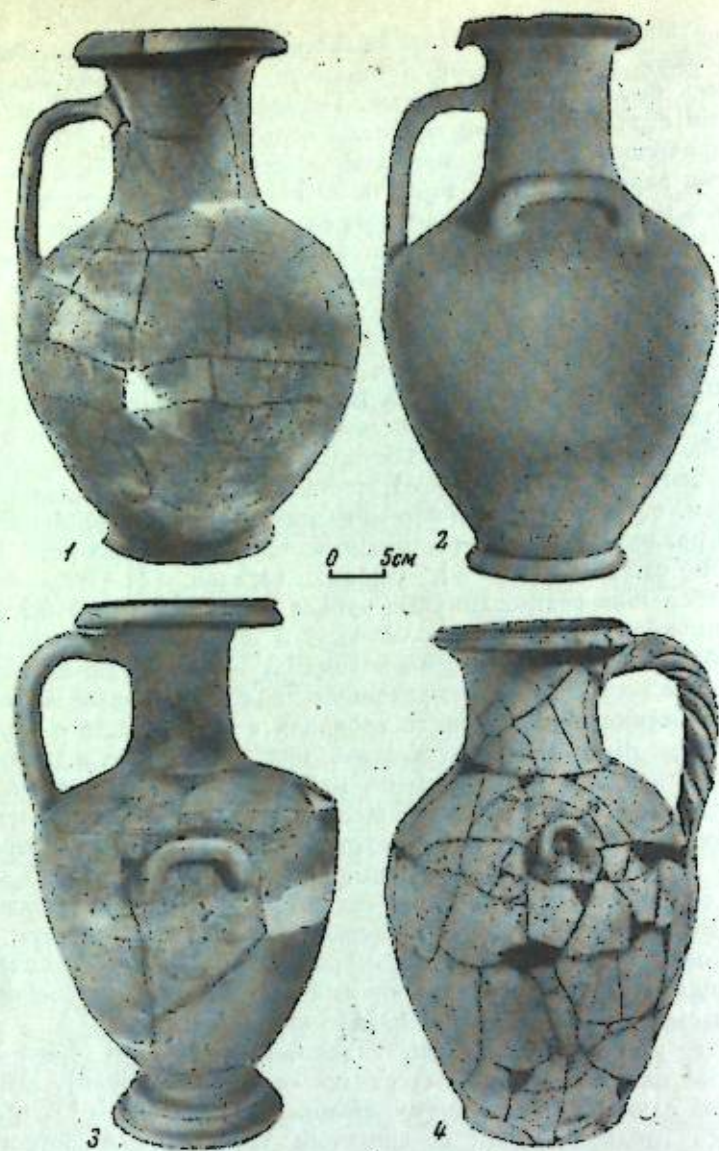

Рис. 2. Урны

1—ваза из могилы 10; 2—4—гидрии (2—из могилы 25; 3—из могилы 34; 4—из могилы 32)

и чернолаковое рыбное блюдо, а также несколько терракотовых статуэток, среди которых особенно хороши фигуры стоящей женщины и актера (рис. 4, 1, 4). Обе урны — привозные гидрии, по-видимому, александрийского происхождения (рис. 3, 9).

Урной для погребения 34 служила привозная тонкостенная гидрия из коричневато-красной хорошо отмученной глины; на ее поверхности кое-где сохранились следы белой облицовки (рис. 2, 3; 3, 5). Гидрия была закрыта свинцовой крышкой. На ней и внутри вазы лежали части погребального венка из позолоченной меди. Плоды в венке сделаны в виде терракотовых позолоченных шариков, насаженных на медные проволоочки. Внутри гидрии среди пережженных костей находились небольшой железный нож, железный перстень с овальным щитком, гвоздик с широкой шляпкой и медная херсонесская монета очень плохой сохранности⁸.

⁸ Тип см.: А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXV, 10.

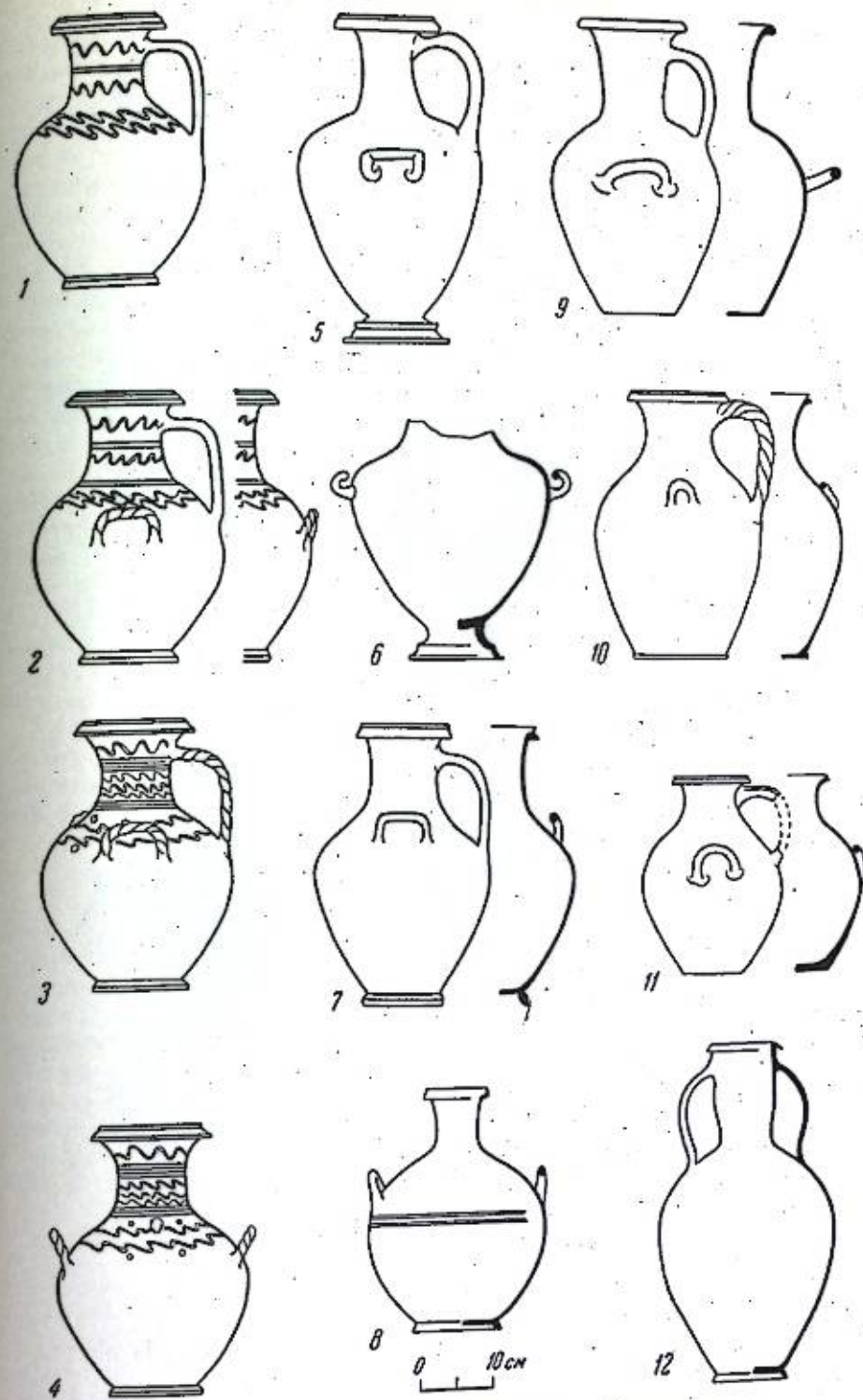

Рис. 3. Урны из некрополей Херсонеса и Керкинитиды

1, 5—12—некрополь у Песочной бузты (1—из могилы 10, 5—из могилы 34, 6—из могилы 15, 7—из могилы 25, 8—из могилы 42, 9—из могилы 30, 10—из могилы 32, 11—из могилы 27, 12—из могилы 28); 2—Керкинитиды; 3, 4—покрополь Херсонеса (раскопки 1901 г.)

Рис. 4. Терракотовые статуэтки из могил 30—30а

1 — стоящая женщина; 2 — женская головка; 3 — фрагмент протомы Деметри; 4 — актер

Очень редким вариантом ваз является урна погребения 10 (рис. 2, 1; 3, 1). Это сосуд, повторяющий форму гидрии, но без боковых горизонтальных ручек, выполненный из желтовато-серой глины. Поверхность его покрыта темно-серым ангобом, на горле и плечах — врезной волнистый орнамент. Вертикальная ручка плоская с невысоким гребнем. Мне известны еще только две находки близких ваз в Северном Причерноморье. Одна из них — гидрия — случайно обнаружена в 1955 г. на территории некрополя Керкинитиды (рис. 3, 2)⁹, другая — тоже гидрия — во время раскопок некрополя Херсонеса в 1901 г. (рис. 3, 3, 4)¹⁰. Все три сосуда происходят из одной мастерской; все найдены на территории Херсонесского государства, и все использованы в качестве погребальных урн. В урне погребения 10 на пережженных костях сохранились отпечатки ткани простого (холщового) переплетения, а также, по-видимому, остатки кожаной обуви.

Некрополь у Песочной бухты даст новые материалы об александрийском импорте в Херсонес. Кроме упомянутого перстня с изображением Птолемея II Филадельфа, это прежде всего три гидрии, служившие урнами в погребениях 30, 30а и 33 (рис. 3, 9). Их форма, пропорции и размеры, а также особенности глины и покрытия характерны для одного из вариантов ваз Гадра. Наиболее близки нашим по форме и размерам гидрия из Метрополитен-музея, отнесенная Р. Пагенштегером к первой четверти III в. до н. э.¹¹, и гидрия из Одесского музея, изданная И. Г. Шургай¹². К вазам стиля Гадра, вероятно, относится и расписная амфора с шаровидным туловом, служившая урной для погребения 42 (рис. 3, 8). Она находит прямые аналогии в некрополе Шатби¹³ и может быть датирована первой половиной III в. до н. э.¹⁴

Во время раскопок некрополя найдено всего 12 монет. Все они херсонесские медные. 10 экземпляров относятся к одному типу: с изображением квадриги с Девой, держащей факел, на лицевой стороне и обнаженного бородатого коленопреклоненного воина с круглым щитом и копьем в руках — на оборотной. А. Н. Зограф первоначально датировал эти монеты началом последней четверти — предпоследним десятилетием IV в. до н. э.¹⁵, но позднее отодвинул эту дату к 350—330 гг. до н. э.¹⁶ А. М. Гилевич предполагает, что кратковременная чеканка монет этой серии производилась в начале последней трети IV в. до н. э.¹⁷ Монеты указанного типа из некрополя очень сильно потерты, что могло произойти только в результате длительного обращения. Вполне вероятно, что здесь, как и на других участках херсонесского некрополя, в качестве «оболы Харона» обычно использовались монеты, уже вышедшие из обращения¹⁸, и поэтому сами по себе они в большинстве случаев не могут служить твердым основанием для датировки погребений.

В целом весь набор материала из некрополя у Песочной бухты позволяет датировать его в пределах конца IV—III в. до н. э.; при этом боль-

⁹ Хранится в Евпаторийском музее.

¹⁰ Могила 1154. См.: ОАК за 1901 г. СПб., 1903, стр. 45, рис. 82; К. К. Косцюшко-Валюжнич. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. — ИАК, 4, 1902, стр. 106, сл., рис. 53.

¹¹ R. Pagenstecher. Dated Sepulchral Vases from Alexandria. — AJA, XIII, 1909, стр. 406, 408, табл. IX, 1.

¹² И. Г. Шургай. Импорт Александрии в Северном Причерноморье. — ВДИ, 1965, № 4, стр. 129, рис. 1.

¹³ E. Breccia. La necropoli di Sciabbi. — Le Cairo, 1912, I, № 79; II, табл. XLIII, 59.

¹⁴ R. Pagenstecher. Указ. соч., стр. 401; И. Г. Шургай. Указ. соч., стр. 134, рис. 6.

¹⁵ А. Н. Зограф. Две группы херсонесских монет с заимствованными типами. — ИГАИМК, V, 1927, стр. 387.

¹⁶ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 148, 243, табл. XXXV, 10.

¹⁷ А. М. Гилевич. Кучук-Мойнакский клад херсонесских монет IV—III вв. до н. э. — НЭ, VIII, 1970, стр. 6.

¹⁸ А. М. Гилевич. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса. — НС, 3, Киев, 1968, стр. 39.

шая часть погребений может быть отнесена к первой половине III в. до н. э. Единственное позднее погребение в могиле 31, о которой говорилось выше, совершено во II в. до н. э., если верна дата монеты, предложенная А. Н. Зографом.

В процессе раскопок было выявлено несколько погребальных ансамблей, которые представляли собой участки с рядом последовательных захоронений, вероятно взрослых членов одной семьи. Оказалось возможным выделить две основные группы погребений, различия между которыми можно объяснить, по-видимому, некоторой разницей социального и имущественного положения погребенных. Погребения первой группы располагались в двух наиболее удаленных от дороги рядах. Они более однородны и относительно богаты. Здесь преобладал обряд кремации, и только здесь производилось сожжение умерших на месте погребения. Вторая группа менее компактна и однородна и относительно бедна. Умерших этой группы хоронили в трех первых рядах от дороги; преобладала ингумация.

Очень большое количество отходов камнетесного производства, использованных для устройства могил, заставляет предполагать наличие в этом районе мастерских камнерезов и, возможно, поселка каменщиков, которому мог принадлежать некрополь. Известно, что к юго-востоку от Херсонеса в это же время существовал поселок виноделов с размещенным возле него некрополем¹⁹, а непосредственно за юго-восточной линией крепостных стен находился Внешний Керамик Херсонеса²⁰. Если наше предположение правильно, то можно говорить о трех специализированных ремесленно-производственных центрах, располагавшихся в IV—III вв. до н. э. вокруг города, — керамическом, винодельческом и камнетесном.

¹⁹ С. Ф. Стрелецкий. Раскопки 1939 г. у Карантина вблизи Херсонеса Таврического. — ХС, IV, 1948; Он же. Клеры Херсонеса Таврического. — ХС, VI, 1961, стр. 192 сл.

²⁰ В. В. Борисова. Керамическое производство античного Херсонеса (по материалам раскопок вгастерней конца IV—II в. до н. э.). Автореф. канд. дисс. Л., 1966, стр. 4 и сл.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА КАРАСЕВА (1902—1972)

29 июня 1972 г., немного не дожив до своего 70-летия, после тяжелой продолжительной болезни скончался известный специалист по античной археологии Северного Причерноморья Александр Николаевич Карасев.

Вся жизнь А. Н. Карасева была связана с Ленинградом. Здесь он родился в 1902 г., здесь закончил среднее образование в 1920 г. и пошел добровольцем на Балтийский флот. С теплым чувством всегда вспоминал он свою жизнь среди моряков — романтика морской жизни была ему близка; здесь выработывался его характер — прямой, открытый, бескомпромиссный. С Балтфлота А. Н. Карасев был откомандирован в Фототехнический институт, затем перешел в Высшую школу летчиков-наблюдателей, а в 1923 г. поступил в Институт гражданских инженеров, где определился его интерес к архитектуре. В 1925 г., еще находясь на действительной службе, Александр Николаевич поступил на археологическое отделение Ленинградского университета и навсегда связал свою жизнь с археологией, отдав бескорыстному служению горячо любимому им делу более 45 лет. И в осажденном Ленинграде, в тяжелейших условиях блокады, Александр Николаевич продолжал свой труд, пока его не оставили силы.

Учителем А. Н. Карасева в университете был Б. В. Фармаковский. Его занятиями по архитектурным обмерам руководил Н. Б. Бакланов. Им Александр Николаевич был обязан тем, что стал блестящим полевым исследователем и крупным специалистом по архитектуре античных памятников Северного Причерноморья.

В 1928 г. А. Н. Карасев поступил практикантом в ГАИМК, и с тех пор вся его деятельность до конца жизни была связана с ГАИМК—ИИМК—ЛОИА АН СССР.

Александр Николаевич Карасев был ярким и талантливым полевым исследователем. Он в избытке обладал столь необходимыми для этого неисчерпаемым энтузиазмом и умением зажигать его в своих соратниках, интуицией, фантазией и вместе с тем трезвостью мышления. Он был абсолютно чужд косности, консерватизма, что позволяло ему постоянно искать новые пути и совершенствовать методику своей работы.

Его полевая деятельность началась еще в 1925 г., когда он впервые принял участие в раскопках Херсонеса. С 1926 г. он в течение 45 лет был неутомимым раскопщиком Ольвии. Его энергия полевого исследователя была поистине огромной: «послужной список» Александра Николаевича Карасева насчитывает 60 экспедиций, куда помимо основных — Ольвийской Карасева насчитывает 60 экспедиций, куда помимо основных — Ольвийской (здесь он провел 34 полевые кампании), Тавро-скифской (Неапольский отряд) и Чайкинской, — входят также Херсонесская, Таманская и Керченская, Черкес-Керменская и Эски-Керменская, Фархадская, Никопольская и Староладожская.

Богатейший опыт первоклассного полевого исследователя обеспечил А. Н. Карасеву превосходное умение анализировать строительные остатки, разбираться в сложнейшей стратиграфии городских напластований, давать интересные и убедительные реконструкции архитектурных памятников.

А. Н. Карасев

Это умение с особой силой сказалось в главных его трудах, основанных на проведенных им раскопках ольвийских теменоса и агоры, среди которых особенно значительно исследование «Монументальные памятники ольвийского теменоса». Другая его большая работа, посвященная зданию суда на ольвийской агоре, пока, к сожалению, не опубликована.

Серия работ А. Н. Карасева посвящена исторической топографии Ольвии («Планы Ольвии XIX в. как источник для исторической топографии города», «Оборонительные сооружения Ольвии», «К вопросу о водоснабжении Ольвии», большое неопубликованное исследование «Историческая топография Ольвии»).

Широкой известностью пользуются его обобщающие статьи «Развитие строительного-каменотесного ремесла в античных городах Северного Причерноморья», «Архитектура» и «Дома античных городов Северного Причерноморья» (совместно с Е. И. Леви). Все эти работы уже выдержали проверку временем и еще долго будут служить образцом тщательности и всесторонности исследования строительных остатков.

В последние годы своей жизни А. Н. Карасев наряду с исследованиями Ольвии вел широкие раскопки греческой фактории у санатория «Чайка» около Евпатории. Написанная им большая работа об этом интереснейшем и уникальном памятнике также не успела увидеть свет при жизни автора. К сожалению, до сих пор не опубликовано и другое капитальное исследование А. Н. Карасева — «Оборонительные сооружения Неаполя скифского». Подготовка к печати всех этих работ является неперенным долгом его соратников и учеников.

Особо следует отметить громадный труд, который Александр Николаевич постоянно затрачивал на графическую фиксацию памятников и последующее оформление чертежей, рисунков и реконструкции. Эта работа всегда отнимала у него львиную долю времени наряду с подробнейшими отчетами о работах Ольвийской и Чайкинской экспедиций. Будучи тяжело больным, он продолжал кропотливо приводить в порядок свой огромный графический архив, который еще сослужит неоценимую службу его преемникам в раскопках.

Александр Николаевич Карасев воспитал и обучил целый ряд отличных полевых работников, в его экспедициях прошли первую практику многие студенты из разных городов, ныне успешно работающие самостоятельно. Он искренне и горячо любил молодежь, умел заразить ее своим интересом и любовью к археологии, и молодежь отвечала ему тем же — она всегда видела в нем не только строгого и требовательного руководителя, но и заботливого наставника, товарища и друга.

Александр Николаевич был очень отзывчив. За советом и помощью в тех вопросах, в каких он был признанным и непревзойденным знатоком, к нему постоянно обращались очень многие специалисты, и он всегда был готов бескорыстно поделиться всем своим опытом и знаниями. Он был добрым и хорошим товарищем, сердечным и веселым другом, принципиальным и бескомпромиссным человеком, всегда требовательным к себе и другим. Таким его навсегда запомнят его друзья, соратники и ученики.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ А. Н. КАРАСЕВА

- К вопросу о водоснабжении Ольвии. — СА, VII, 1941.
 Б. В. Фармаковский (биографическая справка, составленная А. Н. Карасевым). — КСИИМК, XXII, 1948.
 Оборонительные сооружения Ольвии. — КСИИМК, XXII, 1948.
 Раскопки Неаполя скифского в 1948 г. — ВДИ, 1950, № 4.
 Раскопки Неаполя скифского. — КСИИМК, XXXVII, 1951.
 Раскопки Неаполя скифского в 1950 г. — КСИИМК, XLIX, 1953.
 Культурные сооружения в северной части ольвийской агоры. — КСИА АН УССР, 1955, № 4.
 Архитектура (краткий очерк). — АГСП, I, 1955.
 Дома античных городов Северного Причерноморья (в соавторстве с Е. И. Леви). — АГСП, I, 1955.
 Планы Ольвии XIX в. как источник для исторической топографии города. — МИА, № 50, 1956.
 Основные результаты работ на ольвийской агоре в 1953 г. — КСИИМК, 63, 1956.
 Ольвийская агора. По раскопкам 1946—1957 гг. (в соавторстве с Е. И. Леви). — СА, 1958, № 4.
 До питання про найдавніші вали і рови Ольвії. — АП УРСР, т. VII, 1958.
 Развитие строительного-каменотесного ремесла в античных городах Северного Причерноморья (VII—I вв. до н. э.). — В кн.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1949.
 Раскопки ольвийской агоры и теменоса (в соавторстве с Е. И. Леви). — В кн.: Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М., 1962.
 Раскопки на городище «Чайка» близ Евпатории. — КСИА, 95, 1963.
 Монументальные памятники ольвийского теменоса. — В кн.: Ольвия. Теменос и агора. М.—Л., 1964.
 Раскопки городища у санатория «Чайка» близ Евпатории в 1963 г. — КСИА, 103, 1965.
 Работы Ольвийской экспедиции ЛОИА в 1960—1962 гг. (в соавторстве с Е. И. Леви). — КСИА, 103, 1965.
 Результаты раскопок у санатория «Чайка» близ Евпатории. — В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1965.
 Раскопки у санатория «Чайка» в Евпатории. — АО 1965 г. М., 1966.
 Раскопки на городище «Чайка». — В кн.: Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1965 г. М., 1966.
 Раскопки городища «Чайка» в Евпатории. — АО 1966 г. М., 1967.
 Работы Ольвийской экспедиции (в соавторстве с Е. И. Леви). — АО 1970 г. М., 1971.
 Раскопки ольвийской агоры в 1967—1969 гг. — КСИА, 130, 1972.
 Б. В. Фармаковский и Ольвия [Рукопись. В печати].
 Итоги исследования Ольвии после Б. В. Фармаковского (1927—1970) (в соавторстве с Е. И. Леви) [Рукопись. В печати].
 К вопросу о водоснабжении ольвийского гимназия. — КСИА, 143, 1975.
 Раскопки ольвийской агоры в 1970 г. (в соавторстве с Е. И. Леви). — КСИА, 143, 1975.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА СОКОЛЬСКОГО
(1916—1973)

19 августа 1973 г. после тяжелой и длительной болезни ушел из жизни один из известных археологов нашей страны, доктор исторических наук, заведующий сектором античной археологии Института археологии АН СССР Николай Иванович Сокольский. Советское антиковедение лишилось талантливого и страстного исследователя памятников античной археологии. Смерть прервала его жизнь в период активной, увлеченной научной деятельности, когда творческие силы ученого достигли наивысшего подъема, обещая новые важные открытия в области любимой им науки. Уже будучи тяжело больным, он был полон творческой энергии, строил планы дальнейших работ, готовил свою экспедицию к новому полевому сезону...

Н. И. Сокольский родился 21 апреля 1916 г. в с. Передел Медынского района Калужской области. В 1936 г. он поступает в Московский институт философии, литературы и истории им. Н. Г. Чернышевского (ИФЛИ), который с отличием заканчивает в 1941 г. по специальности история древнего мира. После окончания института он был направлен на работу в университет г. Молотов, в котором работал преподавателем-ассистентом по древней истории, после чего был откомандирован в должности референта в молотовский Облсполком. В 1943 г. Н. И. Сокольский был призван в ряды Советской Армии и направлен в одно из пехотных училищ. После окончания училища он едет командиром взвода на 1-й Украинский фронт. В 1944 г. он вступает в ряды Коммунистической партии. С 1945 по 1954 г. Николай Иванович преподавал в Военном институте иностранных языков. Все свободное время Н. И. Сокольский отдавал занятиям археологией. Без отрыва от преподавательской деятельности он написал диссертацию «Военное дело Боспора», которую успешно защитил в 1954 г. В том же году он был уволен с военной службы в запас в чине капитана и поступил на работу в ИИМК АН СССР, в котором он проработал до последнего дня своей жизни.

Уже в своей кандидатской диссертации, в которой был собран и исторически интерпретирован громадный материал по истории военного дела Боспора, Н. И. Сокольский показал себя вполне зрелым, хорошо подготовленным исследователем, способным блестяще решать сложные исторические проблемы на основе сопоставления археологических источников с данными античной письменной традиции. Наиболее важные положения этой работы были опубликованы им в целом ряде научных статей: «Боспорские мечи», «Валы в системе обороны европейского Боспора», «К вопросу о наемниках на Боспоре...»

В Институте археологии полностью проявились основные качества Н. И. Сокольского как талантливого ученого и блестящего полевого исследователя, оставившего после себя более 80 научных работ по различным вопросам истории античного мира на территории Северного Причерноморья: он был мастером тонкого, кропотливого исследования вещевого материала, способным к широким обобщениям, постановке и освещению больших исторических проблем, что особенно ярко проявилось в его до-

кладах на отечественных и зарубежных научных конференциях и конгрессах в Москве, Эрфурте (1958 г.), Пловдиве (1962 г.), Париже (1963 г.), Будапеште (1965 г.), Клуже (1972 г.) и в статьях «Историческая роль античных государств Северного Причерноморья» (в соавторстве с Д. Б. Шеловым), «Взаимоотношения античных государств и племен Северного Причерноморья», «Гуны на Боспоре» и др.

Н. И. Сокольский был опытным полевым исследователем и прекрасным организатором экспедиционных работ. Он участвовал во многих экспедициях (раскопки Фанагории, Каменского городища на Днестре, Тмутаракани, Гермонассы, Пантикапея, Аполлонии Иллирийской и др.), где приобрел большой опыт раскопной деятельности, и это позволило ему осуществить широкие археологические исследования на Таманском полуострове. Он стал организатором Таманской археологической экспедиции, работы которой по-новому осветили историю этого важного и богатого в археологическом отношении района с эпохи бронзы до раннего средневековья. Можно с уверенностью сказать, что только благодаря его энергии, организаторским способностям и таланту полевого исследователя эти работы ознаменовались рядом выдающихся открытий, которые получили мировую известность и по праву вошли в золотой фонд советской археологии. Мы имеем в виду раскопки Кеп, давшие интересный материал по истории этого античного города, исследование укреплений с сырцовыми стенами и башнями, находки памятников синдской скульптуры, храмового комплекса у пос. «За Родину». Были раскрыты ранее неизвестные страницы истории Боспора и сделаны важные исторические выводы. Ценным вкладом в советскую археологическую науку явились монографии Н. И. Сокольского «Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья», «Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья», которые заполнили существенный пробел в мировой научной литературе по истории античной культуры и несомненно станут настольными книгами всех антиковедов. Рукопись последней работы была успешно защищена Н. И. Сокольским в 1970 г. в качестве докторской диссертации. В начале 1971 г. он возглавил сектор античной археологии ИА АН СССР, руководителем которого оставался до последнего дня своей жизни. Н. И. Сокольский активно участвовал в общественной жизни института, неоднократно избирался секретарем партбюро ИА АН СССР, проявил себя умелым и энергичным организатором.

Н. И. Сокольский был опытным и неутомимым популяризатором достижений советской археологии: о результатах полевых археологических исследований он написал целый ряд статей в местных и центральных газетах и в различных журналах, прочитал большое количество популярных лекций, неоднократно выступал по центральному телевидению; весной 1973 г. он совершил поездку в ФРГ, где сделал ряд научных докладов о достижениях советской археологии. Он уделял большое внимание подготовке молодых научных кадров: многие археологи-античники прошли хорошую полевую школу в Таманской экспедиции. Человек большого мужества, борющийся до последних минут жизни с тяжелым недугом, никогда он не оставался равнодушным. Болезнь и смерть прервали плодотворную научную и общественную жизнь Николая

Н. И. Сокольский

Ивановича. От нас ушел человек, беспредельно преданный археологии, неутомимый труженик и энтузиаст. Таким он навсегда останется в памяти друзей и коллег.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Н. И. СОКОЛЬСКОГО *

- Рец. А. С. Башкиров. Антисейсмизм древней архитектуры, т. III. Калинин, 1948. — ВДИ, 1949, № 2.
- Рец. Всеобщая история архитектуры. Архитектура древнего Рима. М., 1948. — ВДИ, 1950, № 2.
- Рец. Сб. Советская археология, т. IX—X. М.—Л., 1947. — ВДИ, 1950, № 1.
- Рец. M. Lanneu. Recherches sur les armées hellénistiques, t. I. Paris, 1949. — ВДИ, 1953, № 3.
- Боспорские мечи. — МИА, 1954, № 33.
- Военное дело Боспора. Автореф. канд. дисс. М., 1954.
- О боспорских щитах. — КСИИМК, 58, 1955.
- О периоде эллинизма в Северном Причерноморье. — ВДИ, 1955, № 4.
- Suprîvire la perioada elenistică ju literalul de Nord al Mării Negre. — В кн.: Analele romîno-sovietice. Seria istorie. Bucureşti, 1956, apr.-iun., № 2.
- Историческая роль античных государств Северного Причерноморья (в соавторстве с Д. Б. Шеловым). — В кн.: Научная конференция, посвященная истории и археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Тезисы докладов. М., 1956.
- Очерки по истории СССР, т. I. М., 1956. [Участие в написании главы VII].
- Валы в системе обороны европейского Боспора. — СА, XXVII, 1957.
- Находки на вершине горы Бориса и Глеба на Таманском полуострове. — СА, 1957, № 1.
- О разработке истории античных государств Северного Причерноморья. (Конференция в Институте истории материальной культуры Академии наук СССР). — ВДИ, 1957, № 4.
- Рец. А. Л. Монгайт. Археология в СССР. М., 1955. — СА, 1957, № 3.
- К вопросу о наемниках на Боспоре в IV—III вв. до н. э. — СА, XXVIII, 1958.
- Рец. J. Liversidge. Furniture in Roman Britain. London, 1955. — СА, 1958, № 4.
- Земляной склеп на горе Митридат. — СА, 1959, № 3.
- Историческая роль античных государств Северного Причерноморья (в соавторстве с Д. Б. Шеловым). — В кн.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.
- Раскопки античного поселения около станицы Таманской. — КСИИМК, 74, 1959.
- Боспорские глиняные шкатулки. — ЗОАО, т. 1 (34), 1960.
- Раскопки в Кепях в 1957 году. — КСИИМК, 78, 1960.
- Августа Претория. — СИЭ, т. 1, 1961.
- Античный город. (2-я конференция антиковедов). — ВДИ, 1961, № 2.
- Арпин. — СИЭ, т. 1, 1961.
- Взаимоотношения античных государств и племен Северного Причерноморья. — В кн.: Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes. Berlin, 1961.
- Отчет о командировке в Венгерскую Народную Республику. М., 1961.
- Работы в Кепях в 1958 г. — КСИА, 83, 1961.
- Раскопки в Кепях в 1959 г. — КСИА, 86, 1961.
- Раскопки Пантикаея (1956—1958 гг.). — КСИА, 83, 1961.
- Рец. Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 1—3. Одесса, 1957—1960. — СА, 1961, № 2.
- Боскорсале. — СИЭ, т. 2, 1962.
- Каменные крышки амфор. (По материалам археологических раскопок боспорского города Кепы в 1959—1960 гг.). — КСИА, 89, 1962.
- Каменные ядра из Пантикаея. — МИА, № 103, 1962.
- Курсы из Кеп. — СА, 1962, № 2.
- Раскопки в Кепях в 1960 г. (Из работ Таманского отряда Института археологии Академии наук СССР). — КСИА, 91, 1962.
- Вилла Адриана. — СИЭ, т. 3, 1963.
- Гильдесгеймский клад. — СИЭ, т. 4, 1963.
- К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху. — Acta antiqua Philippopolitana. Studia archaeologica. София, 1963.
- Кепы. — В кн.: Античный город. М., 1963.
- Крепость на городище у хутора Батарейка I. — СА, 1963, № 1.
- Раскопки городища Кепы в 1961 г. (Из работ Таманской археологической экспедиции). — КСИА, 95, 1963.
- Афродита Таманская. — Искусство, 1964, № 7.

- Город Кепы и крепости Фанталовского полуострова. — В кн.: Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 г. М., 1964.
- Погребение V в. в Кепях. — СА, 1964, № 4.
- Раскопки на Таманском полуострове. — Художник, 1964, № 8.
- Святлище Афродиты в Кепях (Таманский полуостров). — СА, 1964, № 4.
- Кепы. — СИЭ, т. 7, 1965.
- Новые памятники сиридской скульптуры. — КСИА, 100, 1965.
- Раскопки в Кепях в 1962 г. — КСИА, 103, 1965.
- Excavations on the Taman Peninsula. The City of Sepi. — Archaeology, 1965, v. 18, № 3.
- La sculpture sinde. — В кн.: Le rayonnement des civilisations grecque et romaine sur les cultures périphériques. Paris, 1965.
- Далекое прошлое Тамани. — Наука и жизнь, 1966, № 1.
- Ильичевское городище. (По материалам Таманской археологической экспедиции). — СА, 1966, № 4.
- К вопросу о сиридской скульптуре. — В кн.: Культура античного мира. М., 1966.
- Находки эпохи бронзы на Таманском полуострове. — АО 1965 г. М., 1966.
- Раскопки в северо-западной части Таманского полуострова. — АО 1965 г. М., 1966.
- Раскопки города Кепы и его некрополя в 1957—1963 гг. (в соавторстве с Н. П. Сорокиной). — Ежегодник ГИМ за 1963—1964 гг. М., 1966.
- Достижения археологической науки в РСФСР. — СА, 1967, № 3.
- Исследования северо-западной части Таманского полуострова. — АО 1966 г. М., 1967.
- Крепость на поселении Батарейка II. — КСИА, 109, 1967.
- Патраэй. — СИЭ, т. 10, 1967.
- Сиридская скульптура. — В кн.: Античное общество. М., 1967.
- Гушны на Боспоре. (По археологическим источникам). — В кн.: Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. Budapest, 1968.
- Керамическая мастерская в Кепях. — АИКСП.
- Клад 1962 г. из Кеп (в соавторстве с К. В. Голенко). — НЭ, VII, 1968.
- Работы Таманской экспедиции (в соавторстве с Н. П. Сорокиной). — АО 1967 г. М., 1968.
- Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. — САИ, вып. Г1-17, 1969.
- Двадцать пять лет работы сектора античной археологии Института археологии АН СССР (1943—1968 гг.). — ВДИ, 1969, № 1.
- О гончарном производстве в азиатской части Боспора. (По материалам археологических исследований). — КСИА, 116, 1969.
- Работы Таманской экспедиции. — АО 1968 г. М., 1969.
- Раскопки Патрея (в соавторстве с Р. А. Стручалиной). — АО 1968 г. М., 1969.
- Виноделане в азиатской части Боспора. (На материале археологических раскопок). — СА, 1970, № 2.
- Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971.
- Работы Таманской экспедиции (в соавторстве с В. С. Долгоруковым, Н. П. Сорокиной, Р. А. Стручалиной). — АО 1970 г. М., 1971.
- Раскопки в Кепях в 1970 г. — В кн.: Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971.
- Раскопки городища у поселка «За Родину» (в соавторстве с С. А. Беляевым, Ю. М. Десятчиковым, Э. Я. Николаевой, Н. П. Сорокиной). — АО 1971 г. М., 1972.
- Судьба Хрисалиска. (К истории Боспора I в. до н. э.). — В кн.: Тезисы докладов на сессии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. М., 1972.
- Фанагорийский склеп. (По материалам археологических раскопок). — КСИА, 130, 1972.
- Земляной склеп в поселке Сенная. — КСИА, 133, 1973.
- Надгробие сиридского воина из Кеп. — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
- Работы Таманской экспедиции. — В кн.: Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973, стр. 250—251.
- Куль Афродиты в Кепях конца VI—V вв. до н. э. — ВДИ, 1973, № 4.
- Третий Патрейский клад (в соавторстве с Р. А. Стручалиной, К. В. Голенко). — В кн.: Античный мир и археология, II, Саратов, 1974.

* Составитель И. М. Зарецкая.

ПАМЯТИ МАРИИ ИВАНОВНЫ МАКСИМОВОЙ

23 марта 1973 г. после тяжелой болезни, немного не дожив до своего 88-летия, в Ленинграде скончалась Мария Ивановна Максимова — крупнейший специалист по истории античной культуры. М. И. Максимова принадлежала к числу последних представителей той блестящей плеяды ученых-антиковедов, которые благодаря своей глубокой всесторонней подготовке к изучению античной культуры в самом широком смысле этого слова обладали поистине энциклопедическими знаниями. Яркое представление об этом дают прежде всего основные труды М. И. Максимова, столь различные по направлениям, но всегда одинаково высококомпетентно и блестяще выполненные. Монография «Античные фигурные вазы» (1916)¹ и множество статей, посвященных исследованию разнохарактерных памятников античного искусства, принадлежат перу крупного и тонкого искусствоведа. Перевод и комментарии «Анабасиса» Ксенофонта (1951) — плод труда превосходного филолога. «Артюховский курган» и ряд статей о курганных древностях Юга СССР — результат творчества прекрасного и глубокого знатока археологии и истории искусства. Наконец, в книге «Античные города Юго-Восточного Причерноморья» (1956) в наибольшей степени проявилась широкая эрудиция и синтетичность знаний Марии Ивановны — здесь она выступает в равной мере и как яркий и строгий историк, и как археолог, и как филолог, и как искусствовед. Все эти работы выдержали проверку временем, все они в полной мере сохраняют и сегодня свое значение и еще надолго останутся незаменимыми высокими образцами истинно научного подхода к решению тех проблем, которым они посвящены.

М. И. Максимова родилась 17 апреля 1885 г. в Петербурге. По окончании в 1909 г. Историко-Филологического факультета Высших Женских (Бестужевских) курсов она была командирована за границу для дальнейшего совершенствования и подготовки к научным занятиям. В годы, предшествовавшие первой мировой войне, М. И. Максимова училась у крупнейших специалистов в университетах Бонна и Берлина, совершила ряд длительных путешествий в Грецию, Италию, Францию, Англию, где знакомилась с археологическими памятниками и изучала коллекции богатейших музейных собраний Европы. Тогда же ею была подготовлена диссертация на соискание степени доктора философии, защиту которой пришлось отложить из-за начавшейся войны. Вернувшись на родину в первые дни войны, М. И. Максимова сразу же активно включилась в научную работу. С 1914 г. она — научный сотрудник Эрмитажа. И с тех пор до последних дней жизни ее научная работа была теснейшим образом связана с изучением разнообразных памятников, хранящихся в этой богатейшей сокровищнице шедевров мирового искусства.

В 1916—1917 гг. Мария Ивановна сдала магистерские экзамены, а в 1918 г. защитила диссертацию на степень магистра по истории и теории искусства. Ее диссертационная работа «Античные фигурные вазы»,

опубликованная еще в 1916 г., была в 1927 г. переиздана в Париже во французском переводе и до сих пор остается основным трудом по этой теме.

Начиная с 1925 г. с некоторыми перерывами научная деятельность М. И. Максимова была связана с ИА АН СССР (ГАИМК—ИИМК), старшим научным сотрудником которого она была до выхода на пенсию в 1967 г., оставаясь затем членом его Ученого совета. В 1928 г. по командировке Наркомпроса Мария Ивановна ездила с научными докладами в Париж и Берлин. В 1939—1941 гг. она была научным сотрудником АН Грузинской ССР и Государственного музея Грузии, участвуя в изучении и публикации замечательных находок из раскопок Мухеты и Армази.

Суровая блокадная зима 1941—1942 гг. застала Марию Ивановну в осажденном Ленинграде. Здесь после смерти академика С. А. Жебелева она возглавила Сектор Древнего Причерноморья ИИМК, которым руководила в течение ряда лет. В 1945 г. за большие научные заслуги М. И. Максимова была присуждена ученая степень доктора исторических наук без защиты диссертации.

С годами круг научных интересов М. И. Максимова все более расширялся, и они становились все более многогранными. Начав с исследования памятников малых форм искусства — керамики, глиптики, торевтики, в дальнейшем она уделяла все больше внимания решению больших исторических проблем. Помимо названных выше трудов, М. И. Максимова написала важные обобщающие работы по истории эллинистической техники (1948) и древнегреческого искусства (1956). Идеи Марии Ивановны о необходимости углубленного изучения античного Причерноморья как единой культурно-исторической общности находят все более широкий отклик. В последние годы М. И. Максимова уделяла особое внимание изучению знаменитых курганных комплексов Северного Причерноморья — Зеленского, Артюховского, Келермесского. Она считала одной из первоочередных задач советских антиковедов работу над *Corpus tumulorum* — сводом курганных древностей — и внесла большой вклад в его подготовку.

Много внимания М. И. Максимова уделяла педагогической работе. Еще в 1918 г. она стала работать преподавателем, а затем профессором Ленинградского университета. Она читала курсы лекций в Археологическом институте и Институте истории искусств, а в 1945—1947 гг. заведовала кафедрой искусства древнего мира в Институте им. И. Е. Репина Академии художеств СССР. Много сил и внимания она уделила подготовке молодых научных кадров Ленинграда, Москвы, Закавказья. Ее ученики успешно трудятся в городах Советского Союза и за рубежом.

Марию Ивановну Максимова всегда отличали завидная работоспособность, энергия, оптимизм и жизнелюбие. Ей, маститому ученому с мировым именем, всегда было чуждо какое-либо высокомерие. Общение с ней всегда было большой радостью, оно не только обогащало новыми знаниями, но и учило мудрости жизни.

Мария Ивановна Максимова прожила долгую интересную и плодотворную жизнь. От нас ушел большой ученый, горячий патриот, настоящий человек. Такой Мария Ивановна Максимова навсегда останется в памяти ее друзей, товарищей и учеников.

М. И. Максимова

¹ Список печатных работ М. И. Максимова см.: СА, 1965, № 2, стр. 133.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП	— Античные города Северного Причерноморья в античную эпоху
АИКСП	— Античная история и культура Северного Причерноморья. Л., 1968
АО	— Археологические открытия
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР
ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ДБК	— Древности Боспора Киммерийского
ЗОАО	— Записки Одесского археологического общества
ИА	— Институт археологии Академии наук СССР
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИБАИ	— Известия на Болгарский Археологический институт. София
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
КБН	— Корпус боспорских надписей
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИА АН	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
УССР	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАР	— Материалы по археологии России
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
Нис	— Нумизматика и сфрагистика
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика
ОАК	— Отчет Археологической комиссии
СА	— Советская археология
СГЭ	— Сообщение Государственного Эрмитажа
СИЭ	— Советская историческая энциклопедия
ХС	— Херсонесский сборник
AM	— Athenische Mitteilungen
AJA	— American Journal of Archaeologia
IOSPE	— Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
JGS	— Journal of Glass Studies
RE	— Pauly—Wissowa—Kroll. Realenciklopädie der klassische Altertumswissenschaft
SCIV	— Studii si cercetări de istorie veche. București

СОДЕРЖАНИЕ

А. Н. Карасев. К вопросу о водоснабжении ольвийского гимнасия	3
А. Н. Карасев , Е. И. Леви. Раскопки ольвийской агоры в 1970 г.	11
Н. И. Сокольский. Крепость аспурган на Боспоре	21
Е. М. Алексеева. Раскопки эллинистического дома в Горгиппии	31
Т. М. Арсеньева, Д. Б. Шелов. Работа Нижне-Донской экспедиции в 1970—1972 гг.	38
В. Д. Блаватский. О скифской и сарматской этнонимике	45
А. И. Болтунова. Фрагменты надписи о строительстве башни в Танансе	47
О. Д. Дашевская, Б. Ю. Михлин. Синопская амфора с надписью Майдата	50
В. С. Долгоруков. Исследования береговой части Фанагории в 1971—1972 гг.	54
И. Б. Зеест. Понск восточной границы архаической Гермонассы	60
М. М. Кобылина. Штамп с изображением Тихи из Фанагории	63
Н. Т. Круликова. Бронзовая гидрия из Анапы	67
К. К. Марченко. Классификация лепной керамики Ольвии второй половины IV—первой половины I в. до н. э.	70
Э. Я. Николаева. Раскопки терм в Кепях	77
Н. А. Онайко. Результаты работ Новороссийской экспедиции 1971—1972 гг.	82
Б. Г. Петерс. О некоторых металлических изделиях из античного поселения у с. Михайловки	88
И. Р. Пичилян. Архаическая капитель анта из Керчи	90
Н. П. Сорокина. Антиохийский расписной сосуд из Тананса	93
О. Н. Усачева. Надгробия из Кеп с изображением женской фигуры	96
Г. А. Цветаева. Кирпичи с тамгой из Горгиппии	99
И. Г. Шурья. Центральный район Илурата	102
А. Н. Щелов. Некрополь у Песочной бухты близ Херсонеса	109
Памяти Александра Николаевича Карасева	117
Список печатных работ А. Н. Карасева	119
Памяти Николая Ивановича Сокольского	120
Список печатных работ Н. И. Сокольского	122
Памяти Марии Ивановны Максимовой	124
Список сокращений	126

Античная археология
КСИА, вып. 143

*Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии Академии наук СССР*

Редактор *Н. И. Сериевская*
Художественный редактор *Н. И. Власик*
Технические редакторы *Т. И. Жарикова, А. И. Куприянова*
Корректор *А. И. Карасева*

Сдано в набор 4/III 1975 г. Подписано к печати 28/VII 1975 г.
Формат 70×108^{1/16}. Бумага типографская №2. Усл. печ. л. 11,2.
Уч.-изд. л. 10,2. Тираж 3500. Т-10987. Тип. зак. 162.
Цена 61 коп.

Издательство «Наука»
103717, ГСП, Москва, К-62, Подосенский пер., 21
1-я типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12